

КОЛОНИЗАЦІЯ 24585
НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЕГО
ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Д. У. Багалтя.

Оттискъ изъ „Кіевской Старины“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4

1889.

Slav-5522.5

Subscription Fund

Дозволено цензур. Київъ, 28 іюня 1889 г.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ И ПЕРВЫЯ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любопытную и крайне своеобразную страницу въ общей исторіи русской колонизаціи представляет исторія колонизаціи Новороссійскаго края и по необычайной быстротѣ колонизаціоннаго процесса, и по разнообразію этнографическихъ элементовъ, привлеченныхъ къ этому процессу, и по блистательнымъ результатамъ, увѣнчавшимъ тяжелые труды первыхъ піонеровъ. Эта страница отчасти уже даже написана въ многочисленныхъ трудахъ ветерана-историка Новороссійскаго края А. А. Скальковскаго ¹⁾; и всякій знакомый съ его историческими и статистическими работами, согласится съ тѣмъ, что онѣ для своего времени представляли въ высшей степени замѣчательное явленіе; можно сказать, что въ областной исторической литературѣ того времени онѣ занимали первое мѣсто; такъ на нихъ смотрѣла и Императорская академія наукъ, присуждавшая автору высшія награды (Демидовскую и Уваровскую преміи). Да и теперь всякій изслѣдователь новороссійской старины долженъ будетъ обращаться къ трудамъ Скальковскаго, какъ къ богатѣйшей сокровищницѣ цѣнныхъ *матеріаловъ*, никогда не утратящихъ своего значенія. Иное заключеніе мы должны высказать относительно критической обработки и группировки этого матеріала; требованія отъ историческаго изслѣдованія

¹⁾ „Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійск. края (1730—1823 г.)“ 2 тома. Од. 1836 и 1838; „Исторія новой Сѣчи“, 3 изданія (1842, 1846 и 1855 гг.); „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края“, 2 ч., 1850—1853 г.

за последнее время значительно увеличились, и имъ то не удовлетворяетъ «Хронологическое обзорѣніе исторіи Новорос. края», изложенное не въ прагматической, а въ лѣтописной формѣ. Къ трудамъ А. А. Свальковскаго, по своему характеру и направленію, примыкаютъ изслѣдованія преосв. Гавріила¹⁾. Затѣмъ въ болѣе позднее время стали появляться историко-статистическія описанія отдѣльных губ., составленныя офицерами генеральнаго штаба, въ томъ числѣ херсонской и екатеринославской; въ описаніи первой мы встрѣчаемъ между прочимъ «Краткій историческій взглядъ на херсонскую губ.»²⁾, заключающій въ себѣ общій очеркъ заселенія губ. съ нѣсколькими новыми фактическими данными, почерпнутыми изъ архивныхъ источниковъ. Вотъ и всѣ старыя труды по исторіи Новороссійскаго края вообще и колонизаціи его въ частности на русскомъ языкѣ³⁾.

Но раньше всѣхъ ихъ (въ 1820 г.) вышло въ Парижѣ на французскомъ языкѣ сочиненіе, спеціально посвященное историческому очерку Новороссіи, принадлежащее перу маркиза де Кастельно⁴⁾. Оно могло дать иностранцамъ наглядное и довольно вѣрное представленіе о краѣ, сильно интересовавшемъ и привлекавшемъ ихъ своею торговлею и промышленностью, тѣмъ болѣе, что тогда во главѣ его стоялъ извѣстный французскій эмигрантъ дукъ де Ришелье, желавшій привлечь сюда въ большомъ количествѣ французскихъ колонистовъ. Авторъ этой книги имѣлъ всѣ данныя, чтобы написать хорошее сочиненіе на избранную имъ тему: онъ долго жилъ въ Новороссіи, путешествовалъ по ней, дѣлалъ наблюденія надъ мѣстнымъ климатомъ, находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ

¹⁾ „Очеркъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, изъ оригинальныхъ источниковъ почерпнутый“ (въ 3-мъ т. Зап. од. общ.) и „Продолженіе очерка о Новорос. краѣ“ (въ 5-мъ т. Зап. од. общ.); эти же статьи перепечатаны въ „Сочиненіяхъ“ преосвященнаго, изд. въ Москвѣ въ 1854 г.

²⁾ А. Шидта. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, Херсонская губ. 2 части. Спб. 1863 г.; стр. 3—78.

³⁾ Сюда еще нужно причислить М. Кирьякова „Историко-статистическое обзорѣніе херсонской губ.“ въ „Матеріалахъ для стат. рос. имп.“ Спб. 1839 г. стр. 163—189.

⁴⁾ Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol. P. 1820; въ 1-й и 2-й части излагается систематическая исторія новороссійскихъ степей, начиная со скифовъ и оканчивая крымскими татарами, запорожцами и русскими; въ концѣ 2-й части кромѣ того мы находимъ описаніе природы Новороссійскаго края и его колоній; въ третьей части помѣщены историческія и статистическія свѣдѣнія объ Одессѣ и отчетъ о путешествіи въ Крымъ.

и, что самое важное, получилъ отъ представителей мѣстной администраціи и устныхъ и письменныхъ извѣстій о недавнемъ прошломъ и современномъ состояніи края, если къ этому еще мы прибавимъ въ высшей степени доброжелательное отношеніе автора къ личности и дѣятельности имп. Александра I-го, выразившееся между прочимъ въ посвященіи ему книги, и желаніе *оцѣнивать* мѣропріятія разныхъ дѣятелей, то для насъ станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ трудомъ, интереснымъ не только для иностраннаго, но и для русскаго читателя. Такъ, во 2-й части мы найдемъ не мало интересныхъ данныхъ и соображеній по исторіи заселенія Новороссіи (таково описаніе мѣстной природы и свѣдѣнія о колоніяхъ); а 3-я часть, посвященная специально г. Одессѣ и ея торговлѣ, въ этомъ отношеніи еще интереснѣе. Конечно, современный читатель не удовлетворится книгой де Кастельно и найдетъ въ ней не мало промаховъ и пробѣловъ; его не заинтересуетъ описаніе древнѣйшихъ судебъ Новороссіи и онъ пожалѣетъ, что исторіи колонизаціи края во 2-й пол. XVIII в. и нач. XIX в. отведено такъ мало мѣста; въ характеристикѣ дѣятельности дюка де Ришелье онъ увидитъ не объективное воспроизведеніе заслугъ и недостатковъ этого дѣятеля, а исключительно одинъ панегирикъ; не разъ онъ пожалѣетъ также, что авторъ не обозначалъ болѣе точно своихъ источниковъ и т. п. А. А. Скальковскій и др. изслѣдователи не были поставлены въ необходимость ссылаться на книгу де Кастельно, потому что сами имѣли въ своемъ распоряженіи множество новыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ и писали только на основаніи ихъ; но будущій историкъ новороссійской колонизаціи, намъ кажется, не обойдетъ ее и приметъ во вниманіе нѣкоторые взгляды маркиза де Кастельно.

Кромѣ этихъ общихъ сочиненій можно указать на нѣсколько монографій по отдѣльнымъ вопросамъ; таковы—А. А. Скальковскаго о болгарскихъ колоніяхъ, его же, Смольянинова и Орлова объ Одессѣ, Владимірова—объ Екатеринославѣ, Нивятина—о евреяхъ-земледѣльцахъ, Клауса—объ иностранныхъ колоніяхъ, Щебальскаго и Бризнера о Потемкинѣ, Пейсоннеля—о черноморской торговлѣ и др. Но вопросъ о колонизаціи Новороссійскаго края поставленъ на настоящую почву только въ самое послѣднее время, въ издаваемыхъ херсонской земской управой «Матеріалахъ для оцѣнки земель». Нельзя не поблагодарить херсонское земство и статистиковъ, что они въ каждомъ изъ трехъ доселѣ изданныхъ томовъ «Матеріаловъ» помѣстили по краткому очерку заселенія описываемаго ими уѣзда, такъ что изъ

этихъ частичныхъ очерковъ составитъ въ послѣдствіи полная картина заселенія херсонской губ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что колонизаціонный вопросъ находится въ тѣснѣйшей связи съ существующими нынѣ формами землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ въ самый моментъ заселенія края складывались и вырабатывались тѣ или иныя формы землевладѣнія, сословныхъ отношеній, мѣстнаго управленія и т. п. Къ сожалѣнію, статистики, стѣсненные рамками своей спеціальной задачи (современнаго хозяйственнаго и экономическаго изученія губ.), едва ли будутъ имѣть возможность достаточно подробно, какъ того требуетъ важность предмета, изложить исторію фактическаго заселенія Новороссійскаго края и условій, сопровождавшихъ это заселеніе. Очевидно, что это прямая задача спеціалиста-историка, и жаль, что до сихъ поръ никому изъ изслѣдователей не пришла на мысль такая благодарная тема;—по всей вѣроятности этому мѣшаетъ обширность задачи, обиліе и разнообразіе печатныхъ и архивныхъ данныхъ, но мы, само собою разумѣется, далеки отъ мысли принять на себя такую задачу—для этого понадобилось бы напечатать м. б. два большихъ тома;—наша настоящая статья представляетъ нѣкоторую переработку публичныхъ лекцій, читанныхъ весною 1888 г. въ г. Николаевѣ, и издается вслѣдствіе выраженного нѣкоторыми лицами желанія видѣть ихъ въ печати. Со времени выхода въ свѣтъ трудовъ А. А. Скальковскаго накопилось не мало новыхъ матеріаловъ; они то и послужили главнымъ источникомъ для моихъ статей; таковы разнообразныя и цѣнныя документы, помѣщенные въ 13-ти томахъ «Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей», въ нѣсколькихъ томахъ «Сборника Имп. рус. ист. общ.», въ журналѣ «Кіевская Старина», въ «Матеріалахъ для ист. стат. оп. екатеринославской епархіи» Θεодосія, въ «Матеріалахъ для исторіи южнорус. края» А. А. Андріевскаго, въ мемуарахъ нѣмецкаго врача Дримпельмана и Пишчевича. Кромѣ того нами найдено для себя кое что цѣнное и въ такихъ источникахъ 1-й руки, которые были изданы еще до выхода въ свѣтъ трудовъ г. Скальковскаго, но которыми ни онъ, ни другіе почти не пользовались; таковы путешествія и описанія академика Гюльденштедта, проф. Дюгурова, Измайлова, Неизвѣстнаго, Мейера. Наконецъ, нами не мало почерпнуто и изъ той сокровищницы матеріаловъ, изъ которой и черпали, и будутъ черпать всѣ изслѣдователи,—изъ Полнаго собранія законовъ. Не перечисляемъ мы здѣсь также и источниковъ, положенныхъ въ основу нашего топографиче-

скаго очерка новороссійскихъ степей, по ихъ общезвѣстности (Эрихъ Лясота, Боплавъ, князь Мышецкій, Коржъ и др.).

На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ и перечисленныхъ выше пособій постараемся прослѣдить въ общихъ чертахъ распространеніе русскаго государства и движеніе народонаселенія къ югу, къ завѣтному побережью Чернаго и Азовскаго морей; попытаемся опредѣлить виды и формы, размѣры и быстроту колонизаціи, роль въ ней государства и народа, русскаго племени и иноземцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаемъ краткій очеркъ зачатковъ мѣстной культуры, развивавшейся параллельно съ колонизаціей края и находившейся въ прямой, непосредственной связи съ этой послѣдней, можно сказать, всецѣло опредѣлявшеюся ею. Но предварительно намъ необходимо будетъ сдѣлать характеристику мѣстной природы для того, чтобы опредѣлить тѣ условія, при которыхъ совершалось заселеніе края.

ГЛАВА 1-я.

Природа страны.—Географическое положеніе степей.—Дибирь съ его перогами, плавнями и островами; Бугъ и Диѣстръ.—Флора.—Фауна.—Незгоды степной жизни: зимнія стужи, лѣтнія жары и засухи; саранча; сосѣдство съ татарами.

Предметомъ нашего изученія будетъ мѣстность, обнимающая нынѣшнія херсонскую, екатеринославскую и таврическую губ. (исключая въ этой послѣдней Крыма) и извѣстная подъ именемъ Новороссіи или новороссійскихъ степей. Географическое положеніе и природа новороссійскихъ степей опредѣлили ихъ историческую судьбу: съ самыхъ отдаленныхъ временъ онѣ служили жилищемъ для номадовъ, постоянно приходившихъ въ Европу изъ Азіи черезъ Каспійскія ворота, вытѣснявшихъ другъ друга и уступавшихъ свое мѣсто новымъ пришельцамъ. Не перечисляя древнѣйшихъ обитателей ихъ, мы только напомнимъ о современникахъ древнихъ русичей—печенѣгахъ, черныхъ клобукахъ, половцахъ и татарахъ; одни кочевники надолго задерживались въ новороссійскихъ степяхъ; другіе только проходили черезъ этотъ великій путь изъ Азіи въ зап. Европу и тамъ уже проявляли свою разрушительную дѣятельность; новороссійскія степи на востокѣ сливаются мало по малу со степями Азіи; вотъ почему онѣ и сдѣлались торною дорогою для всѣхъ азіатскихъ кочевниковъ. Природа ихъ представляла гораздо большія удобства для бродячей, кочевой, чѣмъ для осѣдлой жизни. Здѣсь ископн господствовала не лѣсная, а степная растительность—высокія густыя травы, столь за-

манчивыя для номадовъ; лѣса здѣсь если и попадались, то въ видѣ оазисовъ. Здѣсь былъ просторъ, столь необходимый для кочевниковъ, съ ихъ многочисленными стадами рогатаго скота и табунами лошадей; здѣсь почти нѣтъ лѣсовъ, препятствующихъ постояннымъ передвиженіямъ съ одного мѣста на другое; здѣсь мало и горъ: почти вся мѣстность отличается равниннымъ характеромъ; вездѣ, куда ни бросишь взоръ, увидишь одну безконечную равнину, то зеленую, то выжженную солнцемъ, отличительною чертою которой нужно признать почти полное отсутствіе разнообразія. Единственными предметами, на которыхъ останавливается взоръ, являются курганы,—это нѣмые свидѣтели отдаленнаго прошлаго; но и къ нимъ скоро привыкаетъ глазъ, можетъ быть потому, что и они похожи другъ на друга. «Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ, говоритъ о херсонскихъ степяхъ г. Шмидтъ, составляютъ какъ бы исключеніе въ херсонской губ. разнообразіемъ и живописностью многихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзывая всю степную поверхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинскимъ величіемъ и извиваются широкими, синими полосами среди обширныхъ зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камышей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихъ пространствъ наносныхъ песковъ¹⁾». Первое мѣсто между этими рѣками по праву принадлежитъ Днѣпру²⁾, извѣстному подъ именемъ Борисеена уже отцу исторіи Геродоту. Начинаясь въ предѣлахъ смоленской губ., изъ болотъ, расположенныхъ у подошвы валдайской плоской возвышенности, Днѣпръ впадаетъ лиманомъ въ море и, такимъ образомъ, соединяетъ отдаленный сѣверо-западный край съ Чернымъ моремъ; въ предѣлахъ Новороссійскаго края онъ течетъ на разстояніи болѣе 500 верстъ и на всемъ этомъ пространствѣ орошаетъ степи. Характеристическую черту Днѣпра въ предѣлахъ сѣверной части екат. губ. составляютъ *пороги* и заборы. Днѣпровскіе пороги издавна привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ и писателей; о нихъ сообщаютъ свидѣнія византійскій имп. Константинъ Багрянородный, Эрихъ Ласота, Бопланъ, неизвѣстный авторъ Книги большого чертежа, составитель атласа р. Днѣпра XVIII в. и, наконецъ, авторъ статьи, помѣщенной въ 3-мъ томѣ «Зап. од. общ. ист. и др.», стр. 581—586; но число пороговъ

¹⁾ Мат. для геогр. и стат. Рос. Херс. губ., I, 96.

²⁾ Въ „Зап. од. общ. истор. и др.“, III, 571—580, помѣщено замѣчательное „Описаніе р. Днѣпра отъ м. Переволочнаго до Чернаго моря“, 1697 г., содержащее въ себѣ любопытныя свидѣнія о рѣкахъ, рѣчкахъ, вѣткахъ и островахъ р. Днѣпра“.

въ этихъ источникахъ указывается неодинаковое (отъ 7 до 13); самыя названія ихъ съ X вѣка измѣнились; впрочемъ, имена ихъ у Константина Багрянороднаго переданы не точно. «Пороги, говоритъ нѣм. путешественникъ XVI в. Э. Ласота—это пучины (Strudl) или скалистыя мѣстности, гдѣ Днѣпръ во всю ширину свою запруженъ камнями и скалами, которые отчасти находятся подъ водою или на уровнѣ ея, отчасти же поднимаются высоко надъ водою, почему и дѣлаютъ плаваніе по этой рѣкѣ весьма опаснымъ, особенно во время мелководія»¹⁾; по словамъ Воплана, пороги составляютъ родъ плотины, которая запружаетъ рѣку: «Днѣпръ поднимается и падаетъ съ высоты 5 или 6 ф., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 7 ф., смотря по обилію водъ его; весною, при таяніи снѣговъ, онъ покрываетъ всѣ пороги, исключая седьмаго—Ненасытцаго, который только и препятствуетъ судоходству въ это время; лѣтомъ же и осенью, когда вода стоитъ на самой низкой точкѣ, водопады имѣютъ нерѣдко отъ 10 до 15 ф. въ вышину»²⁾. Самый грозный изъ пороговъ Ненасытцкій, теперь называемый Дидомъ. «Страшный шумъ, говоритъ Аванасевъ-Чужбинскій, зачастую слышныи еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лопманы Ненасытець, и вскорѣ вправо показываются огромныя всплески волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между камнями. Оба берега скалисты... Собственно порогъ состоитъ изъ 12 рядовъ камней, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правій берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ беспорядкѣ... Съ Монастырька, а лучше всего съ верху горы видъ на порогъ превосходный; Ненасытець представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ камнями...»³⁾. Днѣпровскіе пороги, конечно, должны были служить значительнымъ препятствіемъ для судоходства; порожистое теченіе Днѣпра представляло изъ себя

¹⁾ Путевныя зап. Э. Ласоты, пер. и прим. Вруза, стр. 27.

²⁾ Описаніе Украйны, стр. 22.

³⁾ Поѣздка въ южную Россію, часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 100—101, 103, 104.

какъ бы естественную твердню, которая преграждала путь и въ лежавшее за нею далѣе къ югу русло Днѣпра (уже за порогами). Эта часть Днѣпра отличается другимъ свойствомъ, характеризуется такъ называемыми *плавнями*.

Днѣпръ течетъ здѣсь въ широкой долинѣ, перерѣзанной рукавами, гирлами и заливами рѣки, образующими множество озеръ, затоновъ и острововъ; эти то низменныя долины, образуемая днѣпровскимъ русломъ, и называются плавнями. Онѣ состоятъ изъ песчаныхъ и иловатыхъ наносовъ рѣки, затопляемыхъ съ весенними разливами и за исключеніемъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстъ древняго образованія, въ періодъ большаго обилія водъ въ рѣкѣ, остаются въ теченіи всего года на горизонтѣ ея водъ. Низменности одѣваются болотною растительностью и густо растущимъ камышомъ, покрывающимъ сплошнымъ ковромъ цѣлыя десятки квадратныхъ верствъ. Прочія низменности должны представляють луговые пространства, одѣтыя иногда густою лѣсною растительностью, преимущественно вербою, или же представляютъ совершенно оголенные наносы песка, какъ бы мели, только что выдвинувшіяся на поверхность воды. За исключеніемъ этихъ песчаныхъ пространствъ, плавни составляютъ особое богатство страны, по скудности въ ней строительнаго матеріала, топлива, а иногда и сѣна. Не говоря о значеніи лѣса въ степномъ краѣ, но и камышъ, достигающій роста отъ 5 до 6 аршинъ и болѣе, употребляется на топливо и на постройку крышъ, изгородей и самыхъ домовъ (что имѣетъ немаловажное значеніе), а луга доставляютъ постоянный и обильный сѣновосъ, несмотря на случающіеся неурожаи сѣна въ степяхъ. Иловатая почва долины, при низменномъ ея положеніи, весьма способна къ разведенію садовъ и огородовъ... Кромѣ того она представляетъ особенное удобство къ разведенію птицы и животныхъ¹⁾. «Какая бы ни была засуха, говоритъ Аванасьева-Чужбинскій, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ не ощутительна: здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности и на этихъ поемныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди даже и въ то время, когда въ степи не бываетъ ихъ совершенно»²⁾. Описанныя здѣсь плавни начинаются

¹⁾ Мат. для геогр. и ст. хѳрс. губ., I, 168—169.

²⁾ Поѣздка въ южную Россію. Часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 154.

сейчасъ же за днѣпровскими порогами еще въ предѣлахъ екатериин. губ. (онѣ то были извѣстны у запорожцевъ подъ именемъ «Великого Лугу»); но затѣмъ тянутся и далѣе въ предѣлахъ херсонской губ. до самаго лимана.

Мы уже выше замѣтили, что Днѣпръ образуетъ въ плавняхъ множество острововъ; острова эти начинаются еще въ порожиистой части Днѣпра, но больше всего мы находимъ ихъ за порогами въ плавняхъ. Уже Э. Ласота ¹⁾ и Болланъ ²⁾ обратили вниманіе на Днѣпровскіе острова, особенно много распространяется о нихъ послѣдній; впрочемъ, онъ самъ при этомъ заявляетъ, что спускался только до острова Хортицы, а объ островахъ за днѣпровскими порогами сообщаетъ по рассказамъ другихъ; онъ называетъ, между прочимъ, Великій островъ, Томаковку, Кагеръ, Носововку, Таванъ, самымъ значительнымъ изъ острововъ былъ Хортицкій. По словамъ Э. Ласоты, этотъ «прекрасный, высокій и пріютный» островъ имѣлъ въ длину 2 мили и раздѣлялъ Днѣпръ на 2 равныя части; Болланъ къ этому присоединяетъ еще такіа свѣдѣнія: онъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, слѣдовательно безъ удобныхъ пристаней; въ ширину имѣетъ съ восточной стороны около полумили, но къ западу уже и ниже. Онъ не подверженъ наводненіямъ и покрытъ былъ густымъ лѣсомъ. Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ острововъ была еще цѣлая масса небольшихъ островковъ, образуемыхъ руслами рѣки, озерами, затонами и т. п. «Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, говоритъ Болланъ, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ, съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10000 островами (это, конечно, гиперболла), которые разбросаны неправильно, безпорядочно; почву имѣютъ иныя сухую, другіе болотистую, всѣ заросли камышемъ, возвышающимся подобно пикамъ и закрывающимъ протоки между островами».

Таковъ былъ Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами. Отчасти такими же свойствами отличался и Бугъ. Прорѣзываясь, подобно Днѣпру, черезъ каменную гряду—отроги Карпатъ, онъ также образуетъ пороги (между Ольвіополемъ и с. Александровкою); здѣсь каменными глыбами усѣяно все дно рѣки; всѣхъ пороговъ 18; кромѣ того еще не мало и заборъ; пороги дѣлаютъ эту часть Буга очень живописною, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неудобную для судоход-

¹⁾ Путевые записки, стр. 26—30, 52—53.

²⁾ Опис. Украины, стр. 17—19, 22—29.

ства; ниже пороговъ (отъ Александровки до впаденія р. Куцаго Еланца) Бугъ течетъ въ долину шириною отъ 1 до 5-ти верстъ и, подобно Днѣпру, образуетъ плавни ¹⁾; плавни эти состоятъ то изъ луговъ, заливаемыхъ водою только во время половодья, то изъ топей, покрытыхъ камышемъ или мягкими лѣсными породами деревьевъ, то изъ совершенно обнаженныхъ песчаныхъ пространствъ. Въ нижнемъ теченіи Буга плавень почти вовсе не было; здѣсь онъ сильно расширяется и достигаетъ максимальной глубины ²⁾. Болпанъ указываетъ нѣсколько острововъ на Бугѣ (Андреевъ и Кременцовъ ³⁾).

На Днѣстрѣ мы видимъ пороги и отчасти тѣ же плавни и острова; только Днѣстръ образуетъ еще болѣе плодородную долину, нежели Днѣпръ и Бугъ; «долина днѣстровская составляетъ богатство края, представляя самую плодороднѣйшую почву для садовъ, виноградниковъ и огородовъ, доставляя лѣсъ, камышъ и всегда обезпеченный сѣнокосъ ⁴⁾».

О притокахъ Буга и Днѣпра «Топогр. оп.» области, доставшейся намъ отъ турокъ въ 1774 г., говоритъ слѣдующее: «рѣчекъ по сей земли хотя по обширности ея и не весьма (много), однако довольно; но всѣ почти маловодны и къ вершинамъ совсѣмъ въ лѣтнее время воды не имѣютъ... По всѣмъ же, кромѣ Ингула и Ингульца, рѣчкамъ переѣзды въ бродъ вблизи самихъ устей есть; а которыя при томъ болотисты и у тѣхъ не долѣ отъ устья какъ до 7 в. и въ самое

¹⁾ Въ топ. описаніи земель, доставшихся Россіи по мирному трактату съ Турціей 1774 г., мы находимъ довольно подробное описаніе р. Буга; тамъ говорится, что Бугъ расширяется отъ впаденія въ него р. Мертвовода (у г. Вознесенска), а верстъ 15 ниже Мертвовода начинается плавня, заростающая камышами, и тянется на разстояніи 27 в. до Сухаго Еланца, только у Голой Пристанн, верстъ на 6 выше Еланца, правый берегъ часть и не покрытъ камышемъ; на югъ отъ Сухаго Еланца на разстояніи 2-хъ верстъ опять идетъ плавня, съ обонхъ береговъ болотистая и заросшая камышемъ; далѣе къ югу Бугъ значительно расширяется (отъ 250 до 600 с.) и течетъ такъ на протяженіи 6 верстъ, при чемъ лѣвый берегъ еге все такъ покрытъ камышемъ, песчаными кучугурами и лугами; послѣ этого дѣлается вдругъ поворотъ на востокъ и, разлившись на 600 с., течетъ такъ до самаго устья, имѣя глубину отъ 28 до 40 ф. (Зап. Од. общ. 7 томъ, стр. 180—181).

²⁾ Матер. для геогр. и стат. херс. губ., 1, 188, 190; см. также опис. рѣки Буга у Мейера „Повѣств., землем. и естест. описаніе оцак. земли.“ Сиб. 1794 г., стр. 110—112.

³⁾ Оп. Укр., стр. 31.

⁴⁾ Мат. для геогр. и стат. херс. губ., 198.

разливающееся время рѣки Днѣпра переѣзжать можно... ¹⁾ По Ингулу вверх суда съ рыбою ходятъ, отъ устья до 40 в., гдѣ уже болѣе 4 футъ глубины не имѣтъ» ²⁾.

Почва Новороссійскаго края должна быть названа въ общемъ очень плодородной: черноземъ преобладаетъ и въ херсонской, и въ екатеринославской губ. и толщина его колеблется между четырьмя вершками и 1¹/₂ арш. Черноземъ этотъ покрываетъ не описанныя нами рѣчныя долины, а настоящія степи и при томъ слой его тѣмъ толще, чѣмъ выше эти степи приподняты надъ уровнемъ моря; но такъ какъ степи понижаются къ югу по мѣрѣ приближенія къ Черному и Азовскому морямъ, то наиболѣе тонкій слой чернозема оказывается у самаго побережья, возлѣ лимановъ. Очаковская область, т. е. часть Новор. края, лежавшая между Бугомъ и Днѣстромъ, по качеству почвы можетъ быть раздѣлена на 2 части—сѣверную и южную; первая отличается необыкновеннымъ плодородіемъ, а вторая, приморская производитъ только тощую растительность; западная часть степи—днѣстровская болѣе изобилуетъ водою, чѣмъ восточная (бугская); протекающія здѣсь рѣки могутъ быть раздѣлены на 3 группы: одніе никогда не пересыхали, другія пересыхали только отчасти, а третьи совсѣмъ; кромѣ рѣчной воды жители пользовались еще колодцами и родниками ³⁾. Что касается рѣчныхъ долинъ, то тамъ почва наносная—преимущественно илисто-песчаная, а иногда илисто-песчано-черноземная (по теченію Днѣстра)—и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ довольно плодородная. Конечно, кромѣ черноземныхъ пространствъ, есть также и песчанья и солончаковыя и болотистыя, совершенно неудобныя для культуры; такова, напр., Кивбурнская коса, или, какъ ее называли запорожцы, «прогнои», представляющая изъ себя настоящую Ливійскую пустыню и отличавшаяся такимъ

¹⁾ Подробнѣйшее перечисленіе днѣпровскихъ притоковъ см. въ соч. кн. Мышецаго: Ист. о козакахъ запорожскихъ, стр. 59—73; гораздо менѣе удовлетворительны свѣдѣнія атласа р. Днѣпра конца прошлаго вѣка, см. Русова., Русскіе трагты., стр. 128—129.

²⁾ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. VII, стр. 183—184, 181.

³⁾ Мейера., Повѣствованіе, землемѣрное и естественное описаніе Очаковскія земли. Спб. 1794, стр. 100—103. Оно заключаетъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія о физико-геогр. свойствахъ очаковской области: Нижняя или приморская часть на красной, ржавчатой и желѣзными частицами наполненной землѣ производитъ только тощія, солковатныя и всѣ вообще какъ бы дымчатныя растенія. Верхняя же или кодымская часть плодородностію и изыщностію своей земли превзойти можетъ всякую другую страну“.

же характеромъ и въ прежнія времена ¹⁾, но существованіе бесплоднаго пространства не нарушаетъ общаго вывода о плодородіи степей. Объ этомъ плодородіи свидѣлствуютъ многіе очевидцы стараго времени, сообщающіе данныя о богатствѣ степной флоры. Послушаемъ, напр., что говоритъ объ этомъ Бопланъ: «По полямъ Замокана (Самоткана), говоритъ онъ, особенно же по долинамъ, встрѣчаются цѣлыя лѣса вишневыхъ деревъ, небольшіе, но весьма частые, длиною иногда болѣе подумли, а шириною отъ 200 до 300 шаговъ; лѣтомъ видъ ихъ прелестенъ. Тамъ же растетъ множество дикихъ малорослыхъ миндальныхъ деревъ съ горькими плодами; но они не составляютъ лѣсочковъ, подобно вишнямъ, коихъ вкусные плоды не уступаютъ садовымъ ²⁾. По теченію р. Самары (притока Днѣпра), по словамъ Боплана, было большое обиліе лѣса, который доставляли отсюда въ Колакъ ³⁾; одинъ изъ острововъ у Стрѣльчаго порога былъ покрытъ дикимъ виноградомъ ⁴⁾; острова Хортица и Томаковна лѣсомъ ⁵⁾. Князь Мышецкій сообщаетъ намъ списокъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ, растущихъ при Днѣпрѣ: виноградъ, яблоки, груши, тернъ, барбарисъ, калина, вишни, ежевика; на днѣпровскихъ островахъ—дикій чай, шалфей и др. аптечныя травы, дубъ, осокорь или осина, ивнякъ, гордовое и таволжное дерево; но всѣ эти деревья для построекъ не годятся ⁶⁾. Авторъ «Топ. Оп.» говоритъ о части херсонскихъ степей, прилегающихъ къ Днѣпру и Бугу, такимъ образомъ: «Земля на семь округъ, выключая около рѣкъ песчанныя косы и вочугуры, каменные берега, вообще влажна сверху на два фута и болѣе, черна, а ниже глинистой, желтоватой грунтъ имѣетъ и вся въ плодородію способна; но на высокихъ горахъ отъ жаровъ и трава скоро высыхаетъ, слѣдственно хлѣбопашество тамъ производить нельзя, а только къ тому балки и отъ рѣкъ низменныя мѣста и пологость при балкахъ горъ способными остаются; да и траву, если на тѣхъ горахъ получать для покосу, то каждую осень выжигать неотмѣнно принуждено ⁷⁾». О флорѣ тотъ же авторъ говоритъ слѣдующее: «лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, а по балкамъ мѣстами растутъ яблони, груши,

¹⁾ Скальковскаго, Опытъ стат. оп. Новор. края, ч. 1-я, стр. 200—201.

²⁾ Оп. Укр. стр. 16.

³⁾ Ibidem стр. 18.

⁴⁾ Ibidem стр. 23.

⁵⁾ Ibidem стр. 25.

⁶⁾ Ист. о каз. Зап. стр. 78.

⁷⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й стр. 185.

а болѣ терновникъ, шиповникъ, хмель, виноградъ (весьма одичалъ, а потому весьма мелокъ, вкусъ кисловатый имѣетъ и растетъ не во множествѣ), вишни, ивякъ, осокорь, боярыня, гордина, и всѣ изрѣдка; на островахъ, что въ гирлахъ, довольно ольхи, березы, лознику или вербы, терну, но все мелкіе; а по р. Аргамаклы или Громоклеи нѣсколько годнаго и въ строеніе лѣсу есть... Травы рождаются разныя, а обще: въ балкахъ и около рѣкъ растетъ пырей, дягельникъ, чернобыльникъ, дикій лукъ, шавель, кропива, лебеда, цикорій, горчица; изъ цвѣтовъ: тюльпаны, васильки, ромашка, гвоздичка; по надъ берегомъ лимана вакуста заячья, спаржа, и въ степяхъ: ковыль, катранъ, бурьянъ, шалфей, мята; по горамъ много богородицкой травы и полыню, морковка дикая какъ пусторнакъ, чеберъ, бедринецъ, а въ множествѣ около Гарду по Бугу между каменя артишовъ, а въ рѣкахъ, по Днѣпру водяные орѣхи, лапушникъ, изобильно тростнику и камышу, очереть называемаго... грибовъ никакихъ, кромѣ шампіоновъ, не видно. Изъ ягодъ, кромѣ изрѣдка клубники и земляники, никакихъ нѣтъ¹⁾. А вотъ весьма характерный отрывокъ изъ доведенія правителя екатеринославскаго намѣстничества Каховскаго объ Очаковской области, приобрѣтенной отъ турокъ: «въ проѣздѣ мой осматривалъ я оба берега Березанскаго, Тилигульскаго и Куяльницкаго лимановъ. Обозрѣвъ нынѣ всѣ почитаемыя мною нужнѣйшими мѣста въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, приѣмлю смѣлость всеподданнѣйше донести В. И. В., что нашель я по всему пространству земли отмѣнно тучныя и плодородныя: сіе доказывается остатками развалинъ многочисленныхъ бывшихъ повсюду селеній и различнаго рода лучшими травяными кормовыми растеніями, коими покрыты не только всѣ долины, но и плоскія мѣста, исключая береговъ и отлогостей по р. Днѣпру. Весьма мало попадались мнѣ солонцоватыя и песчаныя мѣста; болотистыхъ же не наѣзжалъ я, какъ только по берегамъ Буга и Днѣстра и по лиманамъ, кои покрыты камышемъ, пригоднымъ для употребленія вмѣсто дровъ²⁾».

Не меньшимъ богатствомъ отличается фауна степей. Бопланъ описываетъ подробно водившихся здѣсь байбаковъ и сугаковъ, и говоритъ также объ оленяхъ, ланяхъ, сайгахъ, дикихъ кабанахъ не-

¹⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 186—187; Чернявскій въ своемъ „Описаніи Сѣчи“ перечисляетъ лѣса, принадлежавшіе запорожцамъ; см. „Ист. о каз запор.“ стр. 83—84.

²⁾ Сравнительный взглядъ на Очаковскую область, А. А. Скальковскаго (Зап. Од. Общ., I, 260—261).

обыкновенной величины и диких лошадей, ходивших табунами отъ 50 до 60 головъ ¹⁾). Э. Ласота передаетъ, что на обратномъ пути изъ Сѣчи онъ и его товарищи встрѣтили медвѣдя и убили его (между рѣчками Самотканью и Домотканью ²⁾). Кн. Мышецкій перечисляетъ звѣрей, которые встрѣчаются по обоимъ берегамъ р. Днѣпра и по островамъ; это были: олени, волки, лисицы, зайцы, барсуки, выдры, дикія козы, дикія кошки, дикіе кабаны, дикіе лошаки; на очаковской сторонѣ въ Черномъ лѣсу водились медвѣди и лоси ³⁾; авторъ «Топ. Оп.», извѣстія котораго относятся къ концу XVIII вѣка, когда количество дикихъ звѣрей уже уменьшилось, говоритъ слѣдующее: «звѣрей дивихъ прежде войны важилось довольно, но нынѣ изрѣдка волки, лисицы, зайцы, козы, барсуки, хорьки, сурки или байбаки, а въ камышахъ дикія свиньи и кабаны. По лѣвую сторону Ингула есть множество дикихъ лошадей, а въ рѣкахъ довольно выдры. Были, сказываютъ, олени и сугаки, но нынѣ совсѣмъ не видно ⁴⁾». По сообщенію Пейсоннеля, сугаки (дикія овцы) въ Очаковской и Перекопской степи водились въ изобиліи еще и въ концѣ XVIII в.; Гюльденштедтъ упоминаетъ объ оленяхъ въ елисаветградской провинціи во 2-й половинѣ XVIII в.; дикія козы, куницы и барсуки были еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи ⁵⁾.

Царство пернатыхъ также было велико. Князь Мышецкій перечисляетъ слѣдующихъ птицъ, которыя водились на днѣпровскомъ побережьѣ и на островахъ: дикія гуси разнаго рода, лебеди, утки, колпицы, дрохвы, бакланы, журавли, бабы (пеликаны), аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соволы, ястребы ⁶⁾; авторъ «Топ. Оп.» присоединяетъ еще сюда стрепетовъ, чаекъ и нѣк. др. ⁷⁾.

Воды изобиловали рыбою. «Озеро (лиманъ) Тилигуль, говоритъ Бопланъ, такъ обильно рыбою, что стоячая вода онаго получаетъ запахъ несносный... Озеро Куяльнигъ столь же обильно рыбою, какъ и Тилигуль. Ватаги рыбаковъ приѣзжаютъ на сіи два озера далѣе

¹⁾ Опис. Украины, стр. 89—93.

²⁾ Путевныя зап., стр. 54.

³⁾ Ист. о каз. запор., стр. 77.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

⁵⁾ Ист.-стат. обзор. херс. губ., Кирьякова (Мат. для стат. Рос. имп., стр. 181); о сугакахъ и дивихъ козахъ свидѣтельствуеетъ и Мейеръ, стр. 192.

⁶⁾ Ист. о каз. запор., стр. 77—78.

⁷⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

нежели изъ за 50 миль и ловятъ карповъ и шукъ величины необыкновенной¹⁾). Пселъ и Ворскла—рыбныя рѣки; но обильнѣе всѣхъ рыбою притоки Днѣпра Орель; р. Самара также весьма обильна рыбою²⁾. Князь Мышецкій передаетъ, что запорожцы въ его время въ Днѣпрѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ ловили много осетровъ, севрюги, стерляди, сомовъ, сазановъ, линея, шукъ, карасей, бѣлизны, окуней, судаковъ, плотвы, сельдей, лящей³⁾. Авторъ «Точ. Оп.» говорить, что въ лиманѣ, Бугѣ, Ингулахъ и Днѣпрѣ ловились стерлядь, севрюга, бѣлуга, осетры, сомы, лещи, скумбрія, тарань, камбала⁴⁾ и т. п. Еще во времена Гюльденштедта рыба ловилась въ большомъ изобиліи и продавалась очень дешево; пудъ соленой бѣлужины по 70 к.⁵⁾

Итакъ, Новороссійскія степи изобиловали въ прежнія времена разнообразными естественными богатствами міра животнаго и растительнаго; кромѣ того неисчерпаемыя залежи минераловъ (гл. обр. каменнаго угля и желѣза) находились еще въ нѣдрахъ земли, но сдѣлались извѣстными и стали эксплуатироваться очень поздно. Почва, какъ мы видѣли, по большей части представляла прекрасный черноземъ, а въ рѣчныхъ долинахъ хотя и песчано-илистые, но все таки довольно плодородные наносы; бесплодныхъ или малоплодородныхъ мѣстъ было немного—и они входились главнымъ образомъ въ южныхъ частяхъ степей, ближе къ морю. Климатъ здѣсь болѣе теплый, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Понятное дѣло, что всѣ эти благоприятныя условія должны были привлечь сюда русскихъ поселенцевъ.

Но намъ нужно показать и обратную сторону медали, для того чтобы понять причину медленнаго заселенія этого края въ XVI—XVII в. Жизнь въ степи была сопряжена со страшными лишеніями и неудобствами: приходилось вести настойчивую и упорную борьбу съ дикою степною природой. Страшна была безлюдная степь зимою, когда въ ней господствовали сильные морозы, вѣтры и вьюги, когда вся она представляла изъ себя безконечную бѣлоснѣжную пелену, на которой не видно было уже дорогъ, а бродили только голодные

¹⁾ Опис. Украины, стр. 32—33.

²⁾ Ibidem, стр. 15—16, 18.

³⁾ Ист. о кав. валор., стр. 77.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

⁵⁾ Зап. Од. Общ., XI, стр. 192—193.

волки и др. звѣри. Если теперь великая опасность угрожаетъ путнику, застигнутому здѣсь снѣжною метелью и лютымъ морозомъ, то что же было прежде? Объ этомъ времени сообщаютъ намъ любопытныя свѣдѣнія очевидцы, сами на себѣ испытавшіе все это. Бопланъ очень картинно описываетъ зимніе холода. «Обыкновенно стужа обхватываетъ человѣка вдругъ, говоритъ онъ, и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро;—кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и при томъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало по малу приходитъ въ забытѣе, покоее на оцѣненіе: въ это время сильная дремота влонить васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Таковой смерти не избѣгаютъ люди самаго крѣпваго тѣлосложенія... Въ 1646 г., когда польская армія вступила въ московскіе предѣлы, для пресѣченія возвратнаго пути татарамъ и возвращенія плѣнныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагера: мы потеряли болѣе 2,000, изъ коихъ многіе погибли описанною мною мучительною смертью, другіе же возвратились калѣками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей¹⁾». Другой французскій писатель баронъ де-Тоттъ рассказываетъ, что во время зимняго похода татаръ на Новую Сербію въ 1769 г. (и онъ самъ здѣсь участвовалъ) погибло болѣе 30,000 лошадей²⁾. Всѣмъ извѣстна также знаменитая очаковская зима³⁾).

Недостаточное количество рѣчной воды и быстрое всасываніе испареній атмосферой въ связи съ сухими вѣтрами производили

¹⁾ Бопланъ, Опис. Укр. стр. 96—98.

²⁾ Memeires du baron de Tott sur les turcs et les tartares 1781 a. sec. partie, 153—154.

³⁾ По описанію современника, очаковская зима отличалась чрезвычайною продолжительностью и суровостью; 13 окт. выпалъ уже большой снѣгъ, а 7 ноября началась настоящая зима съ гаетами и метелями, при чемъ замерзло множество деревьевъ въ садахъ и лѣсахъ; передъ 12 іюна ударилъ еще такой морозъ, что мѣстами замерзли огородныя овощи (Очаков. зима по современному описанію, В. Ястребова, въ Киевск. Стар. 1884 г. авг., стр. 732).

очень частыя засухи. Мы упоминали уже, какъ мелководны были рѣчки, впадающія въ Днѣпръ и Бугъ; лѣтомъ онѣ почти совершенно пересыхали и не могли достаточно хорошо орошать и тѣ долины, въ которыхъ онѣ протекали. Атмосферныя осадки (въ видѣ дождя, росы и т. д.) жадно поглощались сухою землею или же обращали жалкіе дотолѣ ручьи въ стремительныя и полноводныя потоки, вода которыхъ быстро уносилась въ большія рѣки и море, а въ степи земля трескалась отъ засухи; вся богатая растительность засыхала. Подобныя засухи были истиннымъ бичемъ для земледѣльческаго хозяйства и тогда уже, когда здѣсь поселились мирныя колонисты. Климатъ былъ здѣсь континентальный, сухой; даже близость моря не умѣряла его; и это потому, что степи были совершенно открыты со всѣхъ четырехъ сторонъ дѣйствию вѣтровъ; и вотъ сѣверный вѣтеръ приносилъ съ собою холодъ, а восточный—страшную сухость и жару. Родники и колодцы въ юго-восточной части Новороссійскаго края находились только у береговъ рѣкъ, а въ степи на горѣ не было ни одного; потому то и дороги проложены были возлѣ рѣчекъ¹⁾.

Весна отличалась большою пере мѣнчивостью погоды. Лѣтомъ вся трава въ степяхъ высыхала и выгорала и онѣ представляли изъ себя мертвую пустыню. Когда же не было засухи, могъ явиться другой врагъ и истребить не похуже ея всю растительность на громадной территоріи; это была саранча—истинный бичъ Божій въ южныхъ степяхъ. «Саранча, говоритъ Бопланъ, летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на 5 или 6 миль въ длину и на 2 или 3 мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкасій, Бассіи и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія—тамъ черезъ 2 часа не остается ни былинки... Вѣдствія увеличиваются въ 300 разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени: ибо въ октябрѣ мѣсяцѣ она умираетъ, но прежде смерти каждое насѣкомое кладетъ въ землю до 300 яицъ, изъ коихъ въ слѣдующую сухую весну выводится бездна саранчи... Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ и помрачаетъ воздухъ... Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ²⁾». Если

¹⁾ Зап. Од. Общ. VII, стр. 183.

²⁾ Опис. Укр., стр. 85—87.

саранча была истиннымъ бичемъ для растительности, то мошки были такимъ же бичемъ для людей и скота. «Берега днѣпровскіе, говорятъ Боплацъ, замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являюся большія, величиною въ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самыя мучительныя и самыя несносныя комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала чрезъ 3 дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть; страшно было взглянуть на меня»¹⁾. Вѣроятно, заноснымъ путемъ распространилась также въ степяхъ страшная гостыя чума, противъ которой не было никакихъ средствъ²⁾. Наконецъ, прежде чѣмъ поселиться въ степяхъ, необходимо было, такъ сказать, отвоевать ихъ отъ татаръ. Татары, явившись сюда въ XIII в., были какъ нельзя болѣе довольны, новыми мѣстами своего жительства—этими моремъ травъ, служившихъ подножнымъ кормомъ для нихъ сталъ даже зимою (по крайней мѣрѣ въ самыхъ южныхъ приморскихъ степяхъ). Опорнымъ пунктомъ, недоступнымъ гнѣдомъ для нихъ былъ Крымъ, завоеваніе котораго сдѣлалось исторической задачей для русскаго государства, начиная съ XVI в.; но эта задача была рѣшена только въ 1783 г. Въ XIII—XVI в. Новороссійскія степи принадлежали татарамъ, кочевья которыхъ простирались еще далѣе на сѣверъ и переходили даже въ нынѣшнюю харьковскую и полтавскую губ., которыя также представляли изъ себя дикое поле. Завоевать Крымъ въ XVI в. и ввести его въ составъ своихъ государственныхъ границъ Москвѣ не удалось: онъ былъ защищенъ степями, отдѣлявшими его отъ московскаго государства. Правда, черезъ эти степи протекали 3 громадныя рѣки (Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ), которыя несли свои воды въ самое море, но къ несчастью на всѣхъ этихъ трехъ рѣкахъ, какъ мы знаемъ, находились пороги, которые страшно затрудняли судоходство или, правильнѣе говоря, дѣлали его

¹⁾ Оп. Укр. стр. 84; см. также Аванасьева-Чужбинскаго, Поѣздка въ южную Россію. Очерки Днѣпра.

²⁾ Любопытныя подробности о чумѣ въ харьк. губ. находятся въ замѣткахъ А. С. Пичковича; особенно интересно его описаніе Крѣковского карантинна г. Кременчуга, см. Киевск. Стар. 1886 г. май, стр. 155—163.

возможнымъ только за порогами; при томъ Днѣстръ отличался бы-строю теченіемъ, а Бугъ вовсе не былъ судоходенъ въ верховьяхъ. Туда вели только татарскіе «извѣчные» шlahи—Черный, Кучманскій и Волошскій на правомъ берегу Днѣпра, Муравскій, Изюмскій и Калміусскій на лѣвомъ. Проходить спокойно по степямъ то пространство, которое отдѣляло Крымъ отъ московскаго государства, могли только татары, выросшіе въ степи; русскія рати, какъ показываетъ исторія Голицынскихъ и Миниховскихъ походовъ, должны были терпѣть при этихъ степныхъ переходахъ страшныя лишенія, несмотря на всѣ тѣ мѣры, какія предпринимались главнокомандующими. Степные пожары являлись ужаснымъ оружіемъ въ рукахъ степняковъ: воздухъ въ степи отъ пожара сильно накалялся; къ страшной сухости и жару присоединялся еще душливый дымъ, который выдалъ глаза и не позволялъ дышать; лошади и люди чувствовали себя какъ бы въ раскаленной печи. Но главное что такой пожаръ захватывалъ громадныя пространства и уничтожалъ весь кормъ для лошадей; а въ какомъ положеніи должны были очутиться всадники, потерявшіе своихъ коней? Они неминуемо должны были погибнуть если не отъ жажды и страшнаго утомленія, то отъ татарскихъ выстрѣловъ; ибо татары ни на одну минуту не оставляли въ покоѣ утомленнаго войска, а наблюдали все время за нимъ, окружали его, какъ вороны свою добычу. Почти въ такомъ положеніи очутилась; напимѣръ, рать кн. Голицына. Во всей степи не было ни городовъ, ни деревень, вообще никакихъ постоянныхъ жилищъ, гдѣ бы можно было найти временный пріютъ и пристанище. Минихъ, какъ извѣстно, долженъ былъ построить по всему пути редуты и ретраншаменты, чтобы поддерживать сообщеніе съ Украиной. Мало того,—отъ р. Самары прекращались и лѣса,—эти естественныя крѣпости для осѣдлаго населенія; попадались они послѣ этого только въ плавняхъ. «Можно пройти, говоритъ Манштейнъ, 15 и 20 верстъ и не встрѣтить ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности—найдутся ли они на новомъ мѣстѣ». Такія опасности и затрудненія угрожали въ степяхъ большому войску, снабженному фуражемъ и всѣмъ необходимымъ. Но чрезвычайно затруднительно было также положеніе и небольшого отряда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что испытали наши посланники Тяпкинъ и Зотовъ; отправленные въ Крымъ для заключенія мирнаго трактата въ 1681 г.; несмотря на то, что ихъ должно было ограждать званіе

пословъ, несмотря на то, что ихъ сопровождалъ отрядъ рейтаръ и козаковъ, они всю дорогу пребыли въ величайшемъ страхѣ, терпѣли отъ безкормицы, безводія, копоты и дыма и вдохнули свободно, пришедши въ самый Крымъ, воздавши благодареніе избавителю Богу, Пречистой Богоматери, что «препроводилъ ихъ такимъ страшнымъ путемъ здоровыхъ и не попустилъ на нихъ враговъ». Спрашивается, каково же могло быть положеніе тѣхъ людей, которые бы рѣшились поселиться навсегда въ степи, въ качествѣ осѣдлыхъ колонистовъ? Имъ нужно было бы вести постоянную борьбу и съ татарами, считавшими эти степи своею собственностью, и съ природой. О мирной колонизаціи края нечего было, конечно, и думать до второй пол. XVIII в. Первые колонисты должны были затрачивать почти всю свою энергію на войну съ татарами—какъ оборонительную, такъ и наступательную; имъ трудно было обратить свою заботливость на созиданіе культуры, потому что для этого нужно было такое спокойствіе въ краѣ, какимъ онъ не пользовался очень долго. Они должны были поселиться въ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ, а такимъ мѣстомъ были острова за днѣпровскими порогами; въ открытой степи ихъ уничтожила бы первая татарская рать. А тамъ, въ этихъ плавняхъ, они могли бы найти все необходимое для своей полукочевой, полуосѣдой жизни, ибо только такую жизнь и можно было бы вести самымъ раннимъ колонистамъ.

ГЛАВА 2-я.

Первые поселенцы.

Первые колонисты—запорожскіе козакъ.—Вліяніе мѣстныхъ условій на внутреннюю организацію ихъ общины.—Боевое значеніе Запорожья.—Заселеніе ими степей: пространство, занятое Запорожьемъ въ XVIII в.; виды запорожскихъ поселковъ; статистика населенія.

Первыми поселенцами Новороссійскихъ степей были запорожскіе козакъ, основавшіе свою сѣчь за днѣпровскими порогами на островѣ Хортицѣ въ самомъ началѣ 2 й пол. XVI в. (при извѣстномъ кн. Дм. Вишневецкомъ)¹⁾. Съ этого времени мѣста сѣчи мѣ-

¹⁾ О происхожденіи зап. козачества см. статью г. П-ки (Кіев. Стар. 1884 г. авг. и сент., стр. 580—613, 27—52); основная мысль—одинаковость факторовъ, вызвавшихъ къ жизни укр. и запор. козачество—уяснена авторомъ обстоятельно и при томъ на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ и потому можетъ быть при

нялись—то мы видимъ ее на островѣ Томаковѣ, то на Микитиномъ Рогѣ, то на Чертомлыцкомъ Рѣчищѣ, то на р. Каменкѣ, то въ урочищѣ Олешкахъ, то надъ рѣчкою Подпольной¹⁾. Переселеніе ея съ одного мѣста на другое обуславливалось не одною, а многими и разнообразными причинами, при чемъ большую роль играли естественныя условія²⁾. Скажемъ болѣе того: природа мѣстности, столь подробно описанная нами раньше, оказала рѣшительное вліяніе на внутреннее устройство Сѣчи и ея бытъ. Что изъ себя представляла запорожская сѣчь въ первое время своего историческаго существованія (напр. въ XVI и даже въ XVII в.)? Военное братство, скрывавшееся отъ татаръ на днѣпровскихъ островахъ среди плавней, отказавшееся по необходимости отъ многихъ формъ правильной гражданской жизни—отъ семьи, личной собственности, земледѣлія и др. культурныхъ занятій. И могло ли быть иначе? Смѣлая горсть русичей только и могла поселиться на днѣпровскихъ островахъ; поселись она въ открытой степи, она была бы немедленно раздавлена татарами; а тутъ на Днѣпрѣ иное дѣло—плавни представляли изъ себя цѣлый лабиринтъ заливовъ, острововъ, гдѣ, по словамъ Боилана, однажды заутались и откуда не могли выйти турецкія суда, рѣшившіяся было погнаться за козацкими; здѣсь же большая часть ихъ и погибла и турки послѣ этого не осмѣливались уже подниматься далеко вверхъ по Днѣпру. Правда, рѣчныя долины Днѣпра и Буга не были покрыты такимъ густымъ слоемъ чернозема, какъ болѣе возвышенныя степи; но запорожцы не нуждались въ этихъ черноземныхъ поляхъ, потому что не занимались на первыхъ порахъ земледѣліемъ; всякая попытка ихъ въ этомъ смыслѣ была бы немедленно уничтожена татарскимъ отрядомъ. Понятно, слѣдовательно, почему заселеніе степей началось съ рѣчной долины: здѣсь запорожцы имѣли, какъ мы видѣли, въ изобиліи рыбу, дивихъ звѣрей и птицъ; понятно, почему главными занятіями у нихъ были рыболовство и звѣроловство; здѣсь

ята какъ доказанная; слабѣе отбѣнена разница между тѣмъ и другимъ въ составѣ, занятіяхъ, внутренней организаціи; авторъ съ полнымъ основаніемъ приписываетъ громадное значеніе соосѣдству съ татарами съ одной стороны, польскому государственному обществ. строю съ другой; въ запорожскомъ воззрѣніи онъ видитъ своеобразную полукочевую, полусѣдлую колонизацію.

¹⁾ Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запорожскихъ сѣчей, стр. 4—15; всѣ эти мѣстности можно легко найти на атласѣ р. Днѣпра к. XVIII в. (см. Русова, Русскіе тракты).

²⁾ Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запор. сѣчей, стр. 15—19.

же были весьма благоприятныя условія для развитія скотоводства, которое дѣйствительно скоро тутъ получило широкое распротраненіе. «Велькій Лугъ» —эта громадная плавня—сдѣлался ихъ «батькомъ», а Сѣчь—матерью. Живя на Днѣпрѣ, они не могли не узнать всѣхъ его извилинъ, заворотовъ, острововъ; по немъ они спускались на своихъ легкихъ челнахъ—чайкахъ громить приморскіе турецкіе и татарскіе города и селенія, слѣдовательно, Днѣпръ, по которому они спускались въ море, сдѣлалъ ихъ моряками. Въ такой суровой жизни, исполненной всевозможными лишеніями, нельзя не видѣть пріятнаго, непосредственнаго вліянія дикой степной природы. Запорожцы жили непосредственною натуральною жизнью, и природа была для нихъ иногда родною матерью, а иногда мачихой. Понятное дѣло, что не могли они въ свое братство, преданное исключительно военнымъ интересамъ, ввести семейнаго начала, ибо во 1-хъ оно едва ли было возможно при той бурной, исполненной безпрерывныхъ опасностей, жизни, какую вели запорожцы, во 2-хъ оно бы разлагающимъ образомъ дѣйствовало на складъ ихъ жизни (главнымъ образомъ на идею братства), въ третьихъ, наконецъ, запорожскому рыцарству и трудно было бы добывать себѣ женъ. Какъ бы то ни было, Запорожье, въ первое время своего историческаго существованія, несмотря на сравнительно небольшое число братчиковъ, представляло изъ себя такую военную силу, которую чрезвычайно высоко цѣнили сосѣди. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напримѣръ, вспомнить, что въ XVI ст. (въ 1594 г.) австрійскій императоръ Рудольфъ II посмалъ къ запорожцамъ спеціальнаго посла Э. Ласоту, чтобы побудить ихъ черезъ Валахію вторгнуться въ Турцію; по словамъ самихъ запорожцевъ, они въ это время могли выставить «6,000 человекъ старыхъ козаконъ, людей отборныхъ, не считая хуторянъ (Landfölk), живущихъ на границахъ». Московское государство также цѣнило военное могущество запорожскаго войска. Извѣстно, какъ оно уважало основателя запорожской хортицкой Сѣчи вв. Дм. Вишневецкаго и даже пригласило его къ себѣ на службу¹⁾. Польша испытала на себѣ силу Запорожья въ XVII в. Крымъ также трепеталъ нерѣдко передъ грозными обитателями днѣпровскихъ острововъ, выставлявшими такихъ героев-удальцевъ, какъ, напримѣръ, знаменитый Ив. Сѣрко, который былъ грозой для татаръ; очень характерныя данныя о его сухопутномъ нападеніи на Крымъ сообщаетъ лѣтописъ Величка. Наконецъ,

¹⁾ См. подробности въ Нев. Лѣт. ч. VII и Лѣт. изд. Н. Лъвовимъ ч. V.

и Турція видѣла подъ стѣнами своихъ приморскихъ городовъ запорожскій флотъ, который грабилъ, сожигалъ Кабу (нынѣшнюю Феодосію), Трапезондъ, Синопъ и освобождалъ христіанскихъ плѣнниковъ. Эти морскіе набѣги и создали имъ славу неустрашимыхъ воиновъ. Но кромѣ этихъ обширныхъ сухопутныхъ и морскихъ нападений, запорожцы вели также въ степяхъ постоянную партизанскую войну, въ которой они усвоили себѣ многіе обычаи татаръ и въ которой ихъ замѣнить уже не могъ никто другой. Степь, которая окружала ихъ и которую она стали мало по малу отвоевывать отъ татаръ, научила ихъ вести степную войну, приспособиться къ ней, усвоить себѣ тѣ приемы, которые были выработаны раньше истинными сынами пустыни—крымцами и ногайцами. Вотъ весьма характерный лѣтописный отрывокъ, ярко рисующій намъ образъ жизни запорожскихъ удалцовъ, ведущихъ степную войну съ татарами. Въ 1690 г. образовалось въ степяхъ множество ватагъ для борьбы противъ бусурманъ. «Ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степяхъ, иногда звѣринимъ мясомъ кормилися, а иногда толокна, только да сухарей толченыхъ въ сутки разъ вкушали, съ великимъ отъ татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда и конямъ ржати не допусая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комишахъ кормилися и пути свои, порознившись, теряли, но паки познавая оніе въ день по слонцу и вряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако висмотрѣвши татаръ, нечаянно малимъ людомъ великія ихъ куны разбивали и живыхъ въ Москву или въ Польшу (кому куда способѣе) отвозили, получая за то милость монаршую»¹⁾.

Такое было военное значеніе запорожскаго «товариства». Но рядомъ съ чисто военными цѣлями—самообороны и наступленія—Запорожье преслѣдовало и другую задачу—колонизацію дотолѣ пустыннаго края; въ первый моментъ всецѣло, можно сказать, господствовала первая цѣль, но потомъ все большее и большее значеніе получаетъ вторая. Мы не будемъ касаться подробностей, а постараемся только напомнить существенные моменты въ этомъ дѣлѣ. Предѣлы Запорожья съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе распространялись на счетъ «Дикаго поля», татарской степи. Въ самомъ концѣ своей исторической жизни Сѣчь (послѣдняя, Новая) заключала уже

¹⁾ Лѣт. Самовидца. Изд. 1878 г., стр. 289—290; собственно этотъ отрывокъ помѣщенъ въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“.

въ себѣ громадную территорію, въ большей или меньшей степени заселенную. Всѣ запорожскія владѣнія или «вольности» состояли въ это время изъ Сѣчи (въ собственномъ смыслѣ этого слова), 8 палановъ и, наконецъ, зимовниковъ. «Запорожская Сѣчь, по словамъ кн. Мышецкаго, есть небольшой полисадникомъ огражденный городъ, заключающій въ себѣ одну церковь, 38 такъ называемыхъ куреней и до 500 куренныхъ козачьихъ, торговыхъ и мастеровыхъ домовъ»¹⁾. Въ куреняхъ жили члены «товариства», т. е. неженатые сѣчвики. «Всѣ курени, по словамъ Коржа, были выстроены въ Сѣчи, въ одномъ мѣстѣ, хотя и не такъ, какъ обыкновенный куринь, или шалашъ густушій строится просто, но были рублены и изъ рѣзананаго лѣса, ибо «Великій лугъ» на лѣсѣ былъ достаточенъ; а при томъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣщаться въ каждомъ куринѣ, во время обѣда»²⁾. Это была, такъ сказать, столица войска, въ 1775 г. разрушенная Текеліемъ и представлявшая изъ себя нѣчто совершенно своеобразное, не то городъ, не то крѣпость съ казармами. Здѣсь жило и высшее начальство (выборное), которое завѣдывало всѣми запорожскими владѣніями. Эти послѣднія состояли (кромѣ Сѣчи) изъ палановъ и зимовниковъ. Запорожскія земли занимали нын. екатеринославскую и херсонскую губ., исключая въ этой послѣдней очаковской области, т. е. мѣстности, лежавшей между Бугомъ и Днѣстромъ (нын. одесскаго; тираспольскаго и ананьевскаго уѣздовъ). Онѣ тянулись глав. образомъ по р. Днѣпру; на правой сторонѣ Днѣпра, по словамъ кн. Мышецкаго, они начинались у устья р. Самогвани, откуда граница шла на западъ до Буга, а оканчивались при впаденіи р. Камянки, откуда пограничная линія направлялась на сѣверо-западъ и, пересѣкая рр. Ингулецъ и Ингуль, доходила до Буга; на лѣвомъ берегу Днѣпра запорож. владѣнія ограничивались на сѣверѣ р. Самарью, на югѣ — Конскими Водами, а на востокѣ — Калміусомъ³⁾. Впослѣдствіи селенія запорожцевъ подвинулись нѣсколько къ сѣверу и заняли также теченіе р. Орши. «Выше показанная по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра земля, которая большею частью состоитъ изъ пустой и дикой степи, говоритъ кн. Мышецкій, и которая въ окружность простирается около 1700 в.

¹⁾ Ист. о коз. запор., стр. 79.

²⁾ Устное повѣст. Н. Л. Коржа стр. 36, см. также Эварницкаго „Сборникъ мат. для ист. запор. козаковъ“ стр. 147—148.

³⁾ Ист. о коз. запор., стр. 80—81.

раздѣлена на 5 такъ наз. паланокъ... Первая паланка на Ингульцѣ, 2-я у р. Буга, гдѣ Гардь (рыболовля); 3-я въ Кодакахъ, 4-я при р. Самарѣ, а 5-я у Калмыса¹⁾. Вслѣдствіи къ этимъ пяти присоединились еще 3—Прогноицкая (на Кинбурнскомъ полѣ); Орельская (по р. Орели); Протовчанская (между устьями рр. Орели и Самары²⁾). Изъ этихъ 8 паланокъ 4 сѣверныя, прилегавшія къ заселеннымъ мѣстностямъ (Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчанская) имѣли села, деревни и хутора, въ коихъ жили козацкія команды, женатые козаки и посольство³⁾; остальные, болѣе южныя «ни селъ, ни даже постоянныхъ мѣстопробываній не имѣли, а учреждались ежегодно съ весны на все лѣтнее и осеннее время, для рыболовства, звѣриной и соляной добычи, а на зиму переходили въ зимовники неженатыхъ или свѣчевыхъ козаковъ для наблюденія за ними⁴⁾. Для охраненія этихъ промысловъ и порядка здѣсь находились полковники съ командами. Очевидно, онѣ соответствовали такъ называемымъ козацкимъ укладамъ, или ухажамъ, которые представляютъ изъ себя первичную форму поселковъ въ южнорусскихъ степяхъ. Нерѣдко, впрочемъ, такія временныя поселенія запорожцевъ обращались въ постоянныя; такъ было, напр., при основаніи слободы Николаевки (въ 12 верстахъ отъ Татаврога); въ 1769 г. весною туда явилось 500 чел. семейнаго запорожскаго козачества для рыбной ловли; но уже лѣтомъ значительная часть ихъ построила себѣ здѣсь палати, мазаки, землянки и зимовники; въ августѣ по распоряженію коша, который хотѣлъ свою «землю превеликую, страну пребольшую» заселить своими подданными, явилась новая партія козаковъ и въ сентябрѣ основала 3 слободы (Николаевскую, Троицкую и Покровскую⁴⁾).

Наконецъ, послѣднюю типическую форму запорожскихъ поселковъ были зимовники, расположенные главн. обр. по берегамъ Днѣпра и впадающихъ въ него рѣчекъ, а также на островахъ, «при коихъ, говоритъ князь Мышецкій, содержатъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ; имѣютъ пасеки для расплощенія пчелъ и ведутъ эквипажу по свойству и качеству земли; заводятъ сады, запасаются сѣномъ для прокормленія скота и закупаютъ поля разнымъ хлѣбомъ; упражняются ловлею въ степяхъ и лѣсахъ звѣрей, а въ рѣкахъ рыбы; отъ чего

¹⁾ Ibidem, стр. 81.

²⁾ Скальковскаго, Ист. Нов. Свѣтл, 3-е изд., I, стр. 36—37.

³⁾ Ibidem, стр. 33—37.

⁴⁾ Θεοδοσία, Матеріалы для ист. стат. опис. Еккат. епархіи, вып. II, стр. 215.

довольную прибыль получают» ¹⁾ «Зимовниками, говорит авторъ «Топогр. опис.», называютъ тѣ строенія, при которыхъ жители имѣютъ скотъ и проживаютъ съ нимъ всегда, но при нѣкоторыхъ и рыбную ловлю содержатъ и людей или хозяевъ въ такихъ зимовникахъ бываетъ мало, однако случается, что человѣка 3 или 4 согласись построить вмѣстѣ и завести скотъ, а рѣдко чтобъ одинъ хозяинъ былъ. Въ работное время да и въ зиму приходятъ къ нимъ и по многomu числу для работы и на проворомъ пришедши, проживаютъ недѣлю или болѣе и пойдеть въ другой зимовникъ. Избы выстроены изъ лѣсу, а инныя стѣны плетены и обмазаны глиной, а заборы при дворахъ все изъ плетней». Такихъ зимовниковъ въ началѣ 70-хъ годовъ было по Ингулу—17, по Ингульцу—11, по Аргамаклѣ—11 по Днѣпру—14, по Бугу—7, на Купомъ и Сухомъ Еданцѣ по 1; тутъ же было 5 загоновъ для скота и значительное число рыбныхъ заводовъ, при которыхъ для зимняго времени устроены были землянки, а для лѣтняго камышевыя шалаши; и вотъ въ гирлахъ и у лимана землянокъ было 17, шалашей—15, по Бугу землянокъ 11, шалашей—39, по Ингулу—2 и 4, по Ингульцу—4 и 1; такія же землянки и шалаши были выстроены и для пограничныхъ запорожскихъ военныхъ командъ (напримѣръ, при Гардѣ, Александровскомъ шанцѣ и др. мѣстахъ); рыбныя ловли содержались не однимъ, а нѣсколькими лицами, называвшимися односумами; обыкновенно во время лова сюда приходило по 15, 20 чел. постороннихъ лицъ, которыя оставались тутъ до зимы; нѣкоторые, впрочемъ, оставались и на зиму, хотя безъ работы ²⁾. Изъ этихъ данныхъ видно, что зимовники представляли изъ себя своего рода хутора, устраивавшіяся главнымъ образомъ для скотоводства, отчасти для рыболовства, пчеловодства, земледѣлія и др. промысловъ, смотря по свойствамъ мѣстности и вкусамъ владѣльца. Значительная часть зимовниковъ обратилась впоследствии времени (послѣ разрушенія Сѣчи) въ села и деревни; но съ нѣкоторыми изъ нихъ такое превращеніе произошло еще во время самостоятельнаго существованія Запорожья. Любопытный примѣръ обращенія зимовника въ селеніе представляетъ слобода Николаева—Рудева (павлоградскаго уѣзда екат. губ.). Въ 1-й пол. XVIII в. здѣсь жилъ зимовникомъ старшина Рудъ, который «содилъ отсюда на старо-крымскій шляхъ со своими хлопцами—малюками, нападалъ

¹⁾ Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

²⁾ Зап. Од. Общ., VII, 182—188.

тамъ на турокъ, татаръ и ногайцевъ, возвращавшихся изъ Малорос-
сїи съ ясыремъ—со взятими въ плѣнъ христіанами,—отбиваль злосча-
стный ясырь и освобожденныхъ христіанъ приводилъ на свой зимов-
никъ; здѣсь покорилъ, питалъ, и довольствовалъ ихъ; съ невеликимъ
ватажкомъ своихъ хлопцевъ—малюковъ Рудъ не разъ ходилъ для той
же цѣли даже на знаменитый Муравскій шляхъ и всегда возвращал-
ся на свой зимовникъ со множествомъ освобожденныхъ плѣнниковъ.
Въ сентябрѣ 1739 г. на зимовникѣ войсковаго старшины Рудя осво-
божденнаго ясыру было 426 д. обоего пола... Кошъ подарилъ Рудю
пространство, занятое его зимовникомъ, и тотъ здѣсь основалъ цѣ-
лую слободу Николаевку, «населилъ ее народомъ семейнымъ и осѣд-
лымъ, самъ пригласивъ въ свою слободу изъ подъ Конотопа черни-
говской губ. своихъ родныхъ и знакомыхъ, и дозволилъ своимъ хлоп-
цамъ вызвать также къ себѣ своихъ кровныхъ и близкихъ»; въ 1752
г. здѣсь числилось уже 315 д. мужска и 196 д. женска пола, а въ
1754 г. устроена церковь ¹⁾. Вотъ при такихъ условїяхъ происходи-
ло заселеніе новороссійскаго края запорожцами: еще и въ пол. XVIII
в. имъ приходилось вести упорную борьбу съ татарами и одновре-
менно съ этимъ заботиться объ устройствѣ поселковъ. Какъ видно
изъ настоящаго примѣра, значительный контингентъ для новыхъ
слободъ доставляла Гетманщина, гдѣ оставались родственники и свой-
ственники тѣхъ лицъ, которыя раньше ушли въ Запорожье; поводомъ
же къ выселенію оттуда жителей являлись распоряженія, ограничи-
вавшія право вольнаго перехода ²⁾.

Запорожскіе поселки (селенія, зимовники и т. п.) были разбро-
саны, какъ мы видѣли, на громадномъ пространствѣ земель нынѣш-
нихъ двухъ южныхъ нашихъ губерній—екатериносл. и керсон.). Чис-
ло этихъ поселковъ все болѣе и болѣе возрастало, а параллельно съ
этимъ увеличивалось и число жителей. Къ сожалѣнію, привести точ-
ныя статистическія данныя о количествѣ селеній и о числѣ жителей
въ нихъ довольно трудно. До разрушенія Сѣчи, по словамъ Н. Л.
Коржа, было 17 селеній, возникшихъ по большей части изъ зимов-
никовъ ³⁾. Гюльденштедтъ только въ Поднѣпровьѣ называетъ 30 се-
леній женатыхъ козаковъ (12 на правомъ и 18 на лѣвомъ берегу) ⁴⁾.

¹⁾ Феодосія, Мат. для ист.—ст. оп. екат. еп., I, 522—523, 397.

²⁾ Феодосія, Мат. для ист.—ст. опис. екат. еп., I, 191, 221.

³⁾ Устное повѣствованіе, стр. 84—94.

⁴⁾ Reisen durch Russland, II, стр. 110—111.

Но на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо болѣе. А. А. Скальковскій, на основаніи подлинныхъ документовъ свѣчаго архива, насчитываетъ ихъ въ 4-хъ паланкахъ 64 и говоритъ, что въ нихъ было 3415 хатъ, или 12250 д. женатыхъ козаковъ и посольства обоого пола ¹⁾. По официальной вѣдомости, составленной Тевеліемъ въ моментъ уничтоженія запорожской Сѣчи, въ ней было (кромѣ Сѣчи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) 45 деревень и 1601 зимовникъ; всѣхъ жителей было 59637 д. обоого пола, большую часть ихъ составляло посольство, т. е. женатые поселане (именно 35891 чел.); впрочемъ, и большая часть козаковъ жила не въ Сѣчи, а въ деревняхъ и зимовникахъ, гдѣ занималась скотоводствомъ, земледѣліемъ и другими мирными промыслами; часть козаковъ, какъ извѣстно, имѣла семьи ²⁾. Нужно полагать, что цифры этой официальной вѣдомости значительно меньше дѣйствительныхъ; намъ будетъ совершенно непонятно, какъ это въ болѣе раннее время (о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія А. А. Скальковскій) было больше селеній, чѣмъ въ 1775 году (къ которому относится официальная вѣдомость). Да и какъ могъ Тевелій точно сосчитать, напр., число запорожскихъ зимовниковъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ въ разныхъ уединенныхъ мѣстахъ? Не удивительно поэтому, что его показанія расходятся съ показаніями кн. Мышецаго, который насчитываетъ всего около 4000 зимовниковъ ³⁾; есть извѣстія, что запорожцы основывали иногда зимовники за границею своихъ владѣній на чужой землѣ; таковы, напримеръ, были хутора, устроенные ими въ турецкихъ предѣлахъ въ виду Очаковской крѣпости ⁴⁾; такіе населенные пункты не могли, конечно, войти въ официальную вѣдомость, если мы приведемъ себя на память также нерасположеніе запорожцевъ ко всякимъ официальнымъ статистическимъ запросамъ, которое должно было еще болѣе усилиться въ моментъ уничтоженія Сѣчи, то б. м. окончательно убѣдимся въ томъ, что на самомъ дѣлѣ въ Запорожьѣ было не 59637 д., а гораздо больше; по всей вѣроятности, ближе всего къ истинѣ будетъ цифра, приводимая А. А. Скальковскимъ—100,000 обоого пола козаковъ и посольства. Во всякомъ случаѣ для насъ интереснѣе всего тотъ фактъ, что большинство населенія запорожской Сѣчи въ

¹⁾ Исторія новой Сѣчи, I, 33—37.

²⁾ Сборникъ антроп. и этногр. ст., изд. Дашковымъ, I, прил. 1-е.

³⁾ Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

⁴⁾ А. А. Андріевского. Мат. для ист. южнов. края. Од. 1886, стр. 117.

годъ ея уничтоженія составляли женатые козаки и посполитые, преданные почти исключительно мирнымъ культурнымъ занятіямъ; правда, среди нихъ были и такія лица, (скотари, табунщики, чабаны), которыя вели полукочевой образъ жизни—защищались отъ непогоды въ такъ называемыхъ кошкахъ съ очагомъ для разведенія огня (кабыцей) или котигахъ, т. е. палаткахъ на 2-хъ или 4-хъ колесныхъ арбахъ, совершенно напоминающихъ ногайскія ¹⁾—но въ общемъ о населеніи запорожья слѣдуетъ сказать, что оно въ послѣдніе годы своего историческаго существованія рѣшительно стало переходить на мирное положеніе и показывало склонность къ культурнымъ занятіямъ. Впослѣдствіи мы слѣдаемъ болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ запорожской культуры; теперь же только замѣтимъ, что первыми зачатками своей матеріальной культуры Новороссійскій край обязавъ Запорожью. Такимъ образомъ Запорожье съ одной стороны являясь оплотомъ русскаго міра отъ мусульманскаго, не мало потрудилось для *отстаиванія* русскаго культуры, а съ другой внесло свою лепту и въ общую творческую дѣятельность русскаго народа, направленную къ *созиданію* культуры. Чрезвычайно вѣрно и метко опредѣлить роль Запорожья въ исторіи колонизаціи Новороссійскаго края г. Надхвизъ; мы позволимъ себѣ привести здѣсь его образное сравненіе: «въ степяхъ Новороссійскихъ, говорить онъ, есть дѣлня кучугуры сыпучихъ песковъ; на нихъ долго не могло укрѣпиться ни одно растеніе: всякую былинку, кустъ, деревце изъ рыхлой почвы вырываетъ вѣтеръ; но вотъ началъ здѣсь расти шелюгъ (родъ красной ивы)—и онъ цѣпками своими корнями укрѣпился на этомъ грунтѣ и укрѣпилъ его до того, что вслѣдъ за нимъ начали расти и другіе деревца и кустарники. Запорожье было для южной Россіи такимъ шелюгомъ: оно первое тутъ успѣло укрѣпиться на непрочной почвѣ, первое укрѣпидо ее подъ собою для жизненныхъ посѣвовъ и такимъ образомъ первое дало возможность для постояннаго на ней заселенія и гражданскаго развитія» ²⁾.

¹⁾ Описанія ихъ см. у Н. Д. Коржа.

²⁾ Память о Запорожьи, стр. 68—69.

ГЛАВА 3-я.

Русская государственная и народная колонизация въ XVIII и 1-й четверти XIX вѣка.

Постройка укрѣпленныхъ линій и крѣпостей.—Постройка городовъ: Херсона, Екатеринослава, Николаева, Одессы.—Основаніе селеній: малорусскія и великорусскія казенныя слободы; помѣщичьи села и деревни.

Еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, въ новоросійскихъ степяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ козаками, водворились сербы; къ нимъ вскорѣ присоединились другіе иностранные поселенцы. Правительство строить здѣсь рядъ новыхъ городовъ, куда цѣлыми массами стекается отовсюду населеніе. Одновременно съ этимъ возникаетъ множество новыхъ селъ, деревень, хуторовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ владѣльческой и народной колонизаціи. Однимъ словомъ колонизація края идетъ теперь съ лихорадочной поспѣшностью. Потемкинъ и др. дѣятели этого времени желаютъ какъ бы наверстать то время, когда приливъ населенія въ эти мѣста извнѣ былъ очень слабъ и единственнымъ «населенниками этого края» были запорожцы. Но отдавая должное новымъ колонистамъ, мы не должны забывать услугъ той безстрашной дружины русичей, которая въ теченіе болѣе 2½ столѣтій вела упорную борьбу за обладаніе степями съ татарами. Она подготовила почву для быстрого заселенія области во 2-й половинѣ XVIII в., въ особенности со времени покоренія Крыма въ 1783 году.

Присоединеніе Крыма къ Россіи имѣло громадное и рѣшительное вліяніе на успѣшный ходъ колонизаціи черноморскихъ степей. Съ устраненіемъ этого важнѣйшаго тормоза колонизаціи ходъ и размѣры ея могли опредѣлиться различными естественными и историческими условіями, которыя въ общемъ должны быть названы весьма благоприятными. Теперь явилась возможность заселять и обрабатывать не только рѣчныя долины, но и чисто степныя мѣста, покрытыя тучнымъ черноземомъ; борьбу нужно было вести не съ хищниками-татарами, а съ степною природой, съ тѣми условіями, которыя препятствовали развитію земледѣльческой культуры. Только съ присоединеніемъ къ Россіи столь желаннаго побережья Чернаго и Азовскаго морей, только съ открытіемъ доступа къ морю, Новоросійскій край, съ его громадными естественными богатствами, могъ получить

настоящую цѣну. Съ построениемъ портовыхъ городовъ, пустынное лотолѣ побережье оживляется, отпускная и привозная (заграничная) торговля развивается съ поразительною быстротою; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ населеніе и промышленность. Спросъ на хлѣбъ и на др. предметы сельскаго хозяйства, въ особенности въ Одессѣ, въ свою очередь долженъ былъ благопріятно отразиться на возрастаніи населенія въ самихъ степяхъ—въ увеличеніи тамъ разнаго рода селеній, въ развитіи земледѣльческой культуры и т. п.; появленіе новыхъ селъ и деревень благопріятно отражалось на ростѣ городскаго быта и наоборотъ. Словомъ, исторія заселенія Новороссійскаго края со 2-й половины XVIII в. представляетъ любопытнѣйшую и характернѣйшую страничку въ исторіи Россіи вообще и нашего юга въ частности. Мы постараемся разобраться въ сложной этнографіи степей и представить общую характеристику колонизаціи съ ея главнѣйшими типическими чертами и наиболѣе характерными ея особенностями. Уже въ силу такой постановки вопроса, мы не будемъ гоняться за исчерпывающею полнотой содержанія и новизною фактическаго матеріала.

Изучая колонизацію Новороссійскаго края, мы въ ней различаемъ два главныхъ типа или вида: 1) русскую (правительственную и народную) и 2) иноземную. Конечно, такое дѣленіе можетъ вызвать кое какія возраженія и замѣчанія; но я его принимаю, потому что оно позволяетъ ориентироваться въ массѣ разнородныхъ фактическихъ данныхъ и представить ихъ въ болѣе или менѣе цѣльныхъ историческихъ картинахъ и характеристикахъ. Колонизаціонная дѣятельность правительства проявилась главнымъ образомъ въ постройкѣ въ Новороссійскомъ краѣ укрѣпленныхъ линій и городовъ. Еще въ царствованіе Елисаветы Петровны было образовано Ново-сербское и Славяно-сербское военныя поселенія съ крѣпостями Елисаветградомъ, Бахмутомъ и Константиноградомъ (о нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ при обзорѣ иностранной колонизаціи). Въ началѣ царствованія Екатерины II была построена такъ называемая *Днѣпровская линія*¹⁾ (1770 г.), явившаяся результатомъ усилій русскаго оружія въ 1-ю турецкую войну; въ это время заняты были нами два порта—Азовъ и Таганрогъ, которые турки забыли укрѣпить; линія эта

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Хронол. обзор. I, 84—86; см. также П. С. Зап., т. XIX, № 13460 (ук. 10 мая 1770 г.); описаніе этой линіи у Гюльденштедта, *Reisen durch Russland*, II, 101—106.

должна была отдѣлать всю новорос. губ. вмѣстѣ съ запорожск. землями отъ татарскихъ владѣній; отъ Днѣпра она шла къ Азовскому морю, проходя по рр. Бердѣ и Конскимъ Водамъ и пересѣкая всю крымскую степь; послѣдняя крѣпость ея (св. Петра) находилась у самаго моря близъ нын. Бердянска и прикрывала небольшую бухту его; всѣхъ крѣпостей въ этой линіи было 8. Устройство этой новой линіи правительствомъ надѣялось (и надежды его отчасти оправдались) обезопасить тотъ край, который лежалъ за старою украинскою линіею (шедшею отъ Днѣпра къ Сѣв. Дону въ предѣлахъ нын. подт. и харьк. губ.) и отличался плодородіемъ почв и всяческими естественными богатствами, а между тѣмъ былъ очень слабо заселенъ. Такъ какъ крѣпости были основаны исключительно съ военными, а не торговыми или промышленными цѣлями, то и не имѣли задатковъ особеннаго развитія въ будущемъ; но подъ прикрытіемъ ихъ должны были быть заведены и мирныя селенія; охранять линію должны были 3 воеводы полка. Земли, захваченныя новою линіею, были утверждены за Россіей по кучук-кайнарджинскому миру (1774 г.); она получила Керчь, Еникаль и Кинбурнъ со всею областью между Бугомъ и Днѣпромъ, т. е. юго-восточную часть новороссійскихъ степей (а также Азовъ и Таганрогъ)¹⁾. Такимъ образомъ, Россія твердою ногою ступила на азовское побережье. Одному изъ этихъ городовъ, — Таганрогу предстояла великая будущность. Это былъ 1-й шагъ къ расширенію, а вскорѣ послѣдовалъ и 2-й.

Въ 1783 г. былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ, а въ слѣдующемъ году рѣшено было устроить новую линію крѣпостей, для огражденія территоріи, вошедшей въ составъ русскаго государства, противъ Польши и Турціи, а именно — три впаденія въ Днѣпръ р. Тисымина, въ Ольвіополь (при впаденіи Сивирки въ Бугъ), две впаденія Ициула въ Бугъ (т. е. на мѣстѣ нын. Николаева), Кинбурнъ, Харсонъ, Днѣпровскую крѣпость (на Збурьевскомъ лиманѣ) и, наконецъ, цѣлый рядъ разланныхъ пунктовъ въ Крыму (Севастополь, Перекопъ и мн. др.). Благодаря этой новой линіи укрѣпленій древніе восточные пункты (крѣпости украинской и днѣпровской линій, крѣпость св. Елисаветы и Таганрогъ) потеряли свое охранное положеніе и сдѣлались внутренними селеніями, что, конечно, должно было благоприятно отра-

¹⁾ Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) построенъ былъ, собственно говоря, еще при Петрѣ Вел., но находился долго въ запустѣніи и возобновленъ только въ 1789 году; Зап. О. Общ., 3-й томъ, стр. 295—296.

зяться на дальнѣйшемъ развитіи нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ, Елисаветграда) ¹⁾. Собственно говоря, всѣ эти укрѣпленія не имѣли важнаго значенія въ стратегическомъ отношеніи и они не представляли изъ себя крѣпостей въ точномъ смыслѣ этого слова и не могли бы, конечно, выдержать нападенія регулярной арміи; съ другой стороны они не могли исполнять такихъ функций, какія нѣкогда несли, напр., украинская линія: имъ не приходилось уже защищать границы отъ набѣговъ мелкихъ непріятельскихъ партій, такъ какъ съ завоеваніемъ Крыма они прекратились; не удивительно, так. обр., что крѣпости на устьѣ р. Тасьмина, на Збурьевскомъ лиманѣ, остались въ проектѣ, и другіе только на время образовали пограничную черту, которая скоро, подобно предъидущимъ линіямъ, очутилась въ серединѣ, и ея мѣсто заняла такъ называемая *днѣстровская линія*, лезавшая еще дальше на западъ.

2-ая турецкая война, какъ извѣстно, предоставила въ руки Россіи очаковскую область, обнимающую зап. часть нынѣшней херсонской губ. между Бугомъ и Днѣстромъ; по установившемуся обычаю предстояло теперь оградить и ее линіей пограничныхъ укрѣпленій; западная сторона ея должна была идти по Днѣстру отъ впаденія въ него Ягорлыка, т. е. прямо по нын. границѣ херсонской губ., а южная по морскому берегу до г. Очакова. Въ очаковской области до присоединенія ея къ Россіи было 4 города (Очаковъ, Александрія — нынѣ Овидіополь, Хаджибей, — Одесса и Дубоссары), около 150 селъ, населенныхъ татарами и молдаванами и ханскія слободы, заселенныя бѣглыми малороссіянами и великоруссами — раскольниками; но въ моментъ присоединенія край опустѣлъ. Мейеръ полагалъ, что тамъ было 120,000 населенія, цифра двѣо преувеличенная ²⁾; на самомъ дѣлѣ, какъ это видно изъ карты екатери. имѣстничества, составленной не рѣдѣе 1780 г., тамъ было 19,547 д. муж. пола ³⁾. Первые мѣры, принятныя правительствомъ для заселенія новоприобрѣтенной отъ Турціи орадковской области, были слѣдующія. Екатерина II поручила губернатору Каховскому; прежде всего обозрѣть страну, раздѣлить ее на уѣзды, назначить мѣста подъ города и представить обо всемъ этомъ планъ; во 2-хъ, отводить землю какъ подъ казенныя слободы, такъ и для помѣщиковъ, но не свыше

¹⁾ О чемъ мы скажемъ нѣсколько словъ при оговоркѣ славянской колонизаціи.

²⁾ Мат. для оц. зем. херс. губ. I. 42.

³⁾ Мат. для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ., Шмидта I, 59—60.

той нормы, которая установлена была для екатер. губ. съ обязательствомъ заселить эти земли; въ 3-хъ, слѣдить за тѣмъ, чтобъ казенныя селенія не смѣшивались съ помѣщичьими; въ 4-хъ, принять мѣры для поселенія арнаутовъ; въ 5-хъ, оказать особенное преимущество въ полученіи земель молдавскимъ боярамъ; это были, такъ сказать, обычныя средства Екатерины II и ея сотрудниковъ ¹⁾).

Для приведенія въ исполненіе этихъ предначертаній была учреждена уже по смерти Потемкина, въ 1792 г., экспедиція строенія южныхъ крѣпостей, во главѣ которой поставленъ екатер. губ. Каховскій ²⁾; новыя крѣпости велѣно было строить—1) на Днѣстрѣ противъ Бендеръ (нын. Тирасполь), 2) на Днѣстровскомъ лиманѣ (нын. Овидіополь), 3) у Хаджибейскаго замка (нын. Одесса), на развалинахъ Очакова на линіи, идущей въ лиманъ. Военное значеніе этихъ пунктовъ было невелико (исключая Очакова). Въ этой новой русской области важнѣе всего была ея южная полоса, прилегавшая къ Черному морю. Здѣсь то на мѣстѣ турецкой кр. Хаджибей былъ основанъ городъ, которому суждено было занять 1-е мѣсто между всѣми городами Новороссійскаго края. Съ постройкою днѣстровской линіи явилась возможность сосредоточить свои заботы исключительно на мирныхъ культурныхъ задачахъ.

Устраивая новыя крѣпости въ Новороссійскомъ краѣ, правительство должно было позаботиться о контингентахъ на случай военныхъ дѣйствій. Для этой цѣли оно пользовалось разнообразными въ этнографическомъ отношеніи элементами—русскими (великороссіянами и малороссіянами) и иностранцами; и тѣ, и другіе обыкновенно представляли изъ себя въ краѣ военно-земледѣльческое населеніе; таковы были козацьи полки, расположенные по крѣпостямъ днѣпровской линіи, потомки запорожцевъ—черноморское козацье войско, выходцы сербы, образовавшіе гусарскіе полки и другіе иностранные колонисты.

Дѣлая общую оцѣнку оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ Новорос. краѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ началѣ второй половины XVIII в. онѣ были еще довольно значительны, но потомъ мало по малу ослаблялись, дѣлаясь все менѣе

¹⁾ П. С. Законовъ т. XXIII, № 17018 (Указъ Каховскому отъ 26 янв. 1792 г.), Зап. Од. Общ. II, 770.

²⁾ Смальковского. Хрон. обзор. I, 217—218.

необходимыми; въ особенности это нужно сказать о томъ періодѣ, который начался съ присоединенія Крыма къ Россіи; тогда исчезла необходимость мелкой оборонительной партизанской войны съ татарами; исчезла опасность постоянного нападенія, которая угрожала осѣдлому земледѣльческому населенію. Правда, и послѣ 1783 г. наступило еще время, когда Новороссійскій край превратился въ какой то военный лагерь; но это вызвано было 2-ю турецкою войною, потребовавшею напряженія всѣхъ военныхъ силъ области; по окончаніи же войны, въ царствованіе Павла Петровича и Александра I-го главная забота была направлена къ развитію мирныхъ культурныхъ занятій подъ прикрытіемъ русскаго войска и флота. Но первые зачатки этой мирной, культурной такъ сказать, колонизація начались гораздо раньше, одновременно съ чисто военной; съ теченіемъ времени первая все болѣе и болѣе возрастала на счетъ послѣдней, пока не сдѣлалась господствующей. Не касаясь первыхъ шаговъ ея, имѣющихъ мѣсто въ царствованіе Елизаветы Петровны и началъ царствованія Екатерины II, мы только остановимся на нѣкоторыхъ болѣе выдающихся фактахъ, относящихся ко времени кн. Г. А. Потемкина, который былъ назначенъ управителемъ Новорос. края въ 1774 г. и оставался въ этой должности до самой смерти своей въ 1791 г. При немъ и по его инициативѣ были построены всѣ военные укрѣпленныя линіи, кромѣ послѣдней днѣстровской. Онъ заботился, какъ мы увидимъ дальше, объ иностранной и народно-владѣльческой колонизаціи; но главная его заслуга состоятъ въ постройкѣ новыхъ городовъ, первое мѣсто среди которыхъ занимаютъ Херсонъ, Екатеринославъ и Николаевъ. Это были уже не только крѣпости, но и города въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, мы обращаемся теперь къ характеристикѣ правительственнаго *градостроенія*, которое нужно признать второю формою колонизаціонной дѣятельности правительства. Излагая важнѣйшіе факты, относящіеся къ этому дѣлу, мы будемъ помнить, что они должны намъ дать матеріалъ для опредѣленія заслугъ въ этомъ дѣлѣ самого Потемкина и его главнѣйшихъ сотрудниковъ.

Первый городъ, построенный по инициативѣ кн. Потемкина, былъ Херсонъ; указъ императрицы объ его постройкѣ относится къ 1778 г. и былъ вызванъ желаніемъ имѣть новую гавань и верфь поближе къ Черному морю, такъ какъ прежнія, напр. таганрогская, представляли значительныя неудобства по своему мелководію. Еще

въ 1775 г. послѣдовало повелѣніе объ устройствѣ гавани и верфи на Днѣпровскомъ лиманѣ при урочищахъ Глубокой Пристани и Александръ-Шандѣ, но приведено въ исполненіе оно не было цѣлыхъ три года, такъ какъ затруднялось выборомъ мѣста. Въ 1778 г. императрица снова повелѣваетъ окончательно выбрать мѣсто для гавани и верфи на Днѣпрѣ и назвать его Херсономъ. Потемкинъ выбралъ Александръ-Шандѣ. Производство работъ было поручено потому извѣстнаго негра и крестника Петра В. Ганнбаду. Въ его распоряженіе было дано 12 ротъ мастеровъ. Подъ будущій городъ было отведено значительное количество земли. Въ крѣпость его прислано 220 орудій. Высшее руководство и главное начальство въ этомъ дѣлѣ было поручено кн. Потемкину¹⁾. Императрица въ это время ведетъ постоянную переписку съ Потемкинымъ о новостроящемся городѣ. «Спасибо, голубчикъ, и весьма спасибо за расторопное распоряженіе о Херсонѣ; коменданство же смѣло изволь общать Соколову; верфи же хотя на три корабля чаръ довольно будетъ»... «Спасибо и премного спасибо, писала ему императрица въ другомъ письмѣ, за прилагаемое пошееніе о Херсонѣ, а дѣсу сейчасъ прикажу Кашину тебѣ дать голубчику на строеніе»... «Батя, что касается до Херсона, читаемъ мы въ третьемъ письмѣ, то мнѣ все равно, гдѣ бъ не стоялъ, лишь бы остандали у работъ не было»²⁾.

Биографъ Потемкина Самойловъ о постройкѣ Херсона сообщаетъ намъ такіа подробности: первоначально былъ отправленъ, по его словамъ, для присканія мѣста подъ будущій городъ контръ-адмиралъ Шубинъ; но Потемкинъ донесъ императрицѣ, что выбранное имъ мѣсто ничѣмъ не защищено отъ Очакова. Императрица согласилась съ представленіемъ Потемкина и велѣла построить городъ въ 35 вер. отъ днѣпровскаго устья. Городъ строился подъ непосредственнымъ руководствомъ Потемкина, который хотѣлъ слѣдять его столь же дѣтально и знаменитымъ, какъ древній Херсонесъ таврическій; онъ рассчитывалъ устроить въ немъ все то, что Петръ В. въ Петербургѣ, несмотря на его зыбкій болотистый грунтъ (адмиралтейство, карантинъ, нагаузъ). Постройка не представляла никакихъ затрудненій: каменоломня была почти въ самомъ городѣ, но Днѣпру привозили гѣсъ, желѣзо и всѣ необходимыя матеріалы. Лежація въ окрестности города земли онъ раздавалъ для устройства загородныхъ домовъ, садовъ и т. п. Черезъ два года въ Херсонъ уже приходили корабли съ

¹⁾ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 27-й, 155.

²⁾ Ibidem, 155—156, 166.

грузомъ подъ русскимъ флагомъ. Со всѣхъ сторонъ устремлялись сюда промышленные люди. Иностранцы завели въ немъ коммерческіе дома и конторы: французскія торговыя фирмы (барона Антуана и др.); а также польская (Заблочеаго), константинопольская (Фродипга), австрійская (Фабри), русская (кунда Масляникова)¹⁾. Очень важную роль въ расширеніи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Франціей игралъ баронъ Антуанъ; въ последнее время напечатана любопытная переписка его съ известнымъ гр. Сегюромъ: въ одномъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «стремленіе наше пріобрѣтать русскія естественныя произведенія, удвоить производство ихъ, а изобиліе послѣднихъ быстро повліяетъ на увеличеніе народонаселенія, которое служитъ настоящимъ мѣриломъ благосостоянія государствъ²⁾». Русскій зерновой хлѣбъ онъ отправлялъ въ Корсику, въ различные порты Прованса, въ Ниццу, Геную и, наконецъ, Барселону³⁾. Тотъ же баронъ Антуанъ составилъ любопытный историч. очеркъ торговыхъ и морскихъ отношеній портовъ Чернаго и Средиземнаго морей; на основаніи его г. Е. Юрченко написалъ ист.-статистическій очеркъ торговли г. Херсона⁴⁾. Какъ видно изъ этого очерка, Антуанъ ѣздилъ въ Петербургъ и ходатайствовалъ о цѣломъ рядѣ льготъ для основываемой имъ французской компаніи въ Херсонѣ и вообще для иностранныхъ купцовъ; нѣкоторыя его просьбы были уважены (основаніе банковской конторы, свободный вывозъ хлѣба и лѣса и т. и.). Отправившись въ Польшу, Антуанъ предложилъ польскій товаръ отправлять не черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ, а по Двѣпру къ Аккерману и по Бугу — къ Очакову. Потомъ ему была оказана помощь французскимъ правительствомъ: 1-й его корабль прибылъ изъ Херсона въ 1784 году съ грузомъ конопли, пшеницы, чаю, льнаго и коноплянаго сѣмени; онъ прислалъ туда солильщиковъ, бочара, свѣчнаго мастера и строителя плотовъ. Многие марсельскіе и херсонскіе купцы стали конкурировать съ Антуаномъ въ торговлѣ съ южной Россіей и Польшей черезъ Черное море: въ теченіе года прибыло 20 судовъ изъ Херсона въ Марсель и 15 изъ Марселя въ Херсонъ. Торговля велась со Смирной, Ливорно, Мессиною, Марселемъ и Александріей. Энергичнымъ сотрудникомъ Потемкина былъ известный Фалѣевъ. Простой времен-

¹⁾ Зап. Уд. Общ. XIII, стр. 156.

²⁾ Ibidem, стр. 158.

³⁾ Ibidem, стр. 159.

⁴⁾ Ibidem, стр. 165—179.

чугскій купецъ, но энергичный, предприимчивый, онъ не удовлетворился своею прежнею скромною дѣятельностью и рѣшился выйти на болѣе широкое и плодотворное поприще. Онъ предложилъ Потемкину на собственные средства очистить дѣйпровское русло у пороговъ, чтобы сдѣлать удобнымъ рѣчной путь изъ внутреннихъ областей государства къ Херсону. Цѣль не была достигнута, но, по словамъ Самойлова, уже въ 1783 г. прошли прямо въ Херсонъ изъ Брянска барки съ желѣзомъ и чугуномъ; также благополучно проходили суда съ провiantомъ; за это Фалѣевъ получилъ золотую медаль и дипломъ на дворянское достоинство ¹⁾).

По словамъ современнаго изслѣдователя, въ Херсонѣ работало множество солдатъ, получавшихъ небольшое вознагражденіе отъ казны. Кораблестроеніе привлекло сюда кромѣ того множество вольныхъ рабочихъ, такъ что городъ все болѣе и болѣе возрасталъ. Съѣстные припасы привозились изъ польской и слободской Украины. Въ это же время началась въ Херсонѣ и заграничная торговля. Императрица, пріѣхавшая въ Херсонъ въ 1787 г., осталась очень довольна, — какъ это видно изъ письма ея къ ген. Еропкину, — и казармами, и крѣпостью, и каменными строениями, и церковью, и адмиралтействомъ, и кораблями, и множествомъ разноязычнаго населенія ²⁾. Императоръ Іосифъ II, лично осмотрѣвшій Херсонъ, въ общемъ также остался доволенъ, но заявилъ, что большой торговли здѣсь никогда не будетъ ³⁾. Лица, нерасположенные къ Потемкину, напр. Воронцовъ, отзывались дурно объ этомъ новомъ «колоссѣ», какъ его называла императрица. Спрашивается, какъ примирить противорѣчивыя извѣстія источниковъ? Какой взглядъ установить на постройку Херсона и на результатъ энергіи и заботъ самого Потемкина? ⁴⁾. Къ счастью, до насъ дошли ордера кн. Потемкина, заключающіе себѣ свѣдѣнія о постройкѣ г. Херсона съ 1781 по 1785 г. включительно ⁵⁾. Они даютъ намъ возмож-

¹⁾ Рус. Архивъ. 1867 г. 1213—1215 стр.

²⁾ Скальковскаго Хрон. обзор., I. 145, 190—191.

³⁾ Вривнеръ. Иллюстр. ист. Ев. II, III, 416, IV, 616.

⁴⁾ Краткій историческій очеркъ г. Херсона, составленный Чирковымъ, напечатанъ въ Пам. вѣ. херсонской губ. на 1864 г., прил. 1—17; упадокъ Херсона авторъ объясняетъ, на нашъ взглядъ совершенно основательно, — конкуренціей Николаева.

⁵⁾ Они напечатаны въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XI, 324—377.

ность отвѣтить опредѣленно на нѣкоторые существенные вопросы, относящіеся къ этому дѣлу. Заботы Екатерины II о новомъ городѣ объясняются главнымъ образомъ желаніемъ устроить въ немъ адмиралтейство, такъ какъ Азовъ и Таганрогъ не представляли значительныхъ удобствъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того въ Херсонѣ должна была быть воздвигнута хорошая крѣпость и коммерческая гавань.

Таковъ былъ проектъ, внушенный императрицѣ Потемкинымъ. Новый городъ долженъ былъ дѣйствительно вырасти, какъ бы изъ подъ земли, по мановенію руки всемогущаго князя. Въ своемъ ордерѣ строителю Ганнибалу онъ, между прочимъ, писалъ, что «вся ожидаемая отъ сего знаменитаго для государственнаго зданія (г. Херсона) польза состоитъ въ томъ, чтобы оное со всею возможною поспѣшностью, до наступленія осени если не совсѣмъ отстроилось, то по крайней мѣрѣ всѣ земляныя работы, обезпечивающія тѣ мѣста, были дѣйствительно кончены»¹⁾. Конечно, такъ быстро построить городъ оказалось невозможнымъ. Съ такою же лихорадочною поспѣшностью производились работы и въ послѣдующее время: Потемкинъ ожидалъ императрицу въ 1784 г., какъ это видно изъ ордера его на имя Ганса. «Чтобъ успѣшнѣе шло производство строеній въ Херсонѣ, то и за нужное считаю, не обременяя васъ другими дѣлами, оставить при одномъ строеніи, которое и рекомендую стараться всѣми мѣрами умножить и совершенно въ томъ усиѣть, ибо ея имп. вел. въ будущемъ лѣтѣ самолично въ Херсонѣ быть изволить»²⁾. Также заботился Потемкинъ и о быстрой постройкѣ кораблей. «Между тѣмъ подтверждаю вамъ, писалъ онъ капитану надъ портомъ Муромцеву, и еще употребить возможное стараніе, чтобъ работы корабельныя шли съ крайнею поспѣшностью, въ чемъ и присылать ко мнѣ еженедѣльно подробные рапорты.... Забота моя о производствѣ сего дѣла тѣмъ для меня важнѣе, что непремѣнная ея имп. вел. есть воля о крайнѣйшемъ въ томъ поспѣшеніи»³⁾. Всѣ помыслы кн. Потемкина были направлены къ тому, чтобъ новый городъ понравился императрицѣ. Недостатка въ деньгахъ быть не могло — Потемкину были предоставлены чрезвычайныя полномочія

¹⁾ Свѣдѣковскаго, Хр. обоа., I, 135.

²⁾ Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XI, 342.

³⁾ Ib. 344.

и онъ почти безконтрольно распоряжался суммами. Въ сожалѣнію, мы не знаемъ, во что обошлась правительству постройка новаго «колосса», но, судя по тѣмъ цифрамъ, которыя постоянно встрѣчаются въ Потемкинскихъ ордерахъ, можно думать, что сумма эта была весьма значительна. Приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ расходовъ. Ежегодно оставалась извѣстная сумма на производство кровостнаго строенія; въ 1782 г., напр., на сентябрьскую треть ассигновано болѣе 155,000 руб.; но, независимо отъ этого, многіе десятки тысячъ рублей отпускались въ возвратъ долга адмиралтейской суммы (б. 60,000 руб.); въ 1781 г. есть извѣстіе объ израсходованіи б. 420,000 руб.; большія суммы затрачивались особо на покушку и доставку корабельныхъ львовъ (въ 1783 г. — 50,000 р.), на наемъ плотниковъ (на треть 1785 г. 60,000 руб.) и т. п. Въ 1784 г. по выс. повелѣнію была отпущена для херсонскаго адмиралтейства экстраор. сумма въ размѣрѣ б. 1,533,000 р. сверхъ тѣхъ денегъ, которыя были выданы раньше на это дѣло и отпускались по штату ежегодно. «Что принадлежитъ до мѣсть ассигнованія, пишетъ Потемкинъ Виземскому, то не представляется мнѣ ни малаго затрудненія въ полученіи оныхъ изъ окрестныхъ въ Херсону губерній; отсюда и могу я прямо назначить подлежащія суммы кому оныя будутъ слѣдовать». Вообще на экстраор. траты Потемкинъ получалъ и экстраор. суммы: напр., на переселеніе церковниковъ и калмыковъ 200,000 р. Потемкинъ не затруднялся въ полученіи необходимыхъ суммъ: онъ требовалъ и получалъ ихъ изъ петерб. и моск. казначейства и разныхъ казенныхъ палатъ (орловской, курской, харьковской и др.). Можно сказать, что вса Россія несла спеціальныя повинности въ пользу предпріятій свѣтл. князя. Кромѣ денегъ къ его услугамъ были и рабочія руки, и техники, и специалисты. Будучи генераль-губерн. громаднаго Новорос. края, онъ, естественно, могъ и самъ выбирать необходимыхъ ему лицъ; но, кромѣ того, и правительство приходило въ этомъ отношеніи къ нему на помощь, такъ что онъ не могъ пожаловаться на внѣшнія препятствія для исполненія своихъ намѣреній. Къ его услугамъ были и войска, и казенные и вольные рабочіе. Для расчистки дѣвировскаго форватера у пороговъ отражено было три пѣхотныхъ полка; для работъ въ Херсонѣ употреблялись солдаты и рекруты; для производства корабельнаго строенія постоянно нанимались въ Петербургѣ, Олонцѣ и др. мѣстахъ плотники (б. 1000 чел.) и присылались казенные охтенскіе плотники; для того же херс. адмиралтейства присылались рекруты изъ Казани; изъ Москвы отпускались нѣмцы — кузнецы и т. д. Являлись по требованію Потемкина не

только простые рабочіе, но и ученые спеціалісты: врачи (изъ азовской и новорос. губ.), садовники, живописцы и т. п. «Пріѣхавшаго изъ Петербурга живописца Федора Данилова, пишетъ Потемкинъ Гансу, употребить слѣдуетъ для писанія вновь построенной залы въ Херсонѣ, о чемъ дайте ему знать, препоруча ему ту работу и опредѣля въ помощь живописцевъ изъ Петербурга въ Херсонъ привезенныхъ». Мало того,—кромѣ денегъ и рабочихъ, Потемкинъ получалъ необходимые ему предметы натурою,—отобранныя отъ запорожцевъ ружья (изъ вѣи. св. Елизаветы), порохъ и селитру (изъ кievскаго цехгауза) артиллерию съ разными приисами (изъ вѣи. св. Елизаветы). Понятное дѣло, что при такомъ изобиліи средствъ, при спѣшности постройки, контроль надъ истрачиваемыми суммами не могъ быть значителенъ. Несмотря на то, что лица, завѣдывавшіе постройками, кромѣ жалованья, получали и значительныя прибавки изъ суммъ, назначенныхъ для херсонскаго строенія, бывали случаи злоупотребленій въ расходованіи денегъ. Въ этомъ былъ изобличенъ и одинъ изъ строителей полк. Гансъ, которому Потемкинъ писалъ: «Представленные отъ васъ вѣдомости и книги расходовъ экстраординарной суммы ведены весьма беспорядочно и съ таковымъ смѣшеніемъ, что при выдачахъ казенныхъ рядомъ написаны партикулярныя». Спѣшность работъ должна была вредно отзываться и на самомъ качествѣ производимыхъ предметовъ. Такъ оказывается, напр., что суда строились изъ сыраго не высохшаго еще лѣсу и потому быстро портились и дѣлались никуда негодными. Итакъ, постройка Херсона велась на широкую ногу и потому обошлась она правительству страшно дорого. Справедливость требуетъ сказать, что самъ Потемкинъ былъ истиннымъ руководителемъ этого дѣла, заботился о скорѣйшемъ окончаніи его, и заботился не только о важныхъ, но и мелочныхъ обстоятельствахъ, къ нему относящихся, и не трудно догадаться, что главнымъ двигателемъ его было честолюбіе и славолюбіе. Онъ не допускалъ критики, которая могла бы омрачить «оригинальную славу» императрицы и его самого. Весьма характерный въ этомъ отношеніи фактъ—это его ордеръ главному доктору Самойлову. «Въ Моск. Вѣд.» сего года подъ № 74 въ артикулѣ «изъ Херсона» нашель я объявленіе Вашего сочиненія: описаніе подробное херсонскихъ болѣзней. Еще неизвѣстно, будетъ ли сдѣлано такое «описаніе» и послужитъ ли оно къ пользѣ общей, но подобныя объявленія обнародываемыя дѣлаютъ весьма худое впечатлѣніе о странѣ той, особливо жъ по далекому ея состоянію. Итакъ, желалъ бы я, чтобъ извѣстія о болѣзняхъ тамошнихъ вступали въ публику

не прежде, какъ вмѣстѣ съ описаніемъ свойства ихъ и надежныхъ средствъ, противъ нихъ употребляемыхъ». Рѣчь идетъ здѣсь о весьма щекотливомъ предметѣ для Потемкина—повальной заразной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Херсонѣ, благодаря его болотистой почвѣ; и вотъ свѣт. князь боится, какъ бы сообщаемыя въ книгѣ Самойлова факты не уронили его дѣятельности въ глазахъ императрицы, какъ бы этимъ не воспользовались тѣ, которые скептически относились къ этому новому колоссу, основанному, подобно Петербургу, на болотахъ; въ результатѣ и явился ордеръ, заключающій въ себѣ косвенное цензорское veto, такъ какъ ни Самойловъ, ни тогдашняя медицинская наука не знали вѣрныхъ средствъ противъ болѣзни.

Потемкинъ достигъ той цѣли, къ которой стремился въ продолженіи 9 лѣтъ: императрица осталась довольна Херсономъ. И дѣйствительно, говоря вообще, безотносительно къ затратамъ, за 8—9 лѣтъ сдѣлано было очень много ¹⁾. Путешественникъ Измайловъ, посѣтивши Херсонъ въ началѣ XIX в., говоритъ о г. Херсонѣ, какъ объ очень торговомъ пунктѣ, и указываетъ на предметы вывоза и ввоза ²⁾ Другой иностраннѣй путешественникъ къ этому прибавляетъ, что Херсонъ болѣе походилъ на городъ, чѣмъ Николаевъ; «домы здѣсь гораздо выше и улицы тѣснѣе; впрочемъ, также худо выстроены; жителей въ немъ гораздо болѣе, нежели въ Николаевѣ. Здѣсь производится важная торговля строевымъ лѣсомъ. На набережной, которая простирается на цѣлую милю, видны большіе анбары сего лѣса. Здѣсь строятъ военные корабли; я видѣлъ одинъ о 110 пушкахъ, приготовленный къ спуску въ воду. Здѣсь столько же находится жидовъ, какъ и въ Николаевѣ—и они здѣсь также бѣдны» ³⁾. Но надежды, возлагаемыя на новый городъ, все таки не оправдались: со взятіемъ Очакова и построеніемъ Николаева, значеніе Херсона, какъ крѣпости и адмиралтейства, пало; а между тѣмъ на устройство его укрѣпленій и верфи были затрачены громадныя суммы. Въ николаевскомъ инженерномъ архивѣ морск. вѣдомства хранится топограф. планъ херсонской крѣпости и адмиралтейства за время съ 1808 по 1828 г. Изъ описанія ихъ, составленнаго г. Чирковымъ, видно, въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ они были устроены. И что же? «Изъ всѣхъ этихъ строеній,

¹⁾ См. выдержки изъ различныхъ отзывовъ о Херсонѣ во время пребыванія тамъ императрицы въ ст. Бригнера „Путеш. Екат. въ Крымъ“ (Ист. Вѣстн. 1885 г. сентябрь, 478—487).

²⁾ Пут. въ пол. Рос., II. стр. 186—188.

³⁾ Письма о Крымѣ...., стр. 42.

бывшихъ въ обширномъ и образцовомъ херсонскомъ адмиралтействѣ, дорого стоящихъ государству, почти не осталось ни одного... Бывшія адмиралтейскія строенія (исключая немногихъ, получившихъ тѣ или инныя назначенія), обширная деревянная набережная, бревенчатый полисадъ на валу вокругъ всего адмиралтейства и даже каменные стѣны были проданы на сносъ съ публичнаго торга, и поэтому въ настоящее время сохранилось объ нихъ только темное преданіе, которому немногіе даже и вѣрятъ¹⁾. Sic transit gloria mundi! Невольно припоминаются при этомъ слова австрійскаго имп. Іосифа II, что мѣсто для Херсона было выбрано неудачное, что слѣдовало бы построить городъ на 30 верстъ ближе къ морю, и что при настоящемъ положеніи дѣла въ немъ никогда не будетъ процвѣтать торговля. Сегюръ и Палласъ также не одобрили выбраннаго Потемкинымъ мѣста подъ городъ. И дѣйствительно, онъ не только не сдѣлался другимъ Амстердамомъ, но торговля его развивалась довольно туго и онъ уступалъ въ этомъ отношеніи Таганрогу и Очакову; въ 1794 г. въ Таганрогъ привезено было иностранныхъ товаровъ на 156,058 р., а вывезено на 439,011 р., въ Очаковъ—привезено на 244,340 р., а вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—вывезено на 148,433 р.; между тѣмъ Николаевъ, который былъ построенъ 11 годами позже, отпускалъ въ это время товаровъ на 106,532 р., т. е. немногимъ менѣе Херсона²⁾. Не говоримъ уже, что надежда сдѣлать Днѣпръ судоходнымъ у пороговъ не оправдалась и что чума едва было не погубила дѣла заселенія города въ самомъ его началѣ, во всякомъ случаѣ крайне тормозила его успѣшный ходъ: переселенцы и мастеровые изъ центральныхъ губ. Россіи страшно болѣли отъ непривычнаго климата и болотнаго воздуха при отсутствіи сносныхъ помѣщеній и т. п.

Обобщая все сказанное о Херсонѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ мѣстности, на которой Потемкинъ рѣшилъ воздвигнуть Херсонъ, не было задатковъ для великаго будущаго. Потемкину удалось съ поразительною быстротою построить городъ, но для этого понадобились громадныя средства отъ государства и населенія, которыя не окупилась впоследствии; ошиблась Екатерина, которая писала, что Херсонъ будетъ все болѣе и болѣе развиваться; его быстрый, сказочный ростъ былъ искусственный, онъ выросталъ не благодаря самому себѣ, какъ растутъ многіе американскіе города, а благодаря помощи, ова-

¹⁾ Зап. Им. Од. Общ. Ист. и Др., XII, 477—481.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор. I, 233.

звѣсаемой ему могущественнымъ княземъ Тавриды, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ императрицы и желавшимъ блеснуть передъ нею, всей Россіей и даже Европой своею неусыпной дѣятельностью.

Обратимся теперь къ постройкѣ другаго города, который долженъ былъ составить славу Екатеринѣ — Екатеринослава. Исторія этой постройки въ высшей степени характерна. Мы, впрочемъ, не будемъ останавливаться на ней слишкомъ долго, такъ какъ отпразднованный въ позапрошломъ году 100-лѣтній юбилей города вызвалъ на свѣтъ 3 работы, посвященныя исторіи основанія и первыхъ годовъ жизни Екатеринослава¹⁾. Начать съ того, что Екатеринославъ нѣсколько разъ переходилъ съ одного мѣста на другое. 1-й Екатеринославъ находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи р. Кильчени въ Самару. Построенъ онъ былъ по проекту азовскаго губ. Чертева (въ 1777 г.), но въ 1786 г. Потемкинъ, который и прежде не желалъ устраивать его на р. Самарѣ, издалъ ордеръ о перенесеніи Екатеринослава (переименованнаго еще раньше въ Новомосковскъ) на новое, болѣе возвышенное мѣсто, такъ какъ на прежнемъ онъ постоянно страдалъ отъ наводненій. И дѣйствительно, Екатеринославъ 1-й, иначе Новомосковскъ, считавшій въ 1781 г. 2194 души (въ томъ числѣ 270 д. купцовъ), на основаніи ордера Потемкина, сталъ расходиться врознь; «въ городѣ Новомосковскѣ жителей, кромѣ городничаго съ штатною командою съ ротою солдатъ и нѣкотораго числа канцелярскихъ служителей, нынѣ уже никого не имѣется; всѣ разошлись по разнымъ мѣстамъ» говорится въ одномъ документѣ; Новомосковскъ былъ переведенъ далѣе вверхъ на р. Самарѣ на свое нын. мѣсто, гдѣ было с. Новоселица, а губернской городъ Екатеринославъ, по мысли Потемкина, долженъ былъ основаться на правомъ берегу Днѣпра на мѣстѣ запорожск. села Половицы, гдѣ онъ находится и теперь²⁾. Но раньше чѣмъ были сдѣланы необходимыя постройки въ новомъ городѣ, прежнее населеніе его и администрація временно пріютились въ одномъ изъ предградій, форштатовъ будущаго города «Новыхъ Кайдакахъ», въ которомъ населеніе сильно увеличилось и онъ именовался иногда даже въ официальныхъ бумагахъ Екатеринославоу³⁾. Первый указъ о постройкѣ Екатеринослава на правомъ берегу Днѣпра у Бай-

¹⁾ Егорова, Екатеринославское блуканіе, Е. 1887 г.; Владимірова, Первое столѣтіе Екатеринослава (матеріалы для истор. очерка). Е. 1887 г.; К. Королькова, Столѣтній юбилей Екатеринослава, Е. 1887 г.

²⁾ Мат. для ист.—стат.оп. екат. еп., Е. 1880 г., 306—318. Владиміровъ, 11—20.

³⁾ Мат. для ис. ст. оп. екат. еп. I, 25—40.

данова относится еще къ 1784 г. ¹⁾); но самая постройка его началась позже. Новый городъ, по проекту Потемкина, долженъ былъ служить къ вышней славъ Екатерины и потому планировали его въ необычайныхъ размѣрахъ: городъ долженъ былъ находиться между 2 форшта-тами—Старымъ и Новымъ Кайдаками и заключать въ себѣ пространство въ 300 кв. верстъ; одного выгона для скота предполагалось отвести 80,000 десятинъ; улицы должны были быть шириною въ 30 саж. (теперь всей земли у города немного болѣе 5,000 дес., а проектированную ширину имѣють только двѣ улицы). Сохранился проектъ городскихъ построекъ, написанный собственноручно Потемкинымъ, ярко рисующій намъ грандіозные замыслы князя Тавриды (поданъ за 3 мѣсяца до отъѣзда императрицы въ ея путешествіе). «Все-милостивѣйшая Государиня, гдѣ же индѣ, какъ не въ странѣ, посвященной славъ вашей, пишетъ Потемкинъ, быть городу изъ великолѣпныхъ зданій? А поэтому я предпринялъ проекты составить, достойные высокаго сего города названію. Во первыхъ представляется, въ подражаніе св. Павла, что въ Римѣ (очевидно П. хотѣлъ сказать св. Петра), тутъ храмъ великолѣпный, посвященный Преображенію Господню, въ знакъ, что страна сія изъ степей бесплодныхъ преображена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ и обиталище звѣрей въ благоприятное обиталище людямъ, изъ всѣхъ странъ текущимъ. Судилище, на подобіе древнихъ базиликъ, въ память полезныхъ вашихъ узаконеній. Лавки полукружіемъ, на подобіе пропилей или предудверій аѳинскихъ, съ биржею и театромъ посерединѣ. Палаты государскія, гдѣ жить и г. губернатору, во вкусѣ греческихъ и римскихъ зданій, вмѣстѣ посерединѣ великолѣпную и пространную сѣнь. Архіепископія при соборной церкви Преображенія съ дивастеріей и духовной школой. Какъ сія губернія есть военная, то въ призрѣніе заслуженнымъ престарѣлымъ воинамъ—домъ инвалидной со всѣми возможными выгодами и съ должнымъ великолѣпіемъ. Домъ губернаторской, вице-губернаторской, домъ дворянской и аптека, фабрика суконная и шелковая. Университетъ купно съ академіею музыкальной или консерваторіей. Для всѣхъ сихъ строеній довольно всякихъ припасовъ заготовлено, на что употребится 200,000 руб. оставшіеся отъ экстраординарныхъ суммъ ²⁾).

¹⁾ П. С. З. т. XXII, № 15910 (ук. отъ 22 янв. 1784 г.).

²⁾ Рус. Архивъ, 1865, стр. 394—395.

Въ новомъ городѣ вельно было немедленно учредить университетъ съ академію художествъ ¹⁾; назначенъ былъ директоромъ консерваторіи знаменитый музыкантъ Сарти; сохранился любопытный контрактъ съ нимъ вв. Потемкина.

«Быть мнѣ, говоритъ Сарти, директоромъ музыки при учреждаемомъ въ г. Екатеринославѣ университетѣ; обучать тамъ сочиненіе оной и самому сочинять музыкальныя пьесы, *съ какими будетъ надобность*, и за сіе получать мнѣ жалованья годоваго.... по 3500 руб. въ годъ, кромѣ квартиры съ отопленіемъ и 1,500 руб. прогоновъ ²⁾; на службу въ неосуществившійся университетъ были зачислены, кромѣ того, профессорами Ливановъ и Прокоповичъ, преподавателями живописи Неретинъ и Бухаровъ и исторіографомъ капитанъ французской службы de Guienne ³⁾, которые и получали жалованье по штату (всего ассигновано было съ 1785 года болѣе 20,000 руб.). На постройку университета назначено было 300,000 руб. ⁴⁾. Разсчитывали, что въ этомъ университетѣ съ академіей художествъ и музыки, съ училищемъ хирургическимъ и народною школою «по сосѣдству Польши, Греціи, земель Воложской, Молдавской и народовъ Иллирическихъ, множество притечетъ юношества обучаться».

Но не однѣ науки и искусства должны были процвѣсти въ новомъ городѣ: въ немъ должна была зародиться, по мановенію всеильнаго вельможи, и промышленность: большія суммы (340,000 руб.) были ассигнованы на устройство казенной фабрики съ 2 отдѣленіями—сухонымъ и шелково—чулочнымъ ⁵⁾. Въ своемъ донесеніи императрицѣ Потемкинъ указываетъ на громадную пользу, которую принесетъ эта фабрика Россіи, которая превзойдетъ въ количествѣ суконъ всѣ прочія государства, «а посредствомъ дворянъ-учениковъ это ремесло разойдется по всей Россіи, шелкъ будетъ хорошаго качества и дешевъ; «колоніи ремесленниковъ, говоритъ въ заключеніе своего донесенія Потемкинъ, фабриканты въ большомъ числѣ, находятся у меня теперь въ бѣлорусскихъ деревняхъ въ ожиданіи построенія жилищъ въ Екатеринославѣ, которыя въ будущей осени посѣютъ, и они на судахъ

¹⁾ П. С. Зак. т. XXII, № 16057 (ук. 4 сент. 1784 г.).

²⁾ Зап. Одеск. Общ. IV, 375.

³⁾ Ibidem, 376, 377.

⁴⁾ Зап. Одеск. Общ. II, 332 и 774.

⁵⁾ Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 444—445; всѣхъ фабрикъ въ Екатеринославѣ предполагалось 12.

Днѣпромъ съ инструментами доставятся въ свое мѣсто»¹⁾. Въ 1787 г. императрица, во время своего извѣстнаго путешествія, посѣтила Екатеринославъ и заложила грандіозный соборный храмъ, который по величинѣ своей долженъ былъ превосходить храмъ св. Петра въ Римѣ: на 1 аршинъ длиннѣ послѣдняго²⁾.

Что же вышло изъ всѣхъ этихъ грандіознѣйшихъ проектовъ? Отвѣтимъ кратко: очень мало. Программа тѣхъ величественныхъ сооружений, которыя проектировалъ свѣтлѣйшій, осуществилась въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ (дворецъ Потемкина и нѣк. др.); чулочная фабрика закрыта была очень скоро, а суконная кое какъ протянула до 1836 г.; соборъ, заложенный Екатериной, не былъ выстроенъ: дѣло ограничилось однимъ фундаментомъ, который обошелся казнѣ въ 71,102 р.; сбылось такимъ образомъ предсказаніе Сегюра, что въ этомъ соборѣ никогда не будетъ службы; правъ былъ отчасти и императоръ Юсифъ II, который сказалъ, что онъ съ императрицей совершилъ великое дѣло: она положила 1-й камень новаго города, а онъ 2-й и послѣдній. Университетъ съ академіей и другими учрежденіями никогда не осуществился; профессора его напрасно получали жалованье, исключая, б. м., одного Сарта, который исполнилъ свою обязанность, указанную въ контрактѣ: составилъ торжественную кантату для встрѣчи императрицы; заготовленные для построекъ матеріалы были частью проданы съ публичнаго торга, а частью получили другое назначеніе. «Такимъ образомъ, говорить преосв. Гавриилъ, все разлилось въ разные стороны; въ самое краткое время всего лишился Екатеринославъ; златомъ сіяя надѣявшійся, онъ превратился въ сосудъ глиняный, или въ ту самую *Половицу*, на мѣстѣ которой основался»³⁾.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Екатеринославѣ было 2201 д. муж. пола, въ томъ числѣ 277 д. купцовъ, 874 д. мѣщанъ и цеховыхъ и 1050 д. разночинцевъ⁴⁾, а въ 1800 г.—только 2634 д. *обоимъ поламъ*, т. е. абсолютная цифра уменьшилась; въ 1804 г. 6389 д., въ 1825 г.—8412 д., 1-е въ теченіе 25 лѣтъ текущаго столѣтія населеніе болѣе чѣмъ утроилось, хотя все таки абсолютная цифра его была не велика⁵⁾. Положеніе екатеринославскаго купече-

¹⁾ Рус. Архивъ 1866, стр. 66—68.

²⁾ Ibidem, стр. 869.

³⁾ Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 456—459.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., III, стр. 289;

⁵⁾ Владимірова. Первое стол. г. Екатеринослава, стр. 212—213;

ства въ первые годы существованія города было очень печальное; яркими красками рисуется оно въ прошеніи, которое предполагалось подать гр. Зубову; лица, стоявшія во главѣ управленія и желавшія сдѣлать Еватеринославъ достойнымъ его высокаго назначенія, всячески обнадеживали поселенцевъ разными льготами, но этихъ льготъ въ дѣйствительности не оказывалось, въ особенности это нужно сказать о времени Павла Петровича; для усиленія коммерціи было открыто въ городѣ 4 ярмарки, но купцовъ на нихъ не было¹⁾. Да и могло ли быть иначе? Неудача объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что хотѣли искусственно, однимъ почеркомъ пера, создать то, для чего потребны были благопріятныя мѣстныя условія; но объ этихъ условіяхъ не справлялись; наоборотъ, въ особенную заслугу думали себѣ вмѣнить постройку знаменитаго города въ пустынной мѣстности, у болота; и вотъ, когда золотой дождь въ видѣ правительственныхъ ассигновокъ, прекратился,—и науки, и искусства, и промыслы, и торговля такъ и остались въ проектѣ.

Представимъ теперь, наконецъ, нѣкоторые данныя о постройкѣ г. Николаева. Еще въ 1784 г. приказано было построить крѣпость при впаденіи Ингула въ Бугъ, но она почему то построена не была. Въ 1787 г. турки очаковскаго гарнизона, по преданію, разорили находившуюся на р. Бугѣ, недалеко отъ впаденія въ него р. Ингула, дачу иностранца Фабри; этотъ послѣдній просилъ казну вознаграждать его за убытки; для опредѣленія ихъ былъ отправленъ извѣстнымъ уже намъ Фалѣевымъ офицеръ, который донесъ ему, что возлѣ Фабровой дачи есть мѣсто, удобное для верфи. Въ 1788 г., по приказанію Потемкина, въ небольшой деревнѣ Витовкѣ были построены казармы и госпиталь, а на р. Ингулѣ заведена верфь. Постройка зданій и судовъ была поручена Фалѣеву, а сотрудниками его были архитекторъ Варезетъ, Бестужевъ, Старовъ, Де-Воланъ и др. Основаніе г. Николаева мы относимъ къ 27 августа 1789 г., потому что этимъ именно годомъ, мѣсяцемъ и числомъ помѣченъ ордеръ Потемкина на имя Фалѣева такого содержанія: «Фаброву дачу именовать Спаское, а Витовку Богоявленское, новозаводимую верфь на Ингулѣ городъ Николаевъ»²⁾; Высочайшее повелѣніе о наименованіи новаго города

¹⁾ Ibidem, стр. 103—105, 145—150.

²⁾ Зап. Од. Общ. II, 672; А. А. Скальковскій высказалъ мнѣніе, что Николаевъ получилъ начало 28 марта 1789 г., и ссылается на архивъ черном. гидрограф. депо, откуда онъ перенечталъ и во 2-мъ томѣ Зап. Од. Общ.; окончательно разрѣшить этотъ вопросъ тотъ, кто найдетъ справку въ этомъ архивѣ.

Николаевомъ послѣдовало только въ 1790 г.¹⁾ Свое имя онъ получилъ по имени перваго корабля св. Николая, построеннаго на его верфи. Въ томъ же 1790 г. послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ устройствѣ въ Николаевѣ адмиралтейства и верфи. «Глубина р. Ингула, при впаденіи ея въ Бугъ, говоритъ авторъ исторіи черноморскаго флота Аркасъ, много способствовала къ построенію тамъ верфи для сооруженія судовъ большаго ранга... Херсонская верфь, хотя была также удобна какъ Николаевская, но мелководіе гирль препятствовало выводить изъ Херсона въ море большаго ранга суда... и потому постепенно начали переводить изъ Херсона въ Николаевъ сначала главнаго командира, правленіе черноморскаго флота и кадетскій корпусъ, потомъ нѣкоторыя мастерскія и, наконецъ, въ 1824 г. уничтожили въ Херсонѣ адмиралтейство и перевели въ Николаевъ»²⁾. Найдя новый удобный пунктъ, Потемкинъ рѣшается устроить здѣсь городъ, портъ и адмиралтейство. Сохранился въ высшей степени интересный проектъ Потемкина о постройкахъ въ Николаевѣ. Рѣшено было адмиралтейство изъ Херсона перевести въ Николаевъ, такъ какъ въ немъ и вода, и воздухъ чище, а въ Херсонѣ оставить одни только магазины и постройку мелкихъ судовъ, которые могутъ проходить безъ камелей; сначала предполагали сдѣлать доки и деревянную гавань на р. Бугѣ, но вслѣдствіе дороговизны отказались отъ этой мысли и рѣшили оставить адмиралтейство и верфь на Ингулѣ, а на Бугѣ имѣть только докъ; всѣ необходимыя для адмиралтейства магазины, мастерскія и набережную предполагалось построить изъ лѣса, заготовленнаго въ с. Мошнахъ (киев. губ.); число казармъ увеличить; на Бугѣ и лиманѣ побивать сваи, чтобы суда могли тянуться и въ плохую погоду; для привлеченія иностранцевъ къ поселенію въ Николаевѣ искодатайствовать на 20 лѣтъ портофранко; ярославскихъ каменщиковъ, купленныхъ у Мещерской, сдѣлать казенными и пріохочивать къ поселенію въ Николаевѣ; заниматься постройкою судовъ, чтобы довести число ихъ до предполагаемой нормы; составить для гребнаго флота приморскій гренадерскій корпусъ, которому имѣть постоянныя квартиры въ Николаевѣ; въ мирное время онъ долженъ былъ заниматься работами въ портѣ или же гнать лѣса по лиману; для того, чтобы никогда не было недостатка въ мастеровыхъ, учить женатыхъ рекрутъ плотничьему и другимъ ремесламъ, необходимымъ въ адмиралтействѣ, и

¹⁾ Зап. Од. Общ., II, стр. 769.

²⁾ Начало учрежд. рос. флота на Черномъ морѣ (Зап. Од. Общ., IV, 296).

поселить изъ нихъ 3,000 (а также 1,000 каменщиковъ) на казенныхъ участкахъ и на земляхъ, которыя нужно купить у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (у разныхъ владѣльцевъ около Николаева, у Безбородка близъ Херсона, у ген. Соймонова на устьѣ Ингульца у Глубокой пристани, гдѣ построенъ литейный заводъ для переливки негодныхъ пушекъ и ядеръ, на Бугѣ у Русской косы, противъ Николаева и Богоявленска на той сторонѣ Буга, на Ингулѣ на дачѣ помѣщика Ларія); въ бугскихъ порогахъ завести водяныя машины для кузнечныхъ адмиралтейскихъ работъ и оружейнаго завода; построить противъ Богоявленска купальню въ томъ мѣстѣ, гдѣ криница; завести въ удобномъ мѣстѣ банатный заводъ «безъ затѣй»; для слава лѣса изъ Херсона въ Николаевъ построить плашкоуты; для пристанища байдаковъ и плотовъ во время шторма подѣлать пристани на Глубокой и ниже Станиславова; вымѣрить дно Буга и Ингула до Березани; сдѣлать при николаевской верфи кузницу и токарню; распахать какъ можно больше земли позлѣ Николаева, для чего сдѣлать еще 20 плуговъ, а въ Богоявленскѣ завести земледѣльческое училище съ аптекарскимъ садомъ подъ дирекціей проф. Ливанова, учениковъ же въ него опредѣлять изъ рядовыхъ солдатъ или женатыхъ поповичей; на копанкахъ поселить женатыхъ военныхъ, неспособныхъ къ службѣ, въ Богоявленскѣ всѣхъ заштатныхъ церковниковъ; такое же населеніе, а также безпаспортные выходцы изъ Польши и бродяги, должны устроиться въ Воскресенскѣ и Покровскѣ; служащимъ въ адмиралтействѣ отводить землю подъ хутора въ окрестностяхъ города; насаждать при адмиралтейскихъ поселкахъ лѣсъ; давать жалованье адмиралтейскимъ рабочимъ; для молодыхъ людей, желавшихъ поступить въ морскую службу, построить въ городѣ училище навигаціи на 360 чел. дворянъ и на столько же разночинцевъ, которые будутъ выходить въ штурмана, шкипера и др. подобныя должности. Завести небольшое училище кораблестроенія и снабдить его новѣйшими англійскими и французскими книгами; для отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ основать монастырь Спасо-Николаевской лавры и дать туда колоколь въ 1000 пудовъ, перелитый изъ колокола Межигорскаго монастыря; доходы съ лавокъ, выстроенныхъ у биржи, съ погребовъ, трактира и кофейной употребить на церковь св. Григорія и на причтъ ея, а сосуды дать туда монастырскіе; построить инвалидный домъ и такой госпиталь, въ которомъ могли бы лечиться и херсонскіе больные, такъ какъ здѣшнее мѣсто и вода несравненно здоровѣе херсонскихъ; въ Богоявленскѣ и Николаевѣ всѣ фонтаны

обдѣлать мраморомъ и устроить торговую турецкую баню; въ Николаевѣ ничего не строить деревяннаго, а если есть мазанки, то ихъ оштукатурить; разнымъ лицамъ, оказавшимъ услуги при устройствѣ города и края, дать награды и пенсiи (оберъ-интенданту Афанасьеву, проф. Ливанову за находку серебряной руды, каменнаго угля, мрамора и красокъ, архитектору Ванрезани). Изъ отвѣтныхъ донесенiй Фалъева мы узнаемъ, что въ Богоявленскѣ садили разными деревья (дубы и т. п.) и виноградъ, отысканный въ Очаковѣ; для приведенiя въ благоустройство города Фалъевъ ходатайствовалъ объ учрежденiи и полицiи ¹⁾.

Нельзя не замѣтить, что при устройствѣ Николаева Потемкинъ дѣйствовалъ нѣсколько иначе, чѣмъ при постройкѣ Екатеринослава и Херсона. Здѣсь меньше желанiя произвести эффектъ, больше исполнимыхъ, практичныхъ проектовъ; есть даже желанiе устраивать кое что «безъ затѣй». Потемкинъ, очевидно, разочаровался въ Херсонѣ; по крайней мѣрѣ онъ, какъ мы видѣли, убѣдился въ нездоровомъ климатѣ занятой имъ мѣстности. Впрочемъ, и во время строенiя Николаева погибло не мало народа, и это обстоятельство сильно огорчало свѣтлѣйшаго. «А теперь только скажу, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропастъ. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морить какъ нарочно. Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду. А я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину. Я опредѣлялъ людей въ работу да и еще и съ заплатою, а изъ сего сдѣлали каторгу. И по несчастью какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучать другiе, а потакаете вы ²⁾. Изъ этого документа видно, что работы были очень тяжелы, если самъ Потемкинъ называетъ ихъ каторгой и тиранствомъ. Не обходилось дѣло и безъ хищенiя казенныхъ денегъ. «Пора отстать, пишетъ Потемкинъ, отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили суммы и все недостатками подчивали. Черезъ нихъ разворовано много» ³⁾.

Далеко не всѣ предположенiя и предначертанiя Потемкина относительно Николаева осуществились: многое, по смерти его, было оставлено втунѣ; его преемникъ Зубовъ вовсе не желалъ продолжать

¹⁾ Зап. Од. Общ., XIII, 182—183, 184—186, 187; см. также „Распоряженiя и предположенiя кн. Потемкина-Таврическаго объ устройствѣ черн. флота и г. Николаева“ (Мор. Сбор. 1855, № 11, стр. 151—167.

²⁾ Зап. Од. Общ. II, 673—674.

³⁾ *ibidem*, 673.

начинаній своего предмѣстника, а хотѣлъ въ свою очередь оставить память о своей дѣятельности въ новомъ городѣ Вознесенскѣ. Но несмотря на это неблагоприятное обстоятельство, Николаевъ не захирѣлъ, подобно Екатеринославу, а сталъ развиваться и даже конкурировать съ Херсономъ. Объ его ростѣ свидѣлствуетъ слѣдующіе факты.

Въ 1788 г. ¹⁾ николаевскую верфь посѣтилъ нѣмецкій врачъ Дримпельманъ, который оставилъ любопытное описаніе ея. «Какъ сильно я былъ удивленъ, говорить онъ, когда извозчикъ, котораго я подрядилъ изъ Елисаветграда, вдругъ остановился и, хотя я не видѣлъ ничего кромѣ отдѣльныхъ хижинъ изъ тростника и часовыхъ, объявилъ мнѣ, что тутъ и есть Николаевъ... Ближайшее освѣдомленіе у часовыхъ показало, что слова извозчика были справедливы и что я дѣйствительно нахожусь въ самомъ Николаевѣ». Описавъ посѣщеніе свое Богоявленска, Дримпельманъ рассказываетъ дальше слѣдующее: «Доселѣ ни одно человѣческое существо не могло жить въ этомъ мѣстѣ, гдѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ городъ, который уже въ первые годы своего существованія обѣщаль счастливое процвѣтаніе и гдѣ теперь селятся люди всѣхъ странъ. Вокругъ все было пусто. Единственныя живыя существа, которыхъ здѣсь можно было встрѣтить, были змѣи. Хотя укушеніе ихъ и не опасно, однако онѣ были неприяты и страшны для людей тѣмъ, что проныкали въ жилища, плохо построенныя изъ тростника и досокъ. Въ нашу тростниковую хижину, въ которой намъ пришлось провести первую ночь по пріѣздѣ въ Николаевъ, напозло множество этихъ гадинъ. Хотя мы изъ предосторожности устроили постель на 4-хъ высочихъ кольяхъ, но это нисколько не помогло: змѣи поднимались вверхъ и, почуявъ людей, съ отвратительнымъ шипѣньемъ переползали черезъ насъ на другую сторону кровати и уходили. Постройка новаго города шла впередъ съ изумительною быстротою: въ тотъ годъ, когда я жилъ здѣсь, выстроено было болѣе 150 домовъ. Лѣсъ и другіе строительные матеріалы доставлялись въ изобиліи на казенный счетъ по Вугу и продавались весьма дешево какъ чиновникамъ, такъ и другимъ лицамъ, желавшимъ здѣсь поселиться. Только каждый строившійся обязанъ былъ строго сообразоваться съ планомъ, по которому городъ постепенно долженъ былъ возникать. Число жителей, собравшихся изъ разныхъ частей государства, доходило въ 1789 г., когда я покинулъ Николаевъ,

¹⁾ Вѣроятно, дѣло происходило не въ 1788 г., а нѣсколько позже.

до 2½ тысяч¹⁾). Изъ другихъ (официальныхъ) данныхъ видно, что и въ 1792 г. въ Николаевѣ было менѣе 2,500 жителей; нужно думать поэтому, что или Дримпельманъ значительно преувеличилъ цифру населенія, или, что вѣроятно же, выставилъ ошибочную хронологію: на самомъ дѣлѣ былъ въ Николаевѣ въ началѣ девяностыхъ годовъ XVIII-го вѣка. Въ 1791 г. въ Николаевѣ было 26 дворовъ, 147 д. жителей обоого пола (105 муж. и 42 ж.) и 1,200 дес. земли подъ усадьбами²⁾. Екат. губ. Каховскій въ своемъ письмѣ къ извѣстному Попову сообщаетъ такія данныя о Николаевѣ въ 1792 году: «строеій кончено и начато много. Вода въ колодезяхъ хороша, а въ фонтаняхъ отменно хороша. Деревьевъ насажено много. По хуторамъ разводятся огороды для поваренныхъ растений и распахиваются земли подъ посѣвъ хлѣба... Признаюсь В. П., что и пришелъ въ изумленіе, увидя столь много строеій на томъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ видѣлъ я два только шалаша изъ камыша сдѣланныхъ». Въ 1792 г. въ немъ дѣйствительно уже существовали: 1 церковь, 4 общественныхъ дома, 100 казармъ, 13 магазиновъ, 158 каменныхъ и деревянныхъ домовъ, 209 мазанокъ, 61 землянка, 149 лавокъ, 23 погреба и 1,566 д. обоого пола³⁾. Кромѣ того здѣсь же временно проживало 1,734 д. рабочихъ. Громадная разница съ состояніемъ города въ 1791 г., ясно свидѣтельствующая о томъ, что предположенія Потемкина получили нѣкоторое практическое осуществленіе. Измайловъ, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ въ самомъ концѣ XVIII в., описываетъ Николаевъ такъ: «Николаевъ стоитъ въ долинѣ, окруженной пригорками при впаденіи Ингула въ Бугъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чернаго моря. Адмиралтейство, крѣпость, суда, стоящія на якоряхъ, служатъ главнымъ украшеніемъ города. Соборная церковь во имя св. Григорія есть зданіе вкуса и нѣжности»⁴⁾. «Николаевъ, говоритъ одинъ иностранный путешественникъ, посѣтившій его въ 1808 г., стоитъ на лѣвомъ берегу Буга... Въ семь городѣ находятся склады и магазины черноморскаго флота. Когда мы проѣзжали, то еще въ гавани не было ни одного линейнаго корабля въ отстройкѣ; какъ скоро они отдѣлаются, немедленно отправляютъ ихъ въ Севастополь. Жителей въ городѣ около девяти тысячъ (цифра эта, по всей вѣроятности,

¹⁾ Записки нѣм. врача о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка (Русскій Архивъ, 1881, кн. 1-я, стр. 48—49).

²⁾ Зап. Од. Общ., II, 747.

³⁾ Зап. Од. Общ., II, 772.

⁴⁾ Пут. въ полуд. Рос. II, 99—100.

сильно преувеличена), почти всё—служащие во флотъ или жиды; сии послѣдніе имѣютъ отвратительный видъ. Положеніе Николаева не такъ хорошо—улицы широки, а дома низкіе и выстроены по большей части изъ дерева или глины¹⁾. Въ «Землеописаніи» Зябловскаго (напеч. въ 1810 г.) о Николаевѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «въ немъ, по выгодной глубинѣ залива и безопасной для судовъ рейды, стоитъ черноморская гребная флотилія, также имѣетъ пребываніе главнокомандующій надъ черноморскимъ и азовскимъ флотами и учреждено училище штурманское и другое корабельной архитектуры. Имѣетъ таможенную заставу и 3 церкви²⁾ (русскую, католическую и греческую)». Въ 1817 г. въ Николаевѣ было 6 церквей и 7-я синагога, 4 общественныхъ зданія, 99 казенныхъ, 1,368 частныхъ домовъ (1,010 каменныхъ и 358 деревянныхъ), 3,285 д. обоего пола³⁾. Прогрессъ въ числѣ жителей за 25 лѣтъ послѣдовалъ, какъ видно изъ этихъ цифръ, ничтожный; очевидно, послѣ форсированнаго роста, вызваннаго искусственными мѣрами, наступило затишье. Но Николаевъ все таки имѣлъ будущее, какъ удобное мѣсто для постройки судовъ и торговый портъ. По числу выпущенныхъ изъ его верфи кораблей онъ уступалъ Херсону⁴⁾, но относительно отпускной хлѣбной торговли въ самомъ концѣ XVIII в. стоялъ нѣсколько выше его⁵⁾.

Ужъ по смерти Потемкина былъ основанъ городъ, который занялъ первое мѣсто среди всѣхъ городовъ Новороссійскаго края, и старыхъ, и новыхъ—это Одесса, основанная на мѣстѣ турецкой вѣрѣпости Хаджибея; указъ императрицы о постройкѣ военной и купеческой гавани и города Хаджибея (такъ раньше называлась Одесса) относится къ 1794 г.⁶⁾; постройка была поручена де-Рибасу; подъ новый городъ было отведено болѣе 30,000 десятинъ земли; на устройство порта, адмиралтейства, казармъ и т. п. было ассигновано около 2,000,000 руб.; важнымъ моментомъ въ первоначальной исторіи Одессы (такъ его назвала академія наукъ) было поселеніе греческихъ выходцевъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ; городъ въ это

¹⁾ Письма о Крымѣ, объ Одессѣ и Азов. морѣ. М. 1810, стр. 39—40.

²⁾ Землеопис. рос. имп., V, 347—348.

³⁾ Зап. Од. Общ. II, 747.

⁴⁾ См. сравнительную таблицу различныхъ судовъ, построенныхъ въ той и другой верфи до 1824 г. въ Зап. Од. Об., II, 749—750.

⁵⁾ Скальковскій, Хрон. об., I, 235.

⁶⁾ Впрочемъ мысль о постройкѣ города на мѣстѣ тур. Хаджибея возникла у императрицы еще въ 1782 г.; см. Зап. Од. Общ., I, 261.

времени состоялъ изъ двухъ форштадтовъ — военнаго и греческаго; частныя лица получали «открытыя листы» на свои усадьбы; въ надеждѣ на большія выгоды здѣсь стали селиться русскіе и иностранныя (гл. обр. греческіе) купцы; въ предмѣстьѣ города Пересыпи поселились черноморскіе (бывшіе запорожскіе) козаки. Въ 1796 г. въ Одессѣ было 2,349 д. обоего пола; больше всего мѣщанъ (новороссійскихъ, иногороднихъ и б. казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ); купцовъ разныхъ гильдій 84 чел. м. п., евреевъ 150 д. м. п., грековъ (кромѣ греч. дивизиона) 129 д. м. п., 98 д. черном. козаковъ. Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, наступившія для города съ воцареніемъ имп. Павла Петровича, населеніе въ немъ постоянно возрастало; царствованіе Павла Петровича было непродолжительно, а съ воцареніемъ имп. Александра I-го жители Одессы получили многія важныя привилегіи (25-лѣтняя льгота, освобожденіе отъ постоевъ, утвержденіе за городомъ земли и т. д.). Въ 1802 г. въ Одессѣ было уже болѣе 9,000 д. обоего пола жителей, въ томъ числѣ постоянныхъ и временныхъ купцовъ 2,285 д. об. п., а мѣщанъ—5,743 д. об. п.; 39 фабрикъ, заводовъ и мельницъ, 171 лавка, 43 погребца, 1,092 обывательскихъ дома и 257 землянокъ, городскихъ доходовъ—40,675 р. 38 к., товаровъ привезено было на 719,982 р., а вывезено—на 1,534,114 р., всего на 2,254,096 р. Но все это было ничто въ сравненіи съ дальнѣйшимъ прогрессомъ въ населеніи и торговлѣ. Этимъ прогрессомъ Одесса обязана гл. об. дѣятельности дюка де-Ришелье, который занялъ здѣсь постъ градоначальника въ 1803 г. По словамъ Сикара, Ришелье самъ стоялъ во главѣ всего и управлялъ всѣмъ больше своею личностью, чѣмъ предоставленной ему властью; въ свободныя минуты онъ обходилъ городъ и гавань, наблюдая за работами, самъ отдавая вездѣ приказанія и заставляя такимъ образомъ другихъ подвигать дѣло съ необычайнымъ усердіемъ; онъ посѣщалъ иностранцевъ въ карантинѣ, узнавалъ ихъ планы, нужды, приглашая ихъ возвращаться или поселяться въ Одессѣ. Въ городѣ онъ лично зналъ всѣхъ купцовъ, какой бы національности они ни были, встрѣчался съ ними или посѣщалъ ихъ магазины, разговаривалъ и освѣдомлялся о ихъ торговлѣ, успѣхахъ, препятствіяхъ, желаніяхъ и нуждахъ¹⁾. «Въ продолженіе почти 12-ти лѣтняго управленія Одессою Ришелье, пользуясь высокимъ довѣріемъ монарха, обращалъ его единственно на пользу

¹⁾ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIV, p. 32. (Notice sur 11 années de la vie du duc de Richelieu à Odessa pour servir à l'histoire de sa vie).

города. Онъ не только что возстановилъ дарованныя имп. Екатериною милости городу, но исходатайствовалъ новыя, несравненно большія; устроилъ портъ, карантинъ, таможню, театръ, госпиталь, докончилъ начатыя храмы Божіи; учредилъ воспитательно-учебное заведеніе, поощрилъ частныя въ городѣ постройки, которыхъ при его отъѣздѣ считалось 2,000; увеличилъ населеніе города до 25,000 душъ; возвысилъ торговые обороты его. Любя страстно садоводство и вообще разведеніе деревь, онъ всячески покровительствовалъ владѣльцамъ дачъ и садовъ и первый выписалъ изъ Италіи сѣмена бѣлой акаціи, роскошно принявшейся на одесской почвѣ. Ришелье за границей не забывалъ Одессу... Такъ характеризуетъ его дѣятельность историкъ Одессы Смольяниновъ ¹⁾. При Ришелье Одесса сдѣлалась центромъ торговыхъ связей Новороссійскаго края и европейскихъ приморскихъ городовъ: торговые обороты ея въ 1814 г. простирались болѣе чѣмъ на 20,000,000 руб.; главнымъ предметомъ отпускнуой торговли была пшеница; естественныя богатства Новороссійскаго края нашли себѣ сбытъ. Расширеніе торговыхъ оборотовъ одесскаго купечества вызвало увеличеніе потребностей и привело въ общему модѣму культурности и цивилизаціи: Одесса превратилась въ небольшой, но бойкій, торговый и благоустроенный *европейскій* городъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно свидѣтельство самого Ришелье: «когда я прибылъ, говорить онъ, въ 1803 г. въ Одессу, то прошло 6 недѣль, прежде чѣмъ я могъ достать себѣ дюжину самыхъ простыхъ стульевъ, — а въ 1813 г. было уже вывезено изъ Одессы въ Константинополь на 60,000 рублей мебели, которая была сдѣлана почти также хорошо какъ петербургская или московская» ²⁾. О томъ, чтѣ изъ себя представляла Одесса въ десятыхъ годахъ XIX ст., можно получить свѣдѣнія изъ сочиненія марквиза де-Кастельно, гдѣ сообщаются обстоятельныя данныя о населеніи ея, общественныхъ и частныхъ сооруженіяхъ, управленіи, полиціи, а въ особенности о торговлѣ: данныя эти вполне подтверждаютъ мысль о сравнительно высокой степени культурнаго развитія города ³⁾.

Кромѣ Херсона, Екатеринослава, Николаева и Одессы, можно указать и еще нѣсколько важныхъ городовъ въ Новороссійскомъ

¹⁾ Исторія Одессы, стр. 167—168.

²⁾ Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ., т. LIV, р. 370.

³⁾ Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, III, р. 17—112; приложенныя нами фактическія данныя объ Одессѣ позаимствованы изъ сочиненій Смольянинова и А. А. Скальковскаго.

край, вознѣвшихъ также путемъ колонизаціи; но на нихъ мы уже останавливаться не будемъ; таковы Мариуполь, Ростовъ, Таганрогъ, Дубоссары. Въ Мариуполѣ, который былъ основанъ въ 1780 году, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ насчитывалось уже 1,506 душъ мужскаго пола, въ томъ числѣ 144 купца ¹⁾. Въ Ростовѣ (первоначально называвшемся крѣпостью св. Дмитрія Ростовскаго) въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было только 704 души жителей; но за то въ сосѣднемъ съ нимъ армянскомъ городѣ Нахичевани, который получилъ начало въ 80-мъ году, числилось тогда же 1040 д. русскихъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ и заводовъ и много каменныхъ лавокъ ²⁾. Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) былъ построенъ еще, собственно говоря, при Петрѣ Вел., но находился долго въ запустѣніи и возобновленъ былъ только въ 1769 г.; въ немъ въ началѣ 80-хъ годовъ была гавань, таможня, биржа, крѣпость; кромѣ значительнаго числа моряковъ, въ немъ жило 222 чел. купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ ³⁾. Хотя гавань его отличалась многими неудобствами ⁴⁾, но въ немъ все таки процвѣтала заграничная торговля. Въ самомъ началѣ XIX ст. онъ представлялъ изъ себя, по словамъ одного путешественника, торговый, но худо выстроенный и грязный городъ; жителей въ немъ было отъ 8 до 10 тыс. чел., торговля здѣшняя была въ рукахъ грековъ; съ возникновеніемъ Одессы Таганрогъ потерялъ свое прежнее значеніе самаго важнаго торговаго пункта ⁵⁾. Дубоссары славились сухопутной торговлей; по словамъ Пейссонеля, отсюда вывозилось всякихъ сырыхъ продуктовъ въ концѣ XVIII в. на 12,210 р. ⁶⁾,

¹⁾ Записки Од. Общ., III, 293. „Описаніе городовъ и уѣздовъ азовской губ.“; основываясь на нѣкоторыхъ хронологическихъ указаніяхъ самаго документа, издателя относятъ его къ 1779 г.; но спрашивается, какъ можно говорить о 1779 годѣ, когда въ текстѣ же мы находимъ упоминаніе о 1780-мъ? Судя по тому, что здѣсь описывается 1-й Екатеринославъ, нужно отнести его къ началу 80-хъ годовъ XVIII вѣка.

²⁾ Ibidem, стр. 297; Зап. Од. Общ., II, 835—838.

³⁾ Записки Од. Общ., III, 295—296.

⁴⁾ Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ. LIV, р. 276—281; на сто коммерческихъ судовъ здѣсь погибало 5, 6, т. е. въ 9 разъ болѣе, чѣмъ на Средиземномъ морѣ; также отрицательно, какъ и Рихелье, отзывается о Таганрогѣ Гюльденштедтъ.

⁵⁾ Письма о Крымѣ..., стр. 230, 232, 258, 262; впрочемъ, въ 1805 г. торговые обороты Таганрога превышали 5,000,000 руб. (Скальковскаго, Хронологическій обзоръ, II, 95).

⁶⁾ Traité de la commerce..., I, р. 302.
КОЛОИ. НОВОРОС. КРАЯ.

а въ 1805 г., по сообщенію А. А. Скальковскаго, уже на 179,562, а привозилось на 1,163,979 р. ¹⁾).

Дѣлая общее заключеніе объ экономическомъ ростѣ городовъ Новороссійскаго края, мы должны сказать, что важную роль въ этомъ случаѣ играли льготы, предоставляемыя правительствомъ населенію; это ясно видно на примѣрѣ Одессы; размѣры льготъ были не вездѣ одинаковы; общее представленіе о нихъ даетъ «открытый листъ» губернатора Хорвата 1795 года, обращенный къ русскимъ и иностраннымъ поселенцамъ городовъ екат. и вознес. губ.: онъ предоставляетъ десятилѣтнюю льготу отъ податей, свободное отправленіе богослуженія и денежные ссуды ²⁾); такія же льготы были предоставлены и городамъ очаковской области въ 1803 г. ³⁾. Просматривая составъ населенія торговыхъ городовъ Новороссіи, мы замѣчаемъ въ нихъ значительный процентъ иностранцевъ; эти иностранцы и составили торгово-промышленное ядро городскаго населенія, давшее первый толчокъ заграничной торговлѣ. Такъ было въ Одессѣ; тамъ мы находимъ грековъ, евреевъ, болгаръ, молдаванъ, поляковъ ⁴⁾); вскорѣ господствующее положеніе въ Одессѣ заняли греки; существовавшій здѣсь раньше для «россійскаго купечества» магистратъ замѣненъ былъ «иностраннымъ магистратомъ» и въ выборахъ нѣкоторое время участвовали одни иностранцы ⁵⁾); громадное большинство одесскаго купечества 1-й и 2-й гильдій въ 1800 г. были иностранцы; видное мѣсто они занимаютъ и среди торговцевъ 3-й гильдіи ⁶⁾); и это понятно: съ 1796 г. до 1800-й годъ было принято въ магистратъ 135 д. купцовъ россійской націи и 181 д. купцовъ, вышедшихъ изъ разныхъ заграничныхъ мѣстъ ⁷⁾. Мариуполь былъ обязанъ не только своимъ торговымъ значеніемъ, но и происхожденіемъ греческой колонизаціи, какъ это мы увидимъ при обзорѣ иностранной колонизаціи. Важную роль играли греки и въ торговлѣ внутренняго города Елисаветграда, гдѣ они составили особую общину. Таганрогская торговля, какъ мы видѣли, также была въ рукахъ гре-

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор., II, 95.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор., I, 246—247.

³⁾ Ibidem., II, 40—41: о льготахъ, предоставленныхъ жителямъ г. Одессы, см. А. Орлова. Истор. очеркъ г. Одессы. Одесса. 1885 г.

⁴⁾ А. Орловъ. Истор. очеркъ Одессы, стр. 14.

⁵⁾ Ibidem., 52.

⁶⁾ Ibidem, прил., 123—127.

⁷⁾ Ibidem, прил., 104—122.

зовъ, а она послѣ одесской занимала 1-е мѣсто. Яснымъ доказательствомъ того, что гл. обр. иностранцы создали торговлю нашихъ новороссійскихъ городовъ, можетъ служить примѣръ Ростова и Нахичевани: торговля процвѣтала въ концѣ XVIII в. въ одной только Нахичевани, обязанной своимъ происхожденіемъ предприимчивымъ, обладавшимъ промышленнымъ духомъ армянамъ.

Кромѣ двухъ названныхъ нами причинъ экономического развитія новороссійскихъ городовъ, слѣдуетъ указать еще на нѣсколько другихъ не менѣ важныхъ, таковы—существованіе въ окрестности болѣе или менѣ значительныхъ и многолюдныхъ земледѣльческихъ поселеній, удобства географическаго положенія и сравнительная безопасность выбранныхъ подъ города мѣстностей и т. п.; разъ все это не принималось во вниманіе, тогда и огромныя затраты, какъ это было съ постройкою Вознесенска, не приводили ни къ чему

Кромѣ постройки укрѣпленныхъ линій и городовъ, колонизаціонная дѣятельность русскаго государства и народа выражалась еще въ основаніи цѣлага ряда различныхъ селеній—сель, деревень, слободъ, мѣстечекъ, хуторовъ. Жители ихъ принадлежали частью въ малорусской, а частью къ великорусской народности (не считая иностранцевъ). Судя по тому, что въ настоящее время малоруссы составляютъ преобладающую группу населенія, можно предполагать, что и въ прежнее время они представляли изъ себя наиболѣе численную народность; и такое предположеніе оправдывается всѣми извѣстными намъ историческими данными. Въ малороссійской колонизаціи нужно различать три элемента, которые, впрочемъ, постоянно смѣшивались другъ съ другомъ,—запорожскихъ поселенцевъ, выходцевъ изъ заднѣпровской (правобережной) Малороссіи и переселенцевъ изъ лѣвобережной и отчасти слободской Украины. Что касается великорусскихъ колонистовъ, то они приходили, убѣгали сюда или переводились изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Великорусскія селенія были перемѣшаны съ малорусскими; иногда (и даже очень часто) въ одномъ и томъ же селеніи жили представители обѣихъ народностей; такъ было и въ казенныхъ, и во владѣльческихъ поселкахъ. Въ виду всего этого мы находимъ неудобнымъ обособлять малорусскую колонизацію отдѣльно отъ великорусской, а установимъ дѣленіе по другому (не этнографическому, а соціальному) принципу. Всѣ земли, предназначавшіяся для заселенія, дѣлились на двѣ части—казенныя или государственныя и частныя или помѣщичьи; сообразно съ этимъ и все русское населеніе Новороссійскаго края можетъ быть раздѣлено на 2 боль-

шія группы — 1) свободныхъ поселенъ, жившихъ въ государственныхъ слободахъ и деревняхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ; они принадлежали частью къ великорусской, частью къ малорусской народности; одни изъ нихъ добровольно, по собственному желанію или по вызову правительства, явились въ Новоросію, другіе были переведены сюда правительствомъ, третьи, наконецъ, убѣжали отъ своихъ господъ; 2) владѣльческихъ, помѣщичьихъ крестьянъ великорусскаго и малорусскаго происхожденія, садившихся на земляхъ частныхъ лицъ и вступавшихъ къ нимъ въ извѣстныя зависямыя отношенія.

Въ послѣднее время своего историческаго существованія Запорожье, какъ мы видѣли, переходило мало по малу къ осѣдлому земледѣльческому быту; въ предѣлахъ его возникло значительное количество селъ, деревень и хуторовъ. Эта мирная колонизаціонная дѣятельность запорожскихъ козаковъ и ихъ «пидданныхъ» продолжается и послѣ политической смерти Сѣчи и представляетъ весьма замѣтное явленіе въ общемъ ходѣ вольной народной колонизаціи б. запорожскихъ «палестинъ», несмотря на то, что правительство далеко не оказывало ей такого содѣйствія, какъ иностранцамъ и многимъ великорусскимъ поселенцамъ; немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло то обстоятельство, что къ запорожцамъ въ моментъ уничтоженія ихъ политической самостоятельности относилась подозрительно и центральная власть, и многіе мѣстные дѣятели. Послѣ уничтоженія Сѣчи вся ея войсковая и старшинская казна была конфискована и изъ нея образованъ такъ называемый городской капиталъ (б. 120,000 руб.) для выдачи ссудъ жителямъ новоросіійской губ.¹⁾: такъ и послѣ смерти своей Запорожье оставило наслѣдство, служившее для тѣхъ же цѣлей колонизаціи, которыя нѣкогда преслѣдовало и само «товариство». Еще важнѣе было другое наслѣдіе, оставленное покойнымъ Запорожьемъ—это его «обширна» и богатая «палестина», которыя опять таки, подобно денежной казнѣ, достались, какъ увидимъ далѣе, другимъ.... Очень вѣроятно, что запорожцы могли бы заселить сами значительную часть своихъ «вольностей», если бы онѣ не были отданы помѣщикамъ и иностраннымъ выходцамъ. Впрочемъ, факты живой дѣйствительности взяли свое, побороли предубѣжденіе противъ запорожской колонизаціи: и мы видимъ, что лица, хорошо знакомыя съ мѣстными условіями жизни (въ родѣ, напр., Черткова) послѣ 1775 г.

¹⁾ Скальковскаго. Хрон. обзор. I. 124.

начинаютъ покровительствовать устройству запорожскихъ поселковъ. Да и могли ли они поступать иначе, когда эта вольная народная колонизація оказывалась наиболѣе дѣйствительною и не стоила правительству почти ничего, между тѣмъ какъ иностранцамъ, напримеръ, приходилось выдавать огромныя ссуды? Если мы обратимся къ наиболѣе значительнымъ нын. екатеринославской губ., то увидимъ, что многія изъ нихъ представляли нѣкогда «старожитныя» козацкія займища, зимовники, хутора; тутъ въ землянкахъ и мазанкахъ безсмѣнно проживали женатыя козаки со своими семействами, челядью, наймитами, хлопцами и малюками. «Ловкій и аккуратный запорожецъ Горленко, говоритъ преосв. Ѳеодосій, произведенный Чертковымъ въ волководскаго комиссара Горленскаго, согласно видамъ и желаніямъ Черткова, при содѣйствіи преданныхъ ему запорожцевъ, скоро основывалъ на козацкихъ зимовникахъ слободы и заселялъ ихъ народомъ семейнымъ и осѣдлымъ... Незабвенный въ лѣтописяхъ Запорожья, доселѣ живущій въ памяти народной подъ именемъ *дикаю пона* лейбъ—кампанія священникъ о. Кирилль Тарловскій—другъ и благодѣтель человѣчества, ближайшее и самое довѣренное лицо Черткова, при содѣйствіи іеромонаховъ Самарскаго мон., оживлялъ и заселялъ степи орельскія и терновскія; въ короткое время онъ основалъ 24 слободы и устроилъ въ нихъ 12 церквей съ шпитальными и школами при нихъ¹⁾. Вообще, малороссійскія слободы въ большинствѣ случаевъ были обязаны своимъ происхожденіемъ энергіи и колонизаторской дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, такъ называемыхъ осадчихъ. Вотъ какъ, напр., основалась госуд. слобода Вязовокъ. Въ 1775 г. азовскій губернаторъ Чертковъ пожелалъ основать сл. Вязовокъ; межевая экспедиція отвела землю, а «вахмистръ Вас. Мураевъ самъ вызвался быть осадчимъ сл. Вязовка, населителемъ, колонизаторомъ и организаторомъ ея. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ, получивъ отъ лейбъ—кампанія священника о. Кирилла Тарловскаго благословеніе и денежную помощь, осадчій Мураевъ поручилъ Мих. Вѣлостоцкому, въ указанныхъ и намѣченныхъ мѣстахъ, строить въ слободѣ землянки и хаты—мазанки, а самъ отправился во всѣ стороны въ мѣста дозволенныхъ *стачивать* народъ семейный, приглашать его на осѣдлую жизнь въ новую государственную слободу Вязовокъ. Богатыя, роскошныя и плодородныя степи самарскія вполне отвѣчали стремленію народному, и весною 1776 г. явилось въ сл. Вязовокъ значительное количество на-

¹⁾ Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., I, 8—9.

сельниковъ—людей семейныхъ и осѣдлыхъ, изъ народа вольнаго и свободнаго; осадчій Мураевъ назначенъ уже былъ смотрителемъ сл. Вязовка, а житель Вязовка Радченко былъ атаманомъ общества¹⁾. Наибольше выдающагося личностю въ этомъ дѣлѣ является запорожскій полк. Афанасій Феодоровичъ Колпакъ²⁾; его «хлопецъ и малецъ» Сергѣй Лоть въ зимовникѣ его осадилъ 50 дворовъ козаковъ и основанную такимъ образомъ слободу назвалъ въ честь своего «татуса» Колпаковою³⁾. Любопытный примѣръ обращенія запорожскаго селища въ слободу представляетъ Гродовка (въ бахм. у. екат. губ.). «Въ обширѣйшихъ, роскошныхъ и богатыхъ стенахъ между Торцомъ и Солоненькою, говоритъ пр. Феодосій, часто проживали запорожцы и *връли животы свои...* По уничтоженіи въ 1775 г. послѣдней Сѣчи запорожской, жившіе въ балкѣ Холодной запорожцы, согласно видамъ и желанію азовскаго губ. Черткова, со всѣхъ сторонъ начали стягивать къ себѣ на жительство семейный и осѣдлый народъ малороссійской націи. Въ 1788 г. въ государственной слободѣ Гродовкѣ постоянныхъ жителей поселенъ малороссійской націи было обоего пола свыше 800 д.⁴⁾ А. Пишчевичъ (который вообще относится къ запорожцамъ очень враждебно), передаетъ, что изъ запорожскихъ хуторовъ возникли м. Глискъ, Крыловъ, Табурище, Крюковъ, и только сожалѣеть при этомъ, что по именамъ «этихъ разбойниковъ» были названы многія населенныя мѣстности⁵⁾.

Въ основанія бывшими запорожцами селенія приходило много народа изъ Гетманщины; это были по большей части родственники и свойственники бывшихъ запорожцевъ; для холостыхъ поселенцевъ въ г. Алешкахъ отыскивались жены въ Малороссіи⁶⁾. Иногда выходцы изъ Гетманщины основывали самостоятельныя селенія въ предѣлахъ бывшаго Запорожья; таково, напр., происхожденіе сл. Пологовъ, основанной выходцами изъ переяславскаго уѣзда полт. губ.⁷⁾ Объ успѣшности этой колонизаціи можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Въ 1810 г. поселенинъ с. Петровки (александрійскаго у.) Павелъ Треска вы-

¹⁾ Пр. Феодосія. Матеріалы... I, 496.

²⁾ См. о немъ замѣтку Мурашевскаго въ Зап. Од. Общ., XII, 462—464.

³⁾ Пр. Феодосія. Матеріалы..., I, 358.

⁴⁾ Пр. Феодосія. Матеріалы..., II, 50—51; точно также были основаны Шолохова, Чаплинка и др.

⁵⁾ Примѣч. А. С. Пишчевича на Новорос. край („Кіев. Стар.“ 1884, янв., 118).

⁶⁾ Зап. Од. Общ. X, 239.

⁷⁾ Пр. Феодосія. Матеріалы..., II, 295.

звалъ изъ Малороссіи 119 душъ переселенцевъ и ему отведено было въ херсонскомъ уѣздѣ 23,000 дес. земли; въ качествѣ осадчаго онъ продолжалъ дѣйствовать такъ удачно, что въ 1814 г. въ этомъ Новопавловскомъ селѣ числилось уже 1448 д. обоого пола и «множество земледѣльческихъ обзаведеній»¹⁾. О размѣрахъ колонизаціоннаго движенія изъ лѣвобережной Украины (собственно Черниговщины) свидѣтельствуесть слѣдующій фактъ: въ одномъ херсонскомъ уѣздѣ выходцами изъ Черниговщины было основано частію или цѣлкомъ 32 селенія²⁾. Одни изъ этихъ переселенцевъ (б. козаки) пользовались правомъ вольнаго перехода и потому на законномъ основаніи переселялись въ Новороссію; другіе же (б. посполитые) лишились этого права въ 1783 г. и потому должны были убѣгать отъ своихъ владѣльцевъ, тоже самое нужно сказать и о слободской Украинѣ; здѣсь они надѣялись получить свободу и само правительство, какъ увидимъ далѣе, не пренебрегало бѣглецами. Правитель сенатер. намѣстничества Сивельниковъ предлагалъ даже купить у харьковскихъ и воронежскихъ помѣщиковъ подданныхъ черкасъ (малороссіянъ) и поселить ихъ въ Новороссію; купить ихъ можно было бы, по его словамъ, недорого (по 40 или 50 р.), а поселеніе ихъ на новыхъ мѣстахъ не стоило бы почти ничего, потому что они охотно обратались бы изъ подданныхъ въ казенныхъ крестьянъ³⁾; другими словами, онъ проектировалъ для нихъ на новомъ мѣстѣ свободу отъ крѣпостной зависимости.

Громадное число переселенцевъ — малороссіянъ доставила также и заднѣпровская Украина, бывшая тогда подъ властью Польши; нѣкоторая часть ихъ селилась въ запорожскихъ деревняхъ, другая въ малороссійскихъ, третья — въ помѣщичьихъ и т. д. Въ недавно изданныхъ матеріалахъ для исторіи Запорожья А. А. Андріевского мы находимъ цѣлую серію документовъ, служащихъ къ разъясненію этого дѣла. Нын. елисаветградскій уѣздъ херс. губ. съ ранниго времени сталъ заселяться выходцами изъ Польши, отчасти Гетманщины и Запорожья. На самой границѣ съ Польшей, при впаденіи р. Тарговицы въ Сянюху, былъ основанъ Архангельскій городокъ (нын. Новоархангельскъ), населеніе котораго возрастало главнымъ образомъ отъ прилива малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши. Кіевскому полковнику Танскому

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. Обзор. II, 240.

²⁾ Нѣсколько выводовъ изъ стат. трудовъ по черн. и херс. губ. Изд. херс. губ. зем. упр. стр. 15.

³⁾ Зап. Од. Общ., IX, 279.

велѣно было возобновить и заселить села, лежавшія по русской сторонѣ Синюхи и разрушенныя татарамъ во время турецкой войны; въ Цыбулевѣ назначенъ былъ атаманомъ и осадчимъ козакъ миргородскаго полка Леонтиій Сагайдачный, а въ Архангельскѣ — тамошній пастычникъ Степанъ Таранъ; 1-й удачно повелъ свое дѣло и поселилъ у себя болѣе 300 дворовъ (выходцевъ изъ Польши); 2-й же жилъ въ лѣсу и никакихъ стараній къ исполненію возложеннаго на него порученія не прилагалъ и потому былъ замѣненъ козакомъ миргородскаго полка Давидомъ Миргородскимъ. Новый городъ, благодаря своему окраинному положенію, испытывалъ (въ особенности на первыхъ порахъ) большія опасности; ближайшее селеніе Цыбулевъ находилось отъ него на разстояніи 70 верстъ; поляки сдѣлали нападеніе на этотъ городокъ и взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ жителей; осадчій Звенигородскій былъ схваченъ на польской территоріи и казненъ; такое же нападеніе было сдѣлано и на с. Давидовку. Для огражденія новыхъ поселенцевъ правительство распорядилось устроить здѣсь укрѣпленія и поставить караулы; это дѣло поручено было миргородскому полковнику Калнисту; въ 1744 г. въ этой мѣстности было уже поселено 13 слободъ и въ нихъ 357 коз. и 563 посполитскихъ двора; здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, важнымъ двигателемъ колонизаціи были льготы, предоставляемыя новымъ поселенцамъ ¹⁾. Подъ защитой укрѣпленій и карауловъ дѣло заселенія этого пограничья пошло очень успѣшно: въ 1752 г. тамъ жило б. 4,000 дворовъ малороссіянъ (старинныхъ поселенцевъ и выходцевъ изъ Малороссіи, слободскихъ полковъ, Запорожья и Польши ²⁾).

Таково было начало переселенческаго движенія изъ Заднѣпровья. Въ царствованіе имп. Екатерины II-й оно продолжалось попрежнему. Лпца, стоявшіи во главѣ колонизаціи (Каховскій, Синельниковъ), очень цѣнили этихъ заднѣпровскихъ выходцевъ и даже посылали тайно своихъ комиссаровъ для вербовки населенія въ Новороссію. «Изъ Польши, писалъ Каховскій, собирается поселянъ къ намъ много. Я послалъ отсюда внушить имъ, чтобъ выбирались не торопясь и забирали бы съ собою не только все свое имущество, но и дома. Если Всевышній поможетъ, то уповаю, что въ донесеніяхъ моихъ о выходахъ будутъ цифры не десятичныя, но тысячныя. Да поможетъ только Богъ добратся въ ту сторону». Въ другомъ письмѣ тотъ же Кахов-

¹⁾ А. А. Андриѣвскаго. Мат. для ист. южнорус. края. Од. 1886 г. стр. 50—77.

²⁾ Матеріалы для оцѣнки земель херс. губ., т. II, стр. 126—129.

скій говорить: «Посылаемые мною въ Польшу (т. е. кiev. и под. губ.) для вызова поселанъ доносятъ да и ушедшіе изъ подъ стражи польскіе поселане утверждаютъ, что генеральные комиссары и губернаторы (приказчики) въ имѣніяхъ владѣльцевъ, а присовокупясь къ нимъ, и арендаторы имѣній строго принялись пресѣчь выходъ желающихъ прійти къ намъ на поселеніе. Они перехватываютъ идущихъ и, ограбивъ ихъ имущества, что ограбить можно, возвращаютъ семейства на прежнія ихъ жилища, хозяевъ же сажаютъ въ тюрьмы и поступаютъ съ ними сурово. Дерзость сія... опечаливаетъ меня крайнѣйше и чувствительнѣйше, ноелнву препятствуетъ къ скорому исполненію... заселить сей прекрасный и полезный край». Для избѣжанія этихъ препятствій Каховскій совѣтовалъ устроить подвижной кордонъ¹⁾. Въ Новороссійскомъ краѣ чувствовался сильный недостатокъ въ женскомъ населеніи; поэтому сюда вербовали и дѣвицъ; одному еврею вербовщику платилось по 5 р. за всякую дѣвицу; офицеровъ награждали чинами (кто наберетъ на свой счетъ 80 душъ, тому давали чинъ поручика²⁾; для удобства устраивали слободы у самой границы, чтобы легче было переводить сюда жителей Заднѣпровья³⁾. Правитель екатер. нам. Синельниковъ самъ говоритъ, что онъ возбудилъ въ малороссійскомъ населеніи польскихъ губерній стремленіе къ переселенію въ Новороссійскій край⁴⁾.

Что касается великорусскихъ колонистовъ, то это были казенные и экономическіе крестьяне, однодворцы, козакн, отставные солдаты, матросы, дьячки и раскольники. Изъ ярославской, костром., владим. губ. вызывались казенные крестьяне, знающіе какое либо мастерство; такъ было въ 1795 г., когда Зубовъ принималъ вселескія мѣры для заселенія созданной имъ вознесенской губерніи⁵⁾; въ началѣ XIX ст. государственныя слободы были уже довольно многочисленны и очень многолюдны. Въ 1814 г. въ мелитопольской провинціи таврич. губ. было, по вычисленію проф. Дюгурева, 13 госуд. деревень съ 21,147 д. муж. пола, т. е. въ среднемъ приходилось по 1,626 д. муж. п. на каждую⁶⁾. Значительная часть госуд. слободъ была на-

1) Зап. Од. Общ. XII, 349, 358—359.

2) Зап. Од. Общ., IX, 272.

3) Ibidem, 273—274.

4) Зап. Од. Общ., IX, 265.

5) Зап. Од. Общ. II, 775.

6) De la civilisation des tatars—nogais dans le midi de la Russie européenne. 1816. p. 120.

селена такъ называемыми однодворцами, извѣстными съ давняго времени въ украинскихъ великорусскихъ губерніяхъ и составлявшими тамъ особый разрядъ служилыхъ людей; таково, напр., происхожденіе сл. Богдановки и Терновки въ екат. губ. ¹⁾). Отставнымъ матросамъ и солдатамъ Каховскій предполагалъ отвести земли по обомъ берегамъ р. Буга до самаго Николаева ²⁾). Запѣтныхъ дьячковъ Потемкинъ проектировалъ селить въ Новороссіи, потому что они, по его мнѣнію, могли быть въ одно и то же время и земледѣльцами, и военными ландмилиціонерами ³⁾). По указу 1781 г. велѣно было въ Новороссію переселить до 20,000 экономическихъ крестьянъ и выбрать изъ среды ихъ до 24,000 добровольныхъ переселенцевъ ⁴⁾). Но едва ли не первое мѣсто между великорусскими переселенцами занимали раскольники. Они начали селиться въ Новороссіи еще въ царствованіе Анны Іоанновны (и даже раньше) въ херсон. губ. возлѣ нын. Аваньева и Новомиргорода; здѣсь ими были основаны Цыбулевъ и Башка (нын. Александрія); но число ихъ было не велико. Гораздо больше явилось ихъ въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в., когда само правительство манифестами вызывало ихъ изъ Польши и Молдавіи; имъ отведены были земли въ крѣпости св. Елисаветы (нын. Елисаветградъ) и ея окрестностяхъ, гдѣ они основали цѣлый рядъ селъ (Клиницы и др.); селенія ихъ были многочисленны и отличались зажиточностью; Потемкинъ также старался о переселеніи раскольниковъ въ Новороссію. Въ 1785 и 1786 г. явилась весьма значительная партія ихъ и поселилась въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврич. губ. на р. Бѣлозеркѣ. Знаменскимъ раскольникамъ, предполагавшимъ переселиться на р. Бѣлозерку, рѣшено было давать по 50 р. на дворъ, состоявшій изъ 4-хъ человекъ, и пятилѣтнюю льготу отъ податей ⁵⁾). Въ указѣ императрицы о раскольникахъ сказано слѣдующее: «для поселенія старообрядцевъ назначить мѣста, лежащія между Днѣпромъ и Перекопомъ, съ тѣмъ что они будутъ получать поповъ своихъ отъ архіерея таврич. обл. опредѣленнаго, дозволяя всѣмъ имъ отправлять служеніе по старопечатнымъ книгамъ. А дабы разсѣянныхъ внѣ границы имперіи нашей старообрядцевъ вызвать въ Россію, можете публиковать сіи свободы, имъ дозволенныя»; лицамъ, вызывавшимъ раскольниковъ

¹⁾ Пр. Феодосія. Матеріалы... I, 486.

²⁾ Зап. Од. Общ. XII, 349—350.

³⁾ Зап. Од. Общ. VIII, 212.

⁴⁾ Владимірова. 1-е стол. г. Екатеринослава, стр. 9.

⁵⁾ Зап. Од. Общ., IX, 270.

выдавалось известное вознаграждение¹⁾. И этот указ не остался без результатов: въ 1795 г. изъ Порты Оттоманской вышло и поселилось въ очаковской области 6,524 д. старообрядцевъ²⁾. Кроме старообрядцевъ, мы находимъ въ Новороссіи еще и духоборцевъ; они были поселены по р. Молочной на основаніи манифеста имп. Александра I 1802 г.;³⁾ имъ было отведено въ полную собственность значительное количество земли, а кроме того за ничтожную плату предоставлены въ аренду участки ногайскихъ земель и дана пятилѣтняя льгота отъ податей; не удивительно, что духоборческія селенія отличались зажиточностью; у нихъ существовала общественная обработка земли съ равнымъ раздѣломъ продуктовъ. Въ 1814 г. духоборческіхъ селеній въ мелитопольскомъ уѣздѣ тавр. губ. было 8 съ 1,155 д. муж. п.⁴⁾, т. е. въ среднемъ по 144 д. м. п. на каждое; слѣдовательно, они не были особенно многолюдны. Духоборцы на р. Молочной нашли себѣ тихое пристанище послѣ тѣхъ испытаній, которыя имъ пришлось вытерпѣть раньше; одни изъ нихъ побывали на работахъ въ ссылкѣ въ кр. Динабургъ, а другіе въ Екатеринбургъ и были возвращены оттуда только въ 1801 г. по милостивому указу имп. Александра I⁵⁾. Въ двадцатыхъ годахъ XIX ст. переселились въ Новороссію молокане (изъ тамб. и астрах. губ.) и основали здѣсь нѣсколько селеній, которыя также отличались зажиточностью, благодаря гл. обр. единодушію, господствовавшему между населеніемъ. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго стол. всѣхъ раскольниковъ въ Новороссійскомъ краѣ было около 36,000 обоюго пола⁶⁾.

Особую и чрезвычайно многочисленную группу среди колонистовъ составляли бѣглецы, принадлежавшіе и къ великорусской, и къ малорус-

¹⁾ Зап. Од. Общ., XI, 284; грамота, предоставлявшая старообрядцамъ свободу исповѣданія при поселеніи въ Новороссію, напечатана въ „Хрон. Обзор.“ А. А. Скальковскаго, I, 280—281.

²⁾ Зап. Од. Общ., IX, 288; ссылка на Русскій Архивъ 1869 г.; стр. 1611.

³⁾ Новорос. губ. Мизлашевскому велѣно было переселить слободско-укр. и новорос. духоборцевъ въ одно мѣсто—на р. Молочную и дать имъ по 15 дес. земли на всякую душу, 5-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей и заимообразно по 100 р. подѣльныхъ на семью, съ обязательствомъ уплатить ихъ черезъ 30 лѣтъ, начавъ уплату черезъ 10; см. П. С. Зак., т. XXVII, № 20123 (указъ отъ 25 янв. 1802 г.).

⁴⁾ De la civilisation des tatars—pogais, p. 120.

⁵⁾ Въ архивномъ дѣлѣ „О вышущенныхъ по всемілостивѣйшему повелѣнію духоборцахъ на прежнія жилища 1801 г.“ замечаются любопытныя подробности о возвращеніи духоборцевъ изъ ссылки; онѣ могутъ послужить предметомъ особой статьи.

⁶⁾ См. А. А. Скальковскаго „Русскіе диссиденты въ Новороссію.“ („Кіев. Стар.“ 1887, апр., 771—782); его же. Опыт... I. 212—215.

ской народности. Бѣглыхъ принимали не одни помѣщики: они находили себѣ пріютъ и въ казенныхъ селеніяхъ. Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, правительство, можно сказать, санкционировало здѣсь право убѣжища (droit d'asile). Объ этомъ свидѣлствуетъ, напр., секретное письмо гр. Зубова къ екатеринославскому намѣстнику Хорвату, въ немъ, между прочимъ, говорится, что къ бѣглымъ нужно имѣть снисхожденіе по'человѣчеству, «дабы строгостью законами повелѣваемой не доводить ихъ до отчаянія»... и чтобы, стараясь истребить побѣги, не подать нѣкоторымъ образомъ къ тому повода, что если окажутся бродяги, то стараться ихъ приписывать къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, смотря по ихъ состоянію, чтобы они могли такимъ путемъ снискивать себѣ пропитаніе, но дѣлать это нужно было скромнымъ образомъ, подъ рукою и безъ всякой огласки. Результатомъ этого было то, что въ число горожанъ попадали нерѣдко разные подозрительныя лица, объявлявшія за собою значительныя капиталы, а на самомъ дѣлѣ не могшія даже обзавестись домомъ и хозяйствомъ. Такъ было въ Екатеринославѣ. Магистратъ г. Екатеринослава, исполняя указы высшаго начальства о приискѣ такихъ лицъ въ купечество, долженъ былъ выдавать имъ паспорта, съ которыми они уже свободно бродили съ одного мѣста на другое, впадая иногда въ преступленіе и нанося ущербъ кореннымъ жителямъ, потому что подати за нихъ взыскиваются съ наличныхъ гражданъ¹⁾. Въ числѣ одесскихъ обывателей также оказалось не мало бѣглыхъ, которыхъ разыскивали помѣщики²⁾.

Но дѣло не ограничивалось одними бѣглыми: мѣстное начальство не брезгало даже и преступниками: въ 1792 г. велѣно было переселить въ очаковскую область жителей с. Турбаевъ (полт. губ.), убившихъ своего помѣщика Вазидевскаго³⁾. Въ Таганрогъ на поселеніе присылались арестанты изъ московск., казанск., ворон. и нижег. губ.⁴⁾.

Заканчивая обзоръ колонизаціи, которую, подъ наблюденіемъ правительства, вели лично свободные русскіе поселенцы, мы должны сказать, что не всегда поселенія, основываемыя такими лицами, получали въ необходимыхъ размѣрахъ помощь отъ мѣстной админи-

¹⁾ Владимірова. 1-е стол. Екатеринослава, стр. 207—210.

²⁾ Орлова. Истор. очеркъ Одессы, стр. 15—16; о бѣглыхъ въ Черноморіи см. ст. г. Щербина въ „Кіевск. Стар.“ 1888 г., июль, стр. 233—248.

³⁾ Зап. Од. Общ. II, 770; любопытное дѣло объ этомъ убійствѣ хранится въ архивѣ полт. губ. правл.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., VII, 301.

страціи. Всѣ преимущества въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ далѣе, были на сторонѣ иностранныхъ колоній. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что русскіе поселяне (въ особенности мѣстные), какъ болѣе знакомые съ мѣстной культурою, менѣе нуждались въ субсидіи отъ казны. Но такое разсужденіе было справедливо только на половину: на самомъ дѣлѣ и русскіе поселенцы, на первыхъ порахъ, нуждались въ разныхъ льготахъ и субсидіяхъ; не получая ихъ, они долго не могли стать на собственные ноги и достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Объ этомъ свидѣлствуетъ намъ очевидецъ, профессоръ харьк. университета Дюгуровъ. По его словамъ, деревни, основанныя по соседству съ ногайцами, возлѣ р. Молочной, пришедшими изъ Малороссіи обывателями, находились въ жалкомъ положеніи; главные причины ихъ бѣдственнаго состоянія заключались въ томъ, что они прибыли почти безъ всякихъ средствъ на новыя мѣста, гдѣ имъ нужно было всѣмъ обзаводиться и въ то же время уплачивать значительныя подати, а между тѣмъ земли у нихъ было мало ¹⁾.

Это наблюденіе привело Дюгурова къ одному чрезвычайно важному и характерному выводу: онъ высказываетъ желаніе, чтобы русскія колоніи въ Новороссійскомъ краѣ пользовались такимъ же покровительствомъ, какъ и иностранныя. Русскіе колонисты, говоритъ онъ, правда, не приходятъ, подобно иностранцамъ, искать новаго отечества и подвергаться нелегкимъ узаконеніямъ; но пересаженыя съ сѣвера на югъ или съ одной провинціи въ другую (потому что имъ нельзя было уже оставаться въ прежнихъ мѣстахъ), они, конечно, имѣли надобность въ экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ извѣстными льготами. Но почему бы ихъ не снабдить въ видѣ аванса земледѣльческими орудіями, скотомъ и деньгами на постройку избъ? Они

---

¹⁾ De la civilisation des tatars-nogais, p. 95—96; книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюденіямъ надъ внутреннимъ бытомъ ногайцевъ; авторъ ея былъ командированъ на югъ въ качествѣ ревизора мѣстныхъ учебныхъ заведеній и, заинтересовавшись ногайцами, составилъ краткій очеркъ ихъ цивилизаціи, т. е. гражданскаго состоянія въ связи съ мѣропріятіями русскаго правительства; въ концѣ книги онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ соседямъ ногайцевъ—молочанамъ, духоборцамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ, малороссіянамъ. Въ харьк. унив. Дюгуровъ читалъ всеобщ. исторію (см. Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности харьк. унив. въ 1-е десятилѣтіе его существованія, отгисскъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., стр. 22).

бы все это навѣрное выплатили съ неменьшею аккуратностью, чѣмъ итальянцы, нѣмцы и евреи. Почему бы ихъ не поставить подъ власть бюро иностранныхъ колоній? Освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ власти капитанъ-исправниковъ и отъ извѣстныхъ налоговъ (которыхъ было бы долго перечислять) было бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ. Въ это время поселенцы могли бы поправить свои дѣла, затѣмъ уплачивать правительству умѣренные налоги и погашать понемногу ежегодно ту маленькую ссуду, которую имъ выдали. Я не хочу сказать, чтобы управленіе колоній (и иностранныхъ) было совершенное... но я убѣжденъ, что наши русскія колоніи чувствовали бы себя очень хорошо, если бы онѣ были поставлены въ зависимость отъ бюро иностранныхъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ исключительные законы создаютъ злоупотребленія, а въ Россіи они, по большей части, являются гарантіей противъ нихъ¹⁾. Трудно чтонибудь прибавить къ этимъ прекраснымъ строкамъ иностранца (французскаго выходца), такъ хорошо понявшаго нашу колониальную систему. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ только, что такъ иногда и поступало правительство съ русскими подданными (напримѣръ съ раскольниками); къ сожалѣнію, это только бывало иногда, а не всегда; обыкновенный же порядокъ былъ иной.

Теперь обратимся къ владѣльческой, помѣщичьей колонизаціи, матеріаломъ для которой служили крѣпостные, подданные, бѣглецы и т. п. Единственными обладателями обширныхъ пространствъ Новороссійскаго края были нѣкогда запорожцы. Но еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, какъ извѣстно, значительная часть земель ихъ была отдана подъ поселеніе сербамъ, волохамъ и другимъ выходцамъ. Тщетно запорожцы жаловались, просили, протестовали, ссылались на свои права: ихъ вѣковое достоиніе постепенно уплывало изъ ихъ рукъ. Немедленно послѣ разрушенія Сѣчи (въ 1775 г.) ихъ земли стали раздаваться частнымъ лицамъ, принимавшимъ на себя обязательство заселить ихъ вольными или крѣпостными людьми. Земли эти могли получать чиновники, штабъ и оберъ офицеры и иностранцы; исключались только однодворцы, крестьяне и помѣщичьи люди. Такимъ образомъ, искусственно создавалось крупное землевладѣніе въ томъ краѣ, который до сихъ поръ почти не имѣлъ помѣщичьяго и крѣпостнаго элемента; минимальнымъ участкомъ было 1,500 десятинъ удобной земли. Не считалось необхо-

¹⁾ De la civilization. p. 96—98.

димымъ, чтобы лицо, берущее землю, находилось на службѣ въ Новороссійскомъ краѣ; предполагалось, вѣроятно, что оно можетъ быть хорошимъ колонизаторомъ, оставаясь въ Великороссіи или Малороссіи. Условія полученія земель были очень льготныя: на 10 лѣтъ давалась льгота отъ всѣхъ повинностей; въ теченіе этого времени владѣльцы должны были заселить свои участки въ такомъ разчетѣ, чтобы на каждыя 1,500 дес. приходилось по 13 дворовъ (цифра, какъ мы видимъ, небольшая); величина участковъ колебалась отъ 1,500 до 12,000 дес.; впрочемъ, были и такія лица (въ родѣ генер.-прок. Вяземскаго, Прозоровскаго), которыя получили по нѣсколько десятковъ тысячъ десятин¹⁾. Съ 1774 г. по 1784 годъ (въ теченіе 10 лѣтъ) новороссійскою и азовскою губенск. канцеляріями было роздано помѣщикамъ и подъ казенныя селенія 4,470,302^{1/2} дес. удобной и неудобной земли, на которыхъ поселилось 53,511 д. мужск. и 44,098 д. женск. пола, т. е. въ среднемъ на каждую мужск. душу приходилось болѣе чѣмъ по 83 дес.²⁾ Мною напечатанъ найденный г. Манжурою любопытный документъ³⁾, содержащій въ себѣ перечень всѣхъ лицъ, получившихъ поземельныя участки въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ въ 1776 г.; изъ него оказывается, что 94 лицамъ было дано здѣсь около 400,000 дес. удобной и неудобной земли, т. е. въ среднемъ 4,000 дес. на душу; даже регистраторъ Башнатовъ и архива-

¹⁾ См. объ этомъ любопытную инструкцію и цѣнное предисловіе къ ней въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г., августъ, стр. 322—330; А. С. Пшчевичъ, сынъ извѣстнаго сербскаго выходца Сим. Ст. Пшчевича, относится весьма сочувственно къ этой раздачѣ запорожскихъ земель крупнымъ владѣльцамъ, потому что этимъ „сдѣлалась пространная область полезною государству“; иначе, конечно, и не могъ взглянуть на это дѣло сербскій поселенецъ Новороссіи, такъ какъ сербы находились въ постоянной смертельной враждѣ съ запорожцами изъ за земель; но онъ самъ приводитъ такіе факты, которые противорѣчатъ его взгляду. „Слѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, говоритъ онъ, подарена бывшему тогда генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому при 200,000 дес. земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 дес. земли заселены 3,000 душъ и наслѣдниками князя Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ ассессоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ по откупу соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ, Штиглицъ сдѣлался первымъ въ семъ краѣ помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ имѣла Слѣчь будетъ со временемъ принадлежать жиду!“; см. „Примѣчанія Александра Пшчевича на Новороссійскій край“ („Кіевская Старина“, 1884 г., январь, стр. 121).

²⁾ Записки Ох. Общ., П, 763—764.

³⁾ Кіевск. „Старина“, 1885, г. апрѣль, стр. 783—790

ріусь Бурманъ получили по 1,500 дес. удобной земли; извѣстный Фалѣевъ получилъ подѣ фабрику 12,000 дес. Земли эти, по истеченіи 10 лѣтъ, могли обратиться въ собственность этихъ лицъ. Конечно, при такихъ условіяхъ Новороссія должна была оказаться какимъ то Эльдorado, золотымъ дномъ для всѣхъ этихъ секундъ-майоровъ, регистраторовъ, архиваріусовъ и т. п. Ничѣмъ не рискуя, можно было увѣрять за собою участки прекрасной земли, лишь бы только тамъ поселилось 13 дворовъ; всѣ заботы, слѣдовательно, должны были быть направлены на водвореніе поселенцевъ; но и это дѣло не представляло особыхъ трудностей; не нужно было придумывать ничего новаго; слѣдовало только пустить въ ходъ старинное извѣданное средство—закликанье на слободы—и дѣло сдѣлано! На первыхъ порахъ необходимо было предоставить самыя большія льготы новымъ поселенцамъ, но за то въ недалекомъ будущемъ улыбалась возможность владѣть не только землею, но и людьми ¹⁾.

Очевидно, Потемкинъ и другіе дѣятели не только не могли отрѣшиться отъ крѣпостническихъ взглядовъ, но даже приносили ихъ въ новый край и насаждали въ немъ сѣмена крѣпостнаго права, которыя потомъ и принесли свой плодъ. Они построили свой планъ колонизаціи на томъ же принципѣ, который былъ господствующимъ и въ жизни центральныхъ областей государства. Этотъ принципъ (крѣпостнаго труда) при Екатеринѣ II-й былъ формально водворенъ въ соціальной жизни малороссійскаго края; Потемкинъ и др. дѣятели распространили его и на Новороссію и первымъ шагомъ ихъ въ этомъ дѣлѣ было уничтоженіе Запорожья, которое, по своему строю, находилось съ нимъ въ непримиримомъ противорѣчій. Дальнѣйшимъ шагомъ была раздача крупныхъ земельныхъ участковъ, которая создала въ новомъ краѣ сначала землевладѣльческое дворянство, а потомъ и крѣпостное состояніе. Насколько прочно утвердились подобные взгляды

¹⁾ Вотъ характерный народный рассказъ о такихъ слободахъ, записанный г. Манжуруо: якъ увели „положеніе“ Синегубъ и поселився у Заплавци (слоб. новомосковскаго уѣзда) и почавъ до себе хрестьянъ накликати. Тоди саме пришла така казенщина и городъ (Екатеринославъ) строили, выгонили и шляхи копаты заставляли, то було винъ и мане: идить до мене, поможете мени що по хазайству управити, а я васъ на казенщину не дамъ. Отто и йшли люде Годъ шість росказуютъ и добре було. Привезе було чоловікъ ёму винъ очерету, та дровъ воза три, а въ литку съ хлѣбомъ поможе управитись—та и уся работа. А то уже якъ вышло шість годъ—винъ ихъ и подпысавъ пидъ себе на винъ; та такъ дило и заперхло ажъ до воли (Екатерин. юбил. листокъ, 1887 г., № 2 „Картинка введенія екат. порядковъ въ зап. краѣ“).

въ умахъ тогдашнихъ дѣятелей, видно изъ того, что эту систему стали примѣнять и при заселеніи вновь пріобрѣтенной отъ Турціи очаковской области. Сохранилась любопытная вѣдомость земель этой области, которыя предложено было отвести подъ поселенія городовъ, казенныхъ селеній и помѣщичьихъ деревень: изъ этой вѣдомости оказывается, что и тутъ лица привилегированнаго состоянія получали не менѣе казъ по 1,500 дес. удобной земли. Во всѣхъ четырехъ уѣздахъ было отведено 2,167,800 дес. удобной земли, а именно подъ новые города (Новые Дубоссары, Григориополь, Хаджибей) съ 15 казенными селеніями 113,500 дес., подъ существующія нынѣ 38 казенныхъ селеній 342,500 д., оставлено подъ новыя имѣющія основаться казенныя сед. 89,000 д., роздано помѣщикамъ 624,600 д., назначено имъ же 414,000 д., оставлено для нихъ же 584,200 д.; итого казеннымъ поселенцамъ и горожанамъ было дано 545,000 д., а помѣщикамъ 1,634,800 д., т. е. первымъ втрое меньше, чѣмъ вторымъ ¹⁾. По даннымъ генер. межеванія оказывается, что частнымъ владѣльцамъ (чиновникамъ военнаго или гражданскаго вѣдомства) въ александрійскомъ уѣздѣ херс. губ. (359 ч.) было отведено больше земель, чѣмъ казеннымъ обывателямъ и горожанамъ; на долю каждаго изъ нихъ приходилось въ среднемъ по 1.000 д.; между тѣмъ жителей у нихъ было гораздо меньше, чѣмъ на казенныхъ ²⁾. Лучшія дачи Каховскій долженъ былъ раздавать сильнымъ міра сего, которые могли имѣть вліяніе на его служебную карьеру. «Сколь скоро землемѣры, писалъ онъ извѣстному Попову, снимающіе здѣшной области карту, соберутся въ Дубоссары, то выберу и назначу я, по предписанію В. П. лучшую дачу для е. с. гр. Н. И. (Салтыкова, президента военной коллегіи) и въ заселенію ея потщусь оказать всѣ зависящія отъ меня пособія»; «самыя лучшія дачи, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, берутъ гг. Мордвиновъ и Рибасъ да самовольно завладѣлъ оберъ-комендантъ херс., очак. кинб. и никол. гр. Виттъ (такъ онъ подписывается на подорожныхъ); я всѣмъ подлаживаю; послѣдній однако чудно творить ³⁾. Конечно, это обстоятельство (подлаживаніе) иногда могло вредить усиленному заселенію края; такъ, Каховскій считалъ необходимымъ занять всю новую западную границу (днѣпровское побережье), исключительно казенными селеніями; «изъ сихъ поселянъ, писалъ онъ

¹⁾ Зап. Од. Общ., IX, 319—331.

²⁾ Матер. для оцѣнки земель херс. губ., т. III, стр. 123—125.

³⁾ Зап. Од. Общ., XII, 360—361.
колон. новорос. края.

Попову, можно будетъ устроить военную цѣпь въ свое время и при селеніяхъ построить небольшіе редуты... Буде же сіи селенія поступать въ отдачу помѣщикамъ, то всѣ они разбредутся». И что же? Онъ не осмѣливается привести въ исполненіе этого полезнаго предпріятія, потому что гр. А. А. Безбородко далъ записку объ отводѣ ему земель, служившихъ мѣстожительствомъ черноморцевъ (до перехода ихъ на Кубань); и вотъ, онъ проситъ Попова уладить это деликатное дѣло, объщаетъ отвести Безбородку дачи, которыя мало въ чемъ уступаютъ прежнимъ и будутъ имѣть даже преимущество въ одномъ отношеніи передъ ними: не занимая пограничнаго положенія, онѣ будутъ безопасны отъ непріятеля и въ нихъ легче будетъ удерживать населеніе отъ побѣговъ¹⁾. Раздача лучшихъ земель, и при томъ громадными участками, должна была невыгодно отражаться на вольной народной колонизаціи. Стародубскіе раскольники, вызванные кн. Потемкинымъ, въ количествѣ 60 сем. заняли себѣ мѣсто ниже Большой Знаменки; кое какъ перезимовавъ и испытавъ массу трудностей, они стали уже распахивать свои земли, но должны были уйти отсюда, потому что земля эта была отведена кн. Вяземскому. На новомъ мѣстѣ они также не удержались, потому что песчанья пространства (кучугуры) преградили доступъ имъ на пахатныя поля²⁾.

Видное мѣсто среди поселенцевъ помѣщичьихъ земель занимали бѣглецы; тѣ изъ нихъ, которые нанимали хаты у помѣщиковъ и работали имъ землю за десятую часть урожая, назывались десятищичьями³⁾; въ помѣщичьихъ крестьянъ обратились многіе изъ бывшихъ «подданныхъ» или «челяди» запорожскаго войска, а также выходцы изъ заднѣпровской Украины⁴⁾. Кромѣ того помѣщики переводили въ Новороссію на свои земли крѣпостныхъ крестьянъ изъ центральной Россіи.

Насколько же успѣшно шло заселеніе всѣми этими людьми помѣщичьихъ земель? Оправдались ли надежды правительства на быстрое заселеніе этихъ земель? Документальныя данныя заставляютъ насъ дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ оказалось совсѣмъ незаселенныхъ послѣ 1-й раздачи 182,896¹/₂ д. удобной и 6,024 д. неудобной земли у 64 владѣль-

¹⁾ Ibidem, стр. 363—364.

²⁾ „Кіев. Стар.“ 1885, мартъ, 534—535.

³⁾ Мат. для оцѣнки зем. хѣрс. губ. I, 48—49.

⁴⁾ Феодосія. Матеріалы. I, 560.

цевъ¹⁾. А о томъ, какъ шло заселеніе помѣщичьихъ земель въ очаковской области, свидѣтельствуетъ официальный документъ, помѣщенный въ Пол. Собр. Законовъ. До свидѣнія правительства дошло, что земли между Бугомъ и Днѣстромъ, которыя были розданы для заселенія разнымъ владѣльцамъ, не были заселены, а остались впустѣ. По этому поводу министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ поручено было представить свои соображенія. Изъ собранныхъ ими свидѣній оказалось слѣдующее. Всѣхъ удобныхъ земель раздано было чиновникамъ до 824,374 дес.; на всемъ этомъ пространствѣ въ теченіе 12 лѣтъ поселено помѣщичьихъ крестьянъ не болѣе 6,740 д.; многіе участки до 12,000 дес. удобной земли оставлены безъ всякаго населенія, другіе же до 18,000 дес. имѣютъ не болѣе 30 душъ: такимъ образомъ обязательства о заселеніи остаются невыполненными; помѣщики вслѣдствіе этого, не получаютъ должныхъ выгодъ и край, вопреки предположеніямъ 1792 г., остается малонаселеннымъ и даже способенъ къ будущему заселенію встрѣчаютъ существенныя затрудненія. Въ виду всего этого, министры предложили, а государь утвердилъ слѣдующія мѣры: предоставить еще 4-хъ лѣтній срокъ (кромѣ прежняго 12-ти лѣтняго) для заселенія земель (въ пропорціи по 30 десятинъ на муж. душу); принимать какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ поселенцевъ (вольныхъ и вѣрстныхъ), за исключеніемъ только бѣглыхъ; кто поселить меньше положеннаго числа, у того отрѣзывать только излишекъ земли; незаселенныя земли владѣльцы должны или отдавать въ казну съ уплатою въ пользу ихъ по 80 коп. за десятину, или продавать другому кому либо, кто пожелаетъ принять на себя прежнее обязательство; земли, отошедшія въ казну, могутъ быть розданы колонистамъ, казеннымъ крестьянамъ или частнымъ лицамъ на какіянибудь полезныя заведенія, съ уплатою за нихъ по 80 к. за десятину; владѣльческія земли, на которыхъ хотя и не было населенія, но за то было заведено скотоводство, не должны были отходить въ казну²⁾. Такимъ образомъ помѣщикамъ, не исполнившимъ своихъ обязательствъ, правительство предоставило новыя льготы настоящимъ указомъ; на такую благосклонность они едва ли были въ правѣ даже разсчитывать. «Князь Вяземскій, гр. Салтыковъ, Безбородко, Завадовскій, Остерманъ, Якоби, Грибовскій, Рибасъ и мн. др. своихъ земель не заселили, а

¹⁾ Екатерина. Юбил. Листовъ, 1887 г., № 3 „Ростръ о розданныхъ, но незаселенныхъ екатериноса. уѣзда земляхъ“.

²⁾ П. С. Зап., т. XXVIII, уи. 31 декабря 1804 г.

впослѣдствіи продали.... Грибовскій село Ташино, населенное переселенцами молдаванами, не утратился продать, какъ крѣпостное, одесскому таможенному чиновнику»¹⁾ Другихъ постигали неудачи; такъ было съ 2 французскими графами, Шуазелемъ и Клермонтерой, бѣжавшими послѣ революціи въ Россію и занявшими себѣ землю по обѣ стороны балки Денатики²⁾. Иные и брали земли просто для того, чтобы потомъ продать ихъ³⁾. Въ XIX в. размѣры пожалованій уже нѣсколько сократились, хотя все таки были еще довольно значительны: въ 1803 г. велѣно было штабъ-офицерамъ отводить по 1,000, а оберъ-офицерамъ по 500 дес. земли⁴⁾ въ Новороссійскомъ краѣ. Число жителей здѣсь въ это время было уже довольно значительно: въ екатеринослав. губ. 666,163 чел., т. е. около 444 чел. на кв. милю, и въ херсонской—370,430 чел., т. е. по 264 д. на кв. милю⁵⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и объ отношеніи его къ общей цифрѣ населенія. У А. А. Скальковскаго мы находимъ, впрочемъ, одну любопытную статистическую вѣдомость: въ 10 уѣздахъ новорос. губ. (исключая двухъ крымскихъ) было въ 1800 году 179,883 д. муж. и 156,013 д. женск. пола крѣпостныхъ крестьянъ⁶⁾ (335,896 д. об. п.), къ концу 1-й четверти XIX в. число ихъ еще болѣе увеличилось и составило еще болѣе видный процентъ въ общей цифрѣ населенія края. Сюда нужно присоединить еще нѣкоторое количество монастырскихъ крестьянъ, появленіе которыхъ находится въ тѣсной связи съ монастырскою колонизаціей. Въ 1794 г. монастырскихъ крестьянъ въ екатеринославской епархіи было 4,215 д. муж. и 4,215 д. женскаго пола⁷⁾. Первое мѣсто между всеми монастырями занималъ знаменитый Самарскій⁸⁾, начало котораго относится еще къ запорожскимъ временамъ. За нимъ числилось 1,512 д. крестьянъ обоего пола и множество всякихъ угодій.

Такова была русская колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края въ XVIII и первой четверти XIX в.

¹⁾ Зап. Од. Общ., XII, 383.

²⁾ „Кіев. Стар“, 1885 г., мартъ, 537.

³⁾ Зап. Од. Общ., XII, 337.

⁴⁾ Мат. для геогр. и стат. Рос. Екат. губ., стр. 9.

⁵⁾ Землевѣдѣніе рос. имп. V, 304, 339.

⁶⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор., II, 27.

⁷⁾ Ibidem. I, 231.

⁸⁾ Свѣдѣнія о немъ въ трудахъ пр. Гавріила и Θεодосія.

ГЛАВА 4-я.

Иностранная колонизация въ XVIII-мъ и 1-й четверти XIX в.

Сербская колонизация въ царствованіе Елизаветы Петровны; ея ходъ, дѣятели и общая оцѣнка.—Вызовъ иностранныхъ колонистовъ въ царствованіе Екатерины II-й.—Манифестъ Императора Александра I-го.—Славянская колонизация въ царствованіе Екатерины II-й, Павла и Александра I-го.—Нѣмецкая колонизация въ тѣ же царствованія,—менонитовъ и другихъ нѣмецкихъ выходцевъ; судьба шведской колоніи.—Появленіе нѣкоторыхъ представителей романскаго племени.—Переселеніе грековъ.—Выходъ армянъ.—Переходъ молдаванъ.—Переселеніе евреевъ и основаніе еврейскихъ земледѣльческихъ колоній.—Цыгане.—Общія соображенія.

Колонизация Новороссіи отличается одною характерною особенностью: въ ней чрезвычайно важную роль играютъ иностранные колонисты. Лица, стоявшіе во главѣ мѣстнаго управленія (Потемкинъ, Зубовъ, Ришелье), стремились къ быстрому заселенію этого пустыннаго края и употребляли для достиженія своей цѣли всевозможныя средства. Понятное дѣло, что они не могли не остановиться на мысли вызывать различными льготами иностранныхъ поселенцевъ. Россія въ то время не обладала большимъ издѣшкомъ населенія; при естественномъ движеніи одного русскаго населенія къ югу, колонизаціонный процессъ значительно бы замедлился. Съ другой стороны можно было надѣяться, что иностранцы внесутъ въ новый край болѣе высокую, современную культуру матеріальную и умственную и благотворно вoadдѣствуютъ на туземное и пришлое населеніе. Таковы были важнѣйшіе мотивы для поощренія иноземной колонизации. Политическія обстоятельства Европы и Россіи въ то время не только не препятствовали, но даже способствовали такой эмиграціи европейцевъ въ предѣлы южной Россіи. Началась эта колонизация по инициативѣ правительства, которое вызывало колонистовъ и заботилось объ ихъ устройствѣ. Но внутреннія черты этого устройства опредѣлялись не только указами правительства, но и ихъ бытовыми нормами, выработанными на прежнихъ мѣстахъ жительства; въ этомъ отношеніи иностраннымъ поселенцамъ была предоставлена почти полная свобода, гарантированная при томъ имъ призывными грамотами, т. е. какъ бы своего рода формальными условіями. Этому общему положенію не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что многіе переселенцы, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій, измѣнили кое въ чемъ прежній складъ жизни, а нѣкоторые (славяне)

обрусѣли и потеряли свои этнографическія особенности. Вызовъ иностранныхъ (а именно славянскихъ) колонистовъ въ южную Русь начался еще со времени Петра Вел.; въ царствованіе Елизаветы Петровны это переселеніе приняло большіе размѣры; во главѣ переселенцевъ стоялъ полк. Хорватъ, (явившійся раньше всѣхъ), Шевичъ и Прерадовичъ; они основали двѣ провинціи—Новосербію (въ сѣв. части херсонской губ.) и Славносербію (въ сѣв.-восточной части екатеринославской губ.). Впрочемъ нужно сказать, что въ провинціяхъ этихъ жили далеко не одни только сербы, черногорцы и кроаты, а и молдаване, болгары, великороссы-старообрядцы, малороссіане, поляки, входившіе въ составъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ и состоявшіе подъ начальствомъ вышеназванныхъ командировъ¹⁾.

Центральными пунктами новыхъ провинцій были Новомиргородъ и крѣпость св. Елизаветы въ Новосербіи, Бахмутъ и Бѣлевская крѣпость въ Славносербіи. Это были военно-земледѣльческія поселенія, дѣлившіяся на полки, роты, селенія и шанцы; число собственно сербовъ было не велико: въ 1770 г. ихъ было всего около 1,000 ч. т. е. менѣе $\frac{1}{25}$ общаго числа населенія двухъ провинцій. Какія же льготы были предоставлены Хорвату и всѣмъ славянскимъ выходцамъ? Ясное понятіе объ этомъ даетъ жалованная грамота Хорвату 1752 г.

Новымъ поселенцамъ отводятся въ вѣчное и потомственное владѣніе удобныя земли и кромѣ того дается денежное жалованье и предоставляются безошпинные промыслы и торговли; не говоримъ о другихъ менѣе важныхъ льготахъ и преимуществахъ. Хорвату было позволено, между прочимъ, построить для защиты границъ крѣпость св. Елизаветы; но постройкою крѣпости для сербовъ занимались малороссійскіе козаки и регулярныя войска²⁾, которые несли также здѣсь и пограничную службу. Уже изъ этихъ фактовъ видно, что льготы славянскимъ поселенцамъ были очень велики, а число ихъ было весьма незначительно. Но если мы отъ официальныхъ документальныхъ данныхъ обратимся къ частнымъ свидѣтельствамъ и взглянемъ въ закулисную сторону дѣла, то увидимъ въ истинномъ свѣтѣ этихъ переселенцевъ и узнаемъ настоящіе мотивы переселенія. Послушаемъ, что намъ расскажетъ объ этомъ Симеонъ Ст. Пишче-

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Хронолог. обзорѣніе, I, 15—45; его же Опытъ стат. описанія Новороссійскаго краѣ, I, 223—225.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Хронол. обзор. I, 23.

вичъ, самъ сербскій выходецъ и колонизаторъ Новороссійскаго края. Мотивомъ къ выходу въ Россію послужило для Пишчевича желаніе видѣть свѣтъ и свое счастье далѣе пробовать ¹⁾; важную роль играло и то обстоятельство, что его, какъ и другихъ, немедленно произвели въ слѣдующій чинъ. Иными руководилъ исключительно матеріальный расчетъ. Хорватъ нарочно выѣхалъ раньше другихъ, чтобы получить, въ качествѣ инициатора эмиграціи, побольше выгодъ (и онъ достигъ своей цѣли). Иные, наконецъ, не останавливались даже передъ обманомъ; таковъ былъ, напр., черногорскій воевода Василій Петровичъ. Это былъ, по словамъ Пишчевича, одинъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которые часто наѣзжали въ Россію за милостыней и искали случая обогатиться. Онъ выдалъ себя за полномасштабнаго владыку въ Черногоріи, и въ проектѣ, поданномъ въ сенатъ, объявилъ, что если будутъ отпущены на путевые расходы деньги, то онъ приведетъ изъ Черной Горы нѣсколько тысячъ переселенцевъ. Проектъ былъ принятъ въ сенатѣ и подтвержденъ Владыкою поѣхалъ къ себѣ въ Черногорію, но тамъ успѣха не имѣлъ: большинство упрекало его за данныя обѣщанія; смущенный неудачей, онъ началъ приглашать своихъ свойственниковъ и нѣкоторыхъ вдовыхъ поповъ, позволяя имъ обрить бороды, производя ихъ въ офицерскіе чины и награждая деньгами, а главъ оппозиціи привлекая на свою сторону обѣщаніями генеральскихъ чиновъ; но, несмотря на всѣ эти средства, черногорцевъ отправилось мало, а подъ видомъ ихъ поѣхали тѣ представители разныхъ національностей, среди которыхъ были настоящіе разбойники, которыхъ и провести въ Россію было не легко, такъ какъ они и на пути буйствовали и пьянствовали. Лица, присланные Пишчевичу изъ Триеста, «были все воръ наголо и пьяницы прегоркіе, наволочь то такая была, что хуже съискать нигдѣ не можно; между ними были оружейные лѣсовые настоящіе разбойники и гдѣ только чего на ночлѣгахъ и проѣздомъ чрезъ жилища и въ корчмахъ захватютъ и сорвать могутъ, то ужъ было ихъ». Спрашивается, могли ли быть хорошими колонизаторами такіе переселенцы? Допустить, что подобныя лица представляли исключительное явленіе, едва ли возможно, потому что о буйствахъ сербовъ и въ предѣлахъ Рос-

¹⁾ Извѣстіе о походженіи Симеона Степановича Пишчевича. М. 1884, стр. 91; предупреждаю читателя, что въ дальнѣйшихъ выпискахъ я не буду наблюдать правописанія подлиннаго текста Пишчевича.

сія мы имѣемъ многочисленныя факты въ документахъ; о нихъ же свидѣтельствуемъ и самъ Пишчевичъ. Въ полкъ Пишчевича, напр., набирались по большей части дезертиры, съ которыми ему было очень трудно управляться: «все было строптиво, развращено, пьяно и всякій день происходили между ними и обывателями драки и ссоры и такое то сборище людей было, которое по нѣскольку разъ изъ одного государства въ другое переходили и служили и потомъ уходили, а на послѣдокъ дошли въ Россію и ко мнѣ въ команду. Такъ какъ ихъ нечѣмъ было продовольствовать, продолжаетъ далѣе Пишчевичъ, то я долженъ былъ брать все необходимое отъ обывателей, хотя и съ общаніемъ платы, но не безъ притѣсненій для нихъ; между тѣмъ среди команды были постоянныя ссоры, драки; нерѣдко пускались въ ходъ ножи: въ такихъ случаяхъ поселяне со страху разбѣгались изъ своихъ жилищъ, а другіе запирались въ своихъ домахъ»¹⁾. И это понятно: покинувъ старую родину, они не успѣли еще установить органической связи съ новой. Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ были и внутренніе порядки или, правильнѣе говоря, безпорядки, которые господствовали въ гусарскихъ полкахъ въ Россіи; ихъ чрезвычайно рельефно изображаетъ въ своихъ запискахъ С. Пишчевичъ²⁾. Соглашаемся, что среди поселенцевъ могли быть люди честныя и не буйныя. Но насколько они были подготовлены къ своимъ новымъ обязанностямъ? Имъ нужно было приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и это требовало съ ихъ стороны не мало труда и усилій. Имъ предстояло въ одно и то же время быть и воинами, какими большинство ихъ было и раньше, и земледѣльцами—они должны были распахать пожалованныя имъ земли, завести хозяйство, построить дома, деревни и т. п. Насколько хорошо они несли пограничную службу, мы къ сожалѣнію сказать не можемъ; замѣтимъ только, что едва ли въ этомъ отношеніи они могли равняться съ козаками, изучившими степь и нравы ея обитателей—татаръ. Мы не говоримъ уже о томъ, что съ 50-хъ годовъ XVIII вѣка пограничная служба сдѣлалась уже далеко не такой трудной, какою она была въ 1-й половинѣ XVIII, а въ особенности въ XVII в. Еще труднѣе было сербскимъ гусарамъ завести на новыхъ мѣстахъ жительства селенія и нивы. Положеніе ихъ на первыхъ порахъ было очень и очень

¹⁾ Извѣстіе о походѣ, 416—417.

²⁾ Ibidem, 449—450.

затруднительное. Любопытныя данныя въ этомъ отношеніи сообщаетъ Пишчевичъ. Выѣхали мы, говорить онъ, на чистую и глухую степь (возлѣ которой былъ впрочемъ и дѣсъ) и тутъ то восчувствовали всѣ, а особенно тѣ, которые начали селиться по Лугани, что значить нужда и жизнь, исполненная лишеній: негдѣ преклониться; не знаешь, за что братья, съ чего начинать; въ особенности плохо приходилось тѣмъ, которые, подобно мнѣ, никогда раньше не занимались хозяйствомъ. Сначала я жилъ съ семьей въ небольшой палаткѣ, потомъ съ 4 слугами устроилъ себѣ изъ хвороста сарай, покрывши его травой и по возможности укрѣивши на случай бури. Но вдругъ ночью пошелъ сильный дождь, отъ котораго крыша начала протекать и вода ручьемъ полилась внутрь. Я съ женою и маленькими дѣтьми промокли такъ, какъ будто бы въ водѣ выкупались. Между тѣмъ буря усилилась еще больше. Кровлю мою совсѣмъ повалило и я едва успѣлъ выскочить оттуда съ женою и дѣтьми, а моя резиденція упала и мы всѣ остались подъ открытымъ небомъ въ бурю и дождь, не имѣя гдѣ преклонить главы. Шалаши моихъ слугъ также попрокидывала буря, но они прибѣжали на помощь ко мнѣ и стали разбивать мнѣ палатку; однако, пока они это успѣли сдѣлать, мы промокли и продрогли едва не до смерти; наше платье и постель остались въ рухнувшемъ сараѣ и тамъ страшно намокли, а мы должны были провести всю ночь безъ одежды, плача и проклиная свою участь. По утру, какъ прошла буря, взошло и пригрѣло солнышко, вышли мы изъ палатки и я велѣлъ развести большой огонь, чтобы просушиться; посмотрѣлъ я тутъ на свою бывшую резиденцію и досадно мнѣ стало за двойной убытокъ, причиненный бурей, 1-е за потерю жилья, а 2-е за потерю постели и разной утвари. Разобравъ упавшій сарайчикъ и велѣвши купить нѣсколько необходимыхъ инструментовъ и нарубить дѣса, я принялся за постройку новаго, болѣе крѣпкаго сарайчика, а также землянки съ пооями и небольшою кухонькою съ чуланчикомъ, гдѣ рассчитывалъ провести зиму. Къ счастью нашелся добрый человѣкъ, дводворецъ изъ слободы Новой Айдары, который 1-й осмѣлился къ намъ пріѣхать (остальные по дикости боялись это дѣлать) и продалъ мнѣ на сносъ домъ, обѣщая перевезти его на своихъ подводахъ. Домикъ дѣйствительно перевезли; я его покрылъ очеретомъ; остановка была только за печью и окнами, но они впоследствии были устроены. Землянка же служила мнѣ для слугъ и караульныхъ. У всѣхъ насъ поселенцовъ (привожу разсказъ Пишчевича собственными его словами) вообще на той пустынѣ была тогда

въ 1-е лѣто жизнь точно такая, какъ у тѣхъ инзулановъ, кои по несчастнымъ разбитіемъ кораблей занесены морскими волнами на пустыне острова и пытались зелиемъ, кореннымъ, ловлею рыбы, птицъ и звѣрей, такъ то и мы тогда, что вышли на пустую степь и землю такую, гдѣ отъ созданыя свѣта никакихъ жилищъ не было, а достать нигдѣ ни за какія деньги ничего не можно, а кто чего имѣть хотѣлъ, тотъ долженъ былъ за несколько дней посылать далеко и изыскивать и покупать дорогою ценою. Огородовъ и зелены какой на пищу первой годъ ни у ково не было и покудова тѣмъ завелъсь, должны были дикимъ чеснокомъ, лукомъ (родъ травы такой на поляхъ есть) и другою травкою, способною къ вареныю, пособлять себя, а простой народъ только однѣми сухарями и такою дикою травкою и водою да овощъ, когда кто чего на поляхъ ягоды или что другое найдетъ, питались, а болѣе ничего не имѣлы; я многихъ видѣлъ сперва въ жалостномъ состояніи, а особливо тѣ, кои по Луганы рѣки селились, тѣ претерпѣлы нужду болѣе, нежели другіе, ибо по той реке лесу ничего нѣтъ, а чистая и голоя степь, для чего въ постройке домовъ видѣлы нужду велику и за лесомъ ѣздить далеко приуждены были. Напитковъ у всѣхъ вообще и болшаго и малаго никакихъ не было окроме воды, а естли у каво простая горелка случила, ето ужъ трактamentъ великъ почитался (дѣлалы опосля квасъ изъ сухарей да изъ дикихъ яблокъ и терновыхъ ягодъ кислую воду). Ъздывъ и иногда наведоватца и къ другимъ соседямъ своимъ и смотрѣлъ, каково оны строятца и чѣмъ заводять себя, но вездѣ находывъ плачь и рыданіе; у каво еще денги водились, тотъ хотя съ нуждою потребное доставалъ и далеко посылалъ и дорого платывъ, однако еще тѣмъ могъ пособить себя. А ето запасныхъ денегъ не имѣлъ, а толко полагался на одно окладное жалованье (а раціевъ и порціевъ уже не было), тотъ въ превеликой бедности состоялъ, ибо то жалованье на мундиръ и на другую къ службѣ исправность какъ расчислить, то и не оставалось ничего на другую свою къ поселенію надобность, а особливо у каво семья и въ домѣ много душъ было, тотъ съ тѣмъ жалованьемъ никогда на конецъ не могъ выходить и тако естли одинъ другому не пособить и у ково что есть хоть мало что запаснаго не дастъ въ заемъ или по свойству не подаруетъ, то тотъ не имущій доходывъ до крайности¹⁾.

¹⁾ Извѣстіе о походѣ, стр. 185—190.

Пишчевичъ чистосердечно говоритъ о себѣ, что только нужда научила его хозяйничать ¹⁾. И нужно думать, что такихъ, какъ онъ, было не мало; не забудемъ, что онъ, въ качествѣ офицера, находился въ привилегированномъ состояніи; каково же было положеніе простыхъ рядовыхъ солдатъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они пришли въ Россію безъ всякихъ средствъ, и понятно, какъ трудно было имъ въ одно и то же время и обзаводиться хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, и исполнять воинскую службу.

Дѣлая общую оцѣнку сербской колонизаціи, мы должны сознаться, что она не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагали. Императрица Екатерина II-я въ своемъ указѣ 18 іюня 1763 г. официально засвидѣтельствовала о неудовлетворительномъ состояніи Новосербіи, заселенной Хорватомъ ²⁾; успѣху дѣла не мало вредилъ неспокойный характеръ этого послѣдняго; онъ постоянно ссорился и съ другими выходцами, и съ духовенствомъ ³⁾. Втеченіе 10 лѣтъ (съ 1752 по 1762 г.) было истрачено на сербскую колонизацію до 700,000 р. ⁴⁾ (по нынѣшнему курсу болѣе 2,500,000 р.). Настоящихъ сербовъ при томъ у Хорвата, Шевича и Дебрерадовича было немного; видное мѣсто среди поселенцевъ Новосербіи и Славяносербіи занимали молдаване, болгары и т. п. Этимъ можно объяснить быстрое обрусѣніе или, правильнѣе говоря, омалорусиванье этихъ славянскихъ выходцевъ. Академикъ Гюльденштедтъ говоритъ, что волохи и молдаване, обитавшіе въ предѣлахъ Новосербіи, по образу жизни совсѣмъ подходятъ къ малороссамъ: у нихъ такія же жилища, такая же одежда, какъ у малороссіянъ; для работъ земледѣльческихъ употребляютъ не лошадей, а быковъ, не сохи, а плуги ⁵⁾. Изъ описанія елисаветградской провинціи, составленнаго тѣмъ же Гюльденштедтомъ, видно, что составъ населенія ея въ 1773—1774 г. былъ самый разнообразный: греки, сербы, болгары, молдаване и волохи, малороссіане—гетманцы и запорожцы, великоруссы—раскольники и православные, выходцы изъ Польши и бѣглецы изъ центральной Россіи; солдаты и т. п.; въ

¹⁾ Ibidem, 191.

²⁾ Зап. Од. Общ., VIII, 268.

³⁾ См. объ этомъ ст. архим. Арсенія „Сафроній Добрашевичъ, архим. Новой Сербіи. „Кіевская Старина“ 1884 г., октябрь, 276—304.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., III, 88.

⁵⁾ Reisen durch Russland, II, 174.

одною и тою же селеніи жили представители различныхъ народностей. Значительная часть селеній, бывшихъ въ его время шанцами и ротами, возникла еще до образованія Новосербіи и была обязана своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи; таковы были кр. Табурище, шанць Крыловъ (Новогеоргиевскъ), Нестеровка, монастырь Уховка, шанць Новомиргородскій (прежде Трейсачи)—важнѣйшее послѣ Елисаветграда поселеніе; Петроостровскій и Архангелогородскій шанцы и др. Большая часть этихъ пунктовъ въ это время представляла изъ себя еще военныя поселенія; 1,421,000 дес. земли было раздѣлено на 70 округовъ, изъ коихъ 52 предназначено для военныхъ селеній, 2 для городовъ и 16 для иностранныхъ колонистовъ, русскихъ выходцевъ изъ Польши и старыхъ обитателей края; каждый округъ дѣлится на 25 жребіевъ, каждый жребій на 24 участка, а каждый участокъ содержалъ отъ 26 до 30 дес. земли. Греки и раскольники дали толчокъ къ развитію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торговой, промышленной и ремесленной дѣятельности (напримѣръ, въ Елисаветградѣ, гдѣ была греческая община, а раскольники составляли $\frac{1}{2}$ всѣхъ жителей)¹⁾. Послѣ всего сказаннаго намъ сдѣлалось ясно, что Новосербія была только отчасти заселена сербами, которые, очутившись среди другихъ родственныхъ народностей, быстро потеряли свою національность; этому, конечно, больше всего способствовали браки: большая часть этихъ выходцевъ являлась безъ семействъ и женилась на малороссіянкахъ; тоже самое нужно сказать и относительно Славяносербіи.

Съ воцареніемъ имп. Екатерины II-й открывается новая эра въ исторіи иностранной колонизаціи Новороссійскаго края. Она издала два манифеста въ 1762 и 1763 гг., изъ которыхъ первый отличался слишкомъ общимъ характеромъ и потому практическихъ результатовъ не имѣлъ²⁾; это побудило императрицу издать 2-й манифестъ, въ которомъ заключаются уже совершенно опредѣленные обѣщанія разныхъ льготъ и преимуществъ. «Мы, вѣдая пространство земель нашей имперіи, такъ начинается свой манифестъ императрица, между прочимъ усматриваемъ наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго полезнѣйшихъ мѣстъ, до сего еще праздно остающихся, не малое число, изъ которыхъ многія въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ неисчерпаемое богат-

¹⁾ Reisen durch Russland, II, 120, 124—177.

²⁾ И. С. Зак., т. XVI, № 11720.

ство разныхъ металловъ; а какъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и къ коммерціи подлежащихъ морей довольно, то и къ размноженію многихъ мануфактуръ, фабрикъ и прочихъ заводовъ способность великая». Такимъ образомъ, государыня призвала иностранцевъ главнымъ образомъ для развитія нашихъ промысловъ и торговли. Важнѣйшія льготы, предоставленныя новымъ поселенцамъ, были слѣдующія: деньги на путевые расходы они могли получать отъ русскихъ резидентовъ за границей и затѣмъ селиться въ Россіи или въ городахъ, или отдѣльными колоніями; имъ предоставлялась свобода вѣроисповѣданія; они освобождались на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей (поселившіеся колоніями на 30 лѣтъ); имъ отводились на полгода даровыя квартиры; выдавалась безпроцентная ссуда съ погашеніемъ ея черезъ 10 лѣтъ втеченіе 3-хъ лѣтъ; поселившимся колоніями предоставлялась собственная юрисдикція; всѣ могли безошлинно ввезти съ собою имущество и на 300 р. товаровъ; всѣ освобождались отъ военной и гражданской службы, а если бы кто пожелалъ поступить въ солдаты, то сверхъ обычнаго жалованья, долженъ былъ получить 30 руб.; если бы кто нибудь завелъ такую фабрику, которой раньше не было въ Россіи, то могъ втеченіе 10 лѣтъ продавать безошлинно производимые имъ товары; въ колоніяхъ могли быть заведены безошлинные ярмарки и торги; этими льготами могли пользоваться въ продолженіе льготнаго періода и дѣти иностранцевъ въ случаѣ смерти ихъ отцовъ; если кто пожелаетъ, то можетъ вернуться назадъ, отдавши казнѣ $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{20}$ своего имущества; земли подъ поселеніе указывались въ тобольской, астрах., оренбур. и бѣлгородской губ. ¹⁾). Манифестъ этотъ, какъ показываютъ дальнѣйшіе факты, имѣлъ важное практическое значеніе: хотя въ немъ ничего не говорится собственно о Новороссіи, но на основаніи его селились иностранцы и тамъ вплоть до воцаренія имп. Александра I-го. Въ тотъ же день, когда изданъ былъ этотъ указъ, учреждена была и канцеларія опекунства иностранцевъ ²⁾, которой дана была особая инструкция ³⁾.

Въ царствованіе императора Павла Петровича (въ 1800 г.) была издана новая инструкция конторѣ опекунства иностранныхъ по-

¹⁾ П. С. Заб., т. XVI, № 11880.

²⁾ П. С. Заб., т. XVI, № 11879.

³⁾ П. С. Заб., т. XVI, № 11881.

селенцевъ, составленная экспедиціею государственнаго хозяйства; въ ней опредѣляются обязанности конторы по части администраціи. Она была вызвана обстоятельною ревизіею колоній, произведенною извѣстнымъ Контеніусомъ; онъ констатировалъ разные непорядки и улучшения, привелъ въ порядокъ запутанные счета и представилъ историческій очеркъ нѣмецкой колонизаціи въ Новороссіи, которымъ мы впоследствии и воспользуемся. Съ воцареніемъ императора Александра I-го иностранная колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края начинаетъ вестись на иныхъ условіяхъ. Уже въ указѣ 1802 г. на имя новороссійскаго военнаго губернатора (о водвореніи иностранцевъ) дѣлаются облегченія для поступленія ихъ въ земледѣльцы ¹⁾. Но съ полною опредѣленностью взгляды и намѣренія правительства выразились въ манифестъ отъ 20 февр. 1804 г. ²⁾. По манифесту 1768 г., говорится тамъ, принимали всѣхъ иностранцевъ безъ разбора и потому вышло много плохихъ и бѣдныхъ хозяевъ; да и теперь среди выходцевъ не мало менужныхъ ремесленниковъ, дряхлыхъ, больныхъ, слабыхъ и одинокихъ. Екатерина II-я рѣшилась на вызовъ иностранцевъ въ виду заселенія пустыхъ земель. Но теперь, вслѣдствіе размноженія населенія въ центральныхъ губерніяхъ, необходимо уже прибегать земли на югѣ и для своихъ подданныхъ, такъ какъ пустыхъ пространствъ тамъ осталось уже немного; поэтому слѣдуетъ принимать только такихъ иностранцевъ, которые по своимъ занятіямъ могутъ служить хорошимъ примѣромъ для крестьянъ; для нихъ нужно отвести особыя земли—казенныя или купленные у помѣщиковъ; это должны быть семейные и зажиточные хозяева, занимающіеся земледѣліемъ, разведеніемъ винограда или шелковичныхъ червей, скотоводствомъ и сельскими ремеслами (сапожничествомъ, кузнечнымъ дѣломъ, ткачествомъ, портняжествомъ и т. в.); другихъ ремесленниковъ не принимать, исключая небольшого числа тѣхъ, которые понадобятся въ города. Въ виду этого не слѣдуетъ вызывать колонистовъ посредствомъ подговоровъ или посылайъ особыхъ эмиссаровъ; желающіе добровольно переселиться должны являться къ резидентамъ и представлять имъ свидѣтельства отъ магистратовъ о своемъ хорошемъ поведеніи; переселять нужно сразу по 20, 30 семействъ, но изъ Герма-

¹⁾ П. С. Зак., т. XXVII, № 20259.

²⁾ П. С. Зак., т. XXVIII, № 21163.

ни не слѣдовало выводить втеченіе года болѣе 200 семействъ, потому что только такое число можно было хорошо устроить на мѣстѣ; ссудъ резиденты не должны были выдавать, а только нанять подводы; желавшіе переселиться обязаны были представить наличными деньгами или въ товарахъ капиталъ въ 300 гульденовъ, такъ какъ замѣчено, что устройство недостаточныхъ колонистовъ идетъ медленно и неудовлетворительно; всякій могъ ввезти съ собою на 300 р. товаровъ (сверхъ имущества). Выходцамъ предоставлялись слѣдующія права: свобода вѣроисповѣданія, освобожденіе на 10 лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей; по прошествіи же этого времени они должны уплачивать въ первые 10 лѣтъ отъ 15 до 20 коп. за десятину, а потомъ столько, сколько казенные поселане; по истеченіи льготнаго періода они обязаны будутъ нести тѣ же повинности, что и русскіе подданные, исключая постоянной повинности, военной и гражданской службы, отъ которыхъ они освобождались навсегда; уплата ссуды имъ разсрочивалась на 10 лѣтъ; всѣмъ колонистамъ отводится безденежно по 60 десятинъ земли на семью; со времени прибытія ихъ въ Россію до водворенія на мѣстѣ имъ выдавались кормовыя деньги, а отъ водворенія до первой жатвы безпроцентная ссуда; на постройку дома, покупку скота и вообще на хозяйственное обзаведеніе каждый получалъ по 300 р. ссуды, а иногда и болѣе того; всякій могъ заниматься промыслами, торговлею и ремеслами, записываться въ цехи и гильдіи; если кто захотѣлъ бы вернуться назадъ на родину, то обязанъ возвратить ссуду и 3-хъ годовичную подать.

И вотъ на этихъ основаніяхъ предложено было поселить иностранцевъ въ разныхъ мѣстахъ Новороссіи и въ Крыму. Прежде всего рѣшили отводить имъ земли вблизи гаваней и портовъ, чтобы они имѣли возможность сбывать свои продукты за границу; земледѣльцевъ хотѣли селить на р. Молочныхъ Водахъ по сосѣдству съ меноняитами, менонитовъ здѣсь же и на бывшихъ ногайскихъ земляхъ, болгаръ возлѣ болгарскихъ колоній, ремесленниковъ—въ городахъ ¹⁾.

На основаніи этихъ манифестовъ и совершалась иностранная колонизація въ Новороссіи въ царствованіе Екатерины II-й, Павла Петровича и Александра I-го. Мы обратимся теперь къ фактическому обзорѣнію этой колонизаціи и укажемъ главнѣйшіе виды ея. Наиболѣе древнею иностранною колонизаціею оказывается, какъ мы

¹⁾ П. С. Зап., т. XXVIII, № 21177.

уже знаемъ, сербская или, вообще говоря, *славянская*. Въ царствованіе Екатерины II й получило широкое развитіе болгарское колонизаціонное движеніе. Подъ вліяніемъ манифестовъ 1762 и 1763 г. явилось въ Россію въ 1764—1769 г. довольно значительное число болгаръ; въ 1773 г. одна партія ихъ поселилась близъ Ольвіополя на р. Синюхѣ, а другіе направились въ новые города—Тирасполь, Новые Дубоссары, Григоріополь и Одессу; въ началѣ XIX в. ихъ переселилось еще больше; въ 1821 г. ихъ было въ херсонской губ. 5,863 д. об. п., въ таврической ¹⁾, 2,712 (но больше всего въ Бессарабіи). Болгарскія колоніи имѣли важное вліяніе на развитіе мѣстной земледѣльческой культуры ²⁾. Къ славянскимъ колонистамъ нужно причислить и поляковъ; нѣкоторые изъ нихъ поселились съ торговыми цѣлями въ новыхъ городахъ—Херсонѣ, Одессѣ, другіе были завербованы въ бугскій козацій и гусарскіе полки; наконецъ, польскіе магнаты, получивъ отъ русскаго правительства большіе поземельные участки въ Новороссіи, переводили туда изъ Польши крѣпостныхъ крестьянъ; но вообще говоря, число польскихъ выходцевъ было не велико ³⁾.

Едва ли не самое важное мѣсто въ исторіи иностранной колонизаціи ⁴⁾ принадлежатъ *нѣмцамъ*, а среди нихъ выдѣляются менониты, придерживающіеся анабаптистскаго ученія. Они выѣхали изъ Пруссіи (изъ окрестностей Данцига) въ началѣ 1789 г. въ числѣ 228 сем. и заключили черезъ своихъ депутатовъ спеціальнй договоръ съ правительствомъ. На основаніи этого договора они получили слѣдующія привилегіи: свободу вѣроисповѣданія, 10-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей, освобожденіе отъ подводъ, работъ, постоевъ и воинской службы, подводы до мѣста назначенія, извѣстную сумму на путевые расходы, кормовыя деньги и ссуду въ размѣрѣ 500 р. на семью, сѣмена для посѣва, право заводить фабрики, заниматься тор-

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новор. краѣ. Од. 1848, стр. 34—35.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, стр. 227—228.

³⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ стат. оп., I, 247—250.

⁴⁾ Довольно обстоятельныя извѣстія о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи можно найти въ извѣстномъ соч. г. Клауса „Наши колоніи“, 1869 г.; впрочемъ, авторъ гл. обр. интересуется ихъ настоящимъ положеніемъ, а о прошломъ говоритъ мало. У А. А. Скальковскаго мы находимъ списокъ всѣхъ иностранныхъ колоній съ обозначеніемъ времени и мѣста ихъ основанія (Хронологическое обозрѣніе, I, 327—330).

говлей, вступать въ гильдіи и цехи, по 65 дес. земли съ обязательствомъ уплачивать за нее по истеченіи льготнаго періода по 15 коп. за десятину и, наконецъ, лѣсъ на постройки. Земли пмѣ были отвѣдены въ нын. екатерин. губ. на правомъ берегу Днѣпра съ островомъ Хортицей, гдѣ они основали 8 деревень; съ 1793 по 1796 г. 118 другихъ семействъ поселилось на тѣхъ же условіяхъ частью среди прежнихъ выходцевъ, а частью на новыхъ мѣстахъ (Шенвизъ въ павлоград. уѣздѣ, Кронсгартенъ въ новомосковскомъ уѣздѣ). Но не смотря на эти льготы, положеніе менонитовъ на первыхъ порахъ было очень затруднительное, главнымъ образомъ вслѣдствіе особенностей климата и почвы новой мѣстности. Сомнѣвались даже въ благополучномъ исходѣ начатаго дѣла. Вотъ что говорилъ въ своемъ отчетѣ Контеиусъ: «менонисты почти всѣ вообще въ домашней жизни порядочны и опрятны, въ нравственной трезвы и честны, а въ домоводствѣ прилежны и старательны; но живущіе въ Хортицахъ за всѣмъ трудолюбіемъ своимъ едва ли могутъ прійти когда либо въ хорошее состояніе. Кряжъ сего урочища состоитъ по большей части въ высокихъ мѣстахъ, на коихъ по сухости земли, по недостатку влажности и по бездождію, травы выгораютъ, хлѣбъ растетъ худо и часто пахарь обрабатываетъ и засѣваетъ поле напрасно, такъ что отъ земледѣлія не только не получаетъ никакихъ выгодъ, но весьма рѣдкій можетъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ цѣлый годъ; одно скотоводство приноситъ имъ нѣкоторую пользу; сею частью сельскаго хозяйства они весьма занимаются, приводя съ собою достаточное число иностранной породы лошадей и рогатаго скота, но по недостатку въ пастбахъ и сѣна не могутъ и онога распространить по своему желанію и обычаю, лишаясь при томъ въ жестокія зимы и знатной части того, что въ состояніи нынѣ держать». Къ этому присоединялись еще тѣснота помѣщеній и медленное поступленіе казенной субсидіи. Въ виду всего этого Контеиусъ предложилъ представить менонитамъ слѣдующія еще льготы: переселить часть ихъ изъ Хортицы въ другое мѣсто; увеличить на 5 или 10 лѣтъ срокъ льготнаго періода; не требовать съ нихъ возврата денегъ, издержанныхъ на путевые расходы; взыскиваемую съ нихъ ссуду употреблять на нужды же новороссійской колонизаціи. Это предложеніе было принято. Такимъ образомъ, менониты получили совершенно исключительныя привилегіи. Правительство сдѣлало для нихъ все, чего они только желали: ихъ переселеніе въ Россію было обставлено всѣми удобствами; они получили такія льготы, о которыхъ не могли и меч-

колон. новорос. края.

татъ русскіе переселенцы — эти обиженные представители господствующей народности. Имъ не приходилось уже вести борьбы съ татарами; они могли спокойно предаться исключительно мирнымъ занятиямъ — земледѣлію, скотоводству и т. п. Но несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, менониты на первыхъ порахъ не могли достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Причина этого коренилась въ естественныхъ условіяхъ и особенностяхъ мѣстности — гл. образомъ въ климатъ Новороссійскаго края. Кромѣ менонитовъ въ Россію переселялись и другіе нѣмецкіе выходцы; таковы были іозефстальскіе колонисты, амбургскіе и данцигскіе; первые основали отдѣльную колонію Іозефсталь и получили прекрасныя земли и пашбища; но такъ какъ большая часть ихъ на родинѣ у себя занималась ремеслами, а не земледѣліемъ, то и здѣсь они устроились очень плохо и нуждались въ новыхъ льготахъ; имъ прибавили земля, увеличили число льготныхъ лѣтъ, ремесленниковъ переселили въ города и т. п. Переселенцы изъ Данцига также устроились очень плохо; изъ 910 д. ихъ обоего пола Контеніусъ нашелъ въ разныхъ мѣстахъ только 208; остальные или поумирали, или разбрелись неизвестно куда; въ Херсонѣ только 3 семейства имѣли собственные дома, другіе жили у хозяевъ — ремесленниковъ или снискивали себѣ пропитаніе подешною работою, иные же вовсе не имѣли правильныхъ заработковъ и жили въ большой бѣдности; 21 семейство (изъ 41 души) основали колонію въ елисаветградскомъ уѣздѣ, но собирали достаточное количество хлѣба только въ дождливыя лѣта, а во время засухъ не получали и сѣмянъ; умирало у нихъ болѣе, чѣмъ рождалось. Всѣмъ имъ возвратъ ссуды былъ отсроченъ на 30 лѣтъ; они освобождались отъ всякихъ казенныхъ податей и переселялись въ другое мѣсто; ремесленники изъ колоній исключались. Не лучше устроились и амбургскіе колонисты, пришедшіе въ Россію въ 1793 г. въ количествѣ 273 душъ обоего пола; сначала ихъ расселили среди жителей Старыхъ Койдаковъ, но тамъ они испытывали большіе недостатки; тогда ихъ переселили на новое мѣсто, но и тамъ ихъ положеніе не улучшилось; земледѣліемъ занимались не всѣ. И имъ была дана отсрочка въ возвратѣ ссуды.

Къ германской народности нужно причислять и шведскихъ колонистовъ; это были частью крестьяне, а частью военно-плѣнные; первые были переведены въ 1787 г. съ острова Даго въ числѣ 904 д. и основали въ херсонскомъ уѣздѣ «Шведскую колонію», въ которой при Контеніусѣ оказалось только 148 д. (22 семейства); остальные

умерли отъ переменъ климата, плохой пищи и др. недостатковъ. Въ 1790 г. было прислано 31 плѣнныхъ шведовъ, изъ коихъ осталось 9 чел. Къ земледѣлю шведы оказались весьма рачительными; но имъ очень вредила засуха и суслики; кромѣ земледѣлія, они занимались скотоводствомъ и рыболовствомъ. Имъ также, по представленію Контеніуса, были сдѣланы значительныя облегченія: съ нихъ рѣшились не брать подушнаго оклада, а ссуду взыскивать только за наличное число ¹⁾).

Благодаря сильной поддержкѣ русскаго правительства, нѣмецкія колоніи успѣли укрѣпиться на новой и не всегда для нихъ благопріятной почвѣ. Въ 1845 г. всѣхъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Новороссіи было 95700 д. обоюга пола ²⁾. Самую удачную нужно признать колонизацію меноннитовъ, такъ какъ ихъ колоніи находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Важную роль въ этомъ дѣлѣ играли два обстоятельства: 1-е, что они были образцовыми сельскими хозяевами и у себя дома на родинѣ, 2-е, что переселились только зажиточные семейные люди съ имуществомъ и даже скотомъ.

Такова судьба германскихъ поселеній въ Новороссіи. Что же касается *романской* колонизаціи, то она была ничтожна: одно селеніе швейцарцевъ на Днѣстровскомъ лиманѣ, горсть итальянцевъ, нѣсколько французскихъ коммерсантовъ (въ родѣ, напримѣръ, Антуана или Рувье)—вотъ и все! Планъ дюка де-Ришелье объ основаніи военныхъ поселеній изъ французскихъ эмигрантовъ, какъ извѣстно, не осуществился ³⁾.

Гораздо важнѣе была *греческая* колонизація, которая находится въ тѣсной связи съ политическими обстоятельствами того времени. По Кучукъ-Кайнарджинскому миру Крымъ, какъ извѣстно, былъ признанъ независимымъ, а вскорѣ затѣмъ (въ 1779 г.) изъ него выселилось много христіанскихъ греческихъ и армянскихъ семействъ (грековъ—20000 чел.). На основаніи жалованной грамоты, имъ была отведена для поселенія земля въ азовской губ. по рр. Соловой, Калміусу и по побережью Азовскаго моря ⁴⁾. Жалованная грамота предоставляла имъ значительныя льготы—исключительное право рыб-

¹⁾ П. С. Зап., т. XXVI, № 19372, ук. 6 апр. 1800 г.

²⁾ А. А. Свальбовскаго. Опытъ, I, 264.

³⁾ См. планъ организаціи этихъ колоній въ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. LIV. 102—205.

⁴⁾ Подробности объ отводѣ имъ земли см. въ Зап. Од. Общ., т. IV, стр. 359—362.

ной ловли, казенные дома, ссуду на хозяйственное обзаведеніе и свободу отъ военной службы. Часть ихъ погибла еще на пути отъ бо-лѣзней и лишеній, а оставшіеся основали городъ Мариуполь и 20 селеній въ окрестностяхъ его ¹⁾). Кромѣ этихъ крымскихъ грековъ, подвергшихся значительному вліянію татаръ, въ Одессѣ и по сосѣдству съ нею поселилось не мало выходцевъ изъ Архипелага, удалившихся оттуда во время извѣстной архипелажской экспедиціи; это такъ называемый греческій дивизионъ. Греки въ Одессѣ пользовались значительными льготами и, можно сказать, положили основаніе одесской торговлѣ; въ 1797 г. ихъ тамъ оказалось 1000 чел. обоего пола ²⁾). Въ Елисаветградѣ греки составили особое братство, пользовавшееся важными привилегіями и державшее въ своихъ рукахъ мѣстную торговлю ³⁾). Въ гг. Таганрогѣ, Керчи и Ениколѣ поселились албанцы, которые также отличались зажиточностью ⁴⁾).

Вмѣстѣ съ греками стали переселяться въ Новороссію *армяне*. Въ 1779 г. они вышли изъ Кафы въ числѣ 651 д. и поселились въ вр. св. Дмитрія Ростовскаго, а затѣмъ въ 4-хъ верстахъ оттуда основали городъ Нахичевань; въ 1780 г. возлѣ той же крѣпости поселилось 603 человекъ, вышедшихъ изъ Крыма подъ предводительствомъ еп. Азарича и арх. Симеона и 1,892 чел., выслевшихся изъ Карасубазара ⁵⁾). Армянскій городъ Нахичевань развивался гораздо быстрѣе Ростова, онъ былъ основанъ, какъ мы видѣли, въ 1780 г., а въ началѣ 80-хъ годовъ въ немъ было уже 1,040 д. русскихъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4,121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ, заводовъ и много каменныхъ домовъ ⁶⁾). Ростовъ нач. XIX ст. показалея одному путешественнику небольшимъ городомъ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго: жители его занимались рыболовствомъ и торговлей; на оборотъ армянскій Нахичевань «знатнѣе и правильнѣе расположенъ и богаче Ростова. Армяне производятъ торговлю на Дону; мы тамъ видѣли много магазиновъ съ различными товарами, а особливо съ шелковыми матеріями и мѣдными издѣлі-

¹⁾ См. статью еп. Гавріила „Переселеніе грековъ изъ Крыма въ азовскую губ.“ (Зап. Од. Общ., I, 197—204).

²⁾ А. А. Скальовскаго. Опытъ, I, 281—283.

³⁾ О греч. братствѣ и его устройствѣ см. любопитную статью г. Ястребова „Греки въ Елисаветградѣ“ (Кіев. Стар. 1884, апрѣль, 673—684).

⁴⁾ Зап. Од. Общ., VIII, 209—210, X, 274—276.

⁵⁾ См. Сборникъ событій въ Новор. краѣ. (Зап. Од. Общ., VII, 305).

⁶⁾ Зап. Об. Общ., III, 297.

лии¹⁾. Другая часть армянъ вышла изъ Кавказа и изъ за Днѣстра и основала г. Григоріополь; вышедшіе изъ Измаила, Бендеръ и др. городовъ армяне просили себѣ многихъ льготъ — и Каховскій считалъ возможнымъ удовлетворить ихъ просьбу²⁾. Сама императрица заботилась о судьбѣ этихъ армянъ; губернатору Каховскому она писала, чтобы «не только всѣ перешедшіе въ предѣлы наши сохранены были, но и чтобы находящіеся за границей ихъ единоземцы, видя ихъ благоденствующихъ, къ нимъ присоединились³⁾».

Видное мѣсто среди иностранныхъ колонистовъ занимаютъ молдаване. Начало ихъ переселенія относится еще къ царствованію имп. Елисаветы Петровны; они въ большомъ количествѣ вошли въ составъ Новосербіи, а за чертою ея образовали, вмѣстѣ съ русскими выходцами, новослободское козачье военно-земледѣльческое поселеніе. О значительномъ присутствіи молдавскаго элемента въ населеніи елисаветградской пров. свидѣтельствуетъ и Гюльденштдеттъ. Онъ же дѣлаетъ характеристику ихъ въ этнографическомъ отношеніи. Другая партія молдаванъ въ к. XVIII и нач. XIX ст. основала города и селенія по р. Днѣстру—Овидіополь, Новые Дубоссары, Тирасполь и др. Тогда же 26 чел. молдавскихъ бояръ и чиновниковъ получили въ тираспольскомъ и ананьевскомъ уѣздахъ до 260,000 десятинъ земли и основали 20 деревень и нѣсколько хуторовъ⁴⁾. Каждый изъ нихъ получилъ по нѣсколько тысячъ десятинъ (отъ 4 до 24 т.); такъ, бригадиру Катаржи было дано 24000 дес., на которыхъ онъ устроилъ 2 деревни съ 779 д. обоего пола, кол. сов. Гаюсу 22,425 д., на которыхъ онъ завелъ 3 деревни съ 763 д. обоего пола, полк. Кесоглу—14,090 д., на которыхъ онъ основалъ одну деревню съ 90 д. Нѣкоторые впрочемъ пожалованныхъ имъ земель не заселили (напримѣръ братья Грамматины). Злоупотребляя положеніемъ русскаго правительства, одинъ изъ молдавскихъ бояръ Стурдза высказалъ слишкомъ неумѣренныя требованія: запрашивалъ для себя 9 селеній, гдѣ жило 11,000 д. муж. пола и было 46,000 д. земли; искательство его нашло себѣ поддержку у извѣстнаго секретари кн. Потемкина Попова, но противъ него выступилъ — и это дѣлаетъ ему большую честь — губ. Ка-

¹⁾ Письма о Крымѣ, 218, 220.

²⁾ Зап. Од. Общ., XII, 403—405.

³⁾ Зап. Од. Общ., II, 660.

⁴⁾ А. А. Скальковского. Опытъ, I, 255, 2-е приложеніе въ „Хрон. обзор.“

ховскій ¹⁾. Свои деревни молдавскіе чиновники заселяли по большей части русскими крестьянами; но, помимо этого, они успѣли укрѣпить за собою 1,000 чел. свободныхъ своихъ земляковъ, что заставило русское правительство издать особый ограничительный указъ, или такъ называемое «положеніе объ обязательныхъ поселеняхъ»; они признавались лично свободными; помѣщикъ могъ распоряжаться только землею, на которой они жили и которая была его собственностью; за эту землю они обязаны были, по молдавскому обычаю, уплачивать десятину отъ земледѣльческихъ продуктовъ и скотоводства, отработывать 12 дней въ году барщины и оказывать помощь въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (при уборкѣ виноградниковъ) ²⁾. Спасло ли это «положеніе» молдавскихъ выходцевъ отъ крѣпостной зависимости, сказать положительно не можемъ; правдоподобнѣе, впрочемъ, что нѣтъ; у молдаванъ—помѣщиковъ были и русскіе крестьяне, которые съ теченіемъ времени сдѣлались ихъ крѣпостными; ихъ состояніе не могло не отражаться на состояніи крестьянъ—молдаванъ. Съ другой стороны молдаване крестьяне не могли не селиться на земляхъ русскихъ помѣщиковъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и русскіе крестьяне. Такимъ образомъ, одна часть молдаванъ вошла въ составъ свободного земледѣльческаго класса (бывшіе военные поселенцы), другая—помѣщичьяго землевладѣльческаго, третья—несвободнаго крѣпостнаго. И тѣ, и другіе, и третьи скоро обрусѣли и обмалорусились, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если они жили смѣшанно съ русскимъ населеніемъ.

Еврейская колонизація также сдѣлала замѣтные успѣхи въ Новороссійскомъ краѣ. Переселеніе сюда евреевъ талмудистовъ изъ западной Россіи и Польши началось въ 1769 г. на основаніи формальнаго разрѣшенія, уничтожившаго силу прежняго запрещенія 1762 г. Изъ пунктовъ 1777 г. видно ³⁾, на какихъ условіяхъ принимали евреевъ, вышедшихъ изъ Польши на жительство въ нѣкоторыя мѣста новороссійской губ. Они должны были сами построить себѣ жилища, школы, но имѣли право держать винокурни и броварни; льгота отъ постояевъ и другихъ повинностей имъ давалась всего на годъ (исключая казенныхъ податей); казенныя подати должны уплачивать или съ капиталовъ (по копейкѣ съ рубля), или съ души (по

¹⁾ Зап. Од. Общ., XII, 379—380.

²⁾ П. С. Зак., т. XXVIII, № 21,458, указ. отъ 20 сент. 1804 г.

³⁾ Д. И. Эварницкаго, Сборникъ мат. для ист. запор. коз. Спб. 1888, 222—225.

2 р. въ годъ); подобно иностраннымъ колонистамъ, они могли привести съ собою товаровъ на 300 р.; пошлина за горячее вино имъ отсрочивалась на одинъ годъ; имъ разрѣшалось нанимать себѣ русскихъ работниковъ, свободно исповѣдывать свою вѣру и т. п. Правительство рассчитывало на выходъ ремесленниковъ или купцовъ и потому селило ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ. И несмотря на то, что льготы, предоставленныя имъ этими пунктами, были невелики, расселеніе ихъ въ городахъ шло не безъ успѣха: правительство оставляло имъ кагалное устройство и предоставляло ихъ, такъ сказать, самимъ себѣ. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ устройствомъ пресловутыхъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. Начало ихъ относится только въ 1807 г., когда первая партія еврейскихъ переселенцевъ образовала въ херсонскомъ уѣздѣ колоніи — Бобровый кутъ, Сейдеминуху, Добрую и Израилевку. Движеніе евреевъ въ Новоросію было вызвано положеніемъ о нихъ 1804 г., по которому они въ мѣстахъ своей осѣлости должны были переходить для промысловъ и торговли изъ деревень въ города. На устройство этихъ колоній правительство израсходовало громадныя суммы (съ 1807 по октябрь 1812 г. на нихъ было истрачено 345,459 р. 82 коп.; главный расходъ падалъ на постройку домовъ). Но результаты получались плачевныя: земледѣліе у евреевъ развивалось очень плохо, а сами они стремились въ города и желали заниматься тѣмъ, чѣмъ занимались у себя на родинѣ — мелкою торговлею, ремеслами, маклерствомъ и т. п. Интересенъ отзывъ о еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ современника — очевидца А. С. Пишчевича: «подъ ихъ (евреевъ-хлѣбопашцевъ) деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пахутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжесть, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какиминибудь домашними кляузами займутъ всю честную «бесѣду» разговоромъ. Воловъ въ это время никому и въ голову не придетъ выпречь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопаш-

цами не будутъ никогда ¹⁾). Этотъ отзывъ подтверждается и официальными данными, заключающимися въ капитальномъ сочиненіи г. Никитина ²⁾. Авторъ его прослѣдилъ во всѣхъ подробностяхъ судьбу еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Новороссіи, и намъ остается только указать на это изслѣдованіе. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что автора его скорѣе можно назвать юдофиломъ, чѣмъ юдофобомъ: онъ всячески старается оправдать евреевъ отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій. И что же? Общее впечатлѣніе получается не въ пользу колоній. Неудачною представляется самая мысль обратить во что бы то ни стало мелкихъ торгашей и ремесленниковъ въ земледѣльцевъ; все это дѣло производить впечатлѣніе какого то искусственнаго ненужнаго эксперимента, отъ котораго страдали и испытуемые и экспериментаторы. Положеніе евреевъ колонистовъ было въ высшей степени печальное. Приходили они на мѣсто «въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи; рѣдкій изъ нихъ имѣлъ самое нужное одѣяніе, у большей же части оно состояло изъ однихъ доскутьевъ, а при помощи кормовыхъ по 5 коп. въ сутки—они чувствовали свое положеніе не много лучше». Отъ непривычнаго климата и дурной воды среди нихъ развивались повальные болѣзни, которыя еще болѣе изнуряли ихъ и дѣлали совершенно неспособными къ непривычному для нихъ земледѣльческому труду. «Жестокіе морозы, писалъ одинъ изъ ревизоровъ, сильнѣйшіе вѣтры, вьюги и глубокіе снѣга завалили въ колоніяхъ избы по крыши. Промежутки колоній до того занесены снѣгомъ, что съ крайнимъ трудомъ сообщеніе между собою имѣть могутъ. Всѣ колонисты жалуются на безкормицу, скотъ околѣваетъ, а люди холодають и голодають.... Жиды въ ужасномъ положеніи и единогласно, съ пролитіемъ слезъ, умоляютъ отвратить ихъ отъ гибели въ худыхъ развалившихся избахъ, безъ крышъ, безъ всякаго пропитанія и топлива, коего за безмѣрными снѣгами и достать негдѣ, они изнемогають отъ холода и голода среди стени!» Лифановъ и Девельдѣвъ нашли «всѣ колоніи въ бѣднѣйшемъ состояніи, а большую часть евреевъ единими лохмотьями покрытыхъ, босыми или нагими ³⁾». Правда, не одни евреи были въ этомъ виноваты, но что они оказались неспособными преодолѣть разнообразныя затрудненія, съ которыми приходилось считаться *всѣмъ* колонистамъ Новороссійскаго края, это, мнѣ кажется, опровергнуть мудрено.

¹⁾ Замѣч. А. Пишчевича на Новорос. край (Кіев. Стар. 1894, январь, 129—130).

²⁾ В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы. 1807—1887 г. Спб. 1887 г.

³⁾ В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы, стр. 25, 75, 85.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще и о *цыганахъ*, которые вели кочевой образъ жизни и дополняли собою пеструю картину народонаселенія Новороссіи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о числѣ всѣхъ этихъ *нерусскихъ* поселенцевъ въ к. 1-й четв. XIX в. сравнительно съ общеою цифрою народонаселенія края. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что нерусскихъ поселенцевъ было здѣсь гораздо меньше, чѣмъ русскихъ. На первомъ планѣ, по числу колонистовъ, нужно поставить славянъ, нѣмцевъ, евреевъ; всѣхъ жителей въ 161 колоніи въ 1822—1823 г. было 52,262 д. обоого пола; евреевъ въ 1844 г. было 46,312 чел., а въ к. 1-й четверти XIX в. гораздо меньше; затѣмъ идутъ греки, молдаване, армяне и др. Общее же число жителей двухъ губерній—херсон. и екатер. въ это время значительно превышало 1,000,000 д. обоого пола. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что Новороссійскій край могъ бы быть заселенъ и однимъ русскимъ народомъ; только колонизаціонный процессъ затянулся бы на болѣе продолжительное время; русское племя (какъ великоруссы, такъ и малоруссы) доказало на дѣлѣ цѣлымъ рядомъ фактовъ свою способность къ дѣлу колонизаціи и при томъ въ самыхъ разнообразныхъ по своимъ естественнымъ условіямъ мѣстностяхъ. Къ сожалѣнію, довольно трудно сдѣлать сравнительную оцѣнку колонизаторскихъ способностей русскихъ людей и иностранцевъ. Иностранцы, вообще говоря, были поставлены въ болѣе благопріятныя условія жизни на новыхъ мѣстахъ, чѣмъ русскіе колонисты. Правительство всѣмъ имъ оказывало такую помощь и поддержку, о какой не могли и мечтать представители господствующей національности. Мы видѣли, какія громадныя льготы получали менониты и вообще нѣмцы, какъ много разныхъ привилегій дано было сербскимъ и вообще славянскимъ выходцамъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ происходило поселеніе армянъ, молдаванъ и грековъ, сколько усилій и затратъ было сдѣлано для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній; эти льготы въ одинаковой степени относились какъ къ городскимъ, такъ и къ сельскимъ поселенцамъ и при томъ онѣ не всегда стояли въ соотвѣтствіи съ тою пользою, которой могло ожидать правительство отъ известной группы переселенцевъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить молдавскихъ бояръ; для нихъ Новороссія оказывалась какимъ то золотымъ дномъ; она давала имъ значительныя богатства, а отъ нихъ взамѣнъ не получала почти ничего. Вообще въ XVIII-мъ вѣкѣ обращали слыхомъ

мало вниманія на цѣнность того продукта, который доставляла намъ западная Европа въ видѣ своихъ колонистовъ; заботились только о скорѣйшемъ заселеніи этихъ пустынь, что вызывалось отчасти значительными земельными приобрѣтеніями того времени. И эта цѣль достигалась. Въ 1768 году общее число жителей въ Новороссіи равнялось 100,000 человекъ, въ 1797 г. превысило 850,000, въ 1822—1823 годахъ—1,500,000 душ. обоего пола, т. е. въ первые 28 лѣтъ увеличилось въ $8\frac{1}{2}$ разъ, а въ послѣдующіе 25 лѣтъ меньше чѣмъ въ 2 раза. Къ сожалѣнію, эти цифры не даютъ намъ возможности сдѣлать вывода о процентномъ возрастаніи населенія путемъ одной колонизаціи и естественнаго прироста жителей, во 1-хъ потому, что сюда вошли обыватели присоединенныхъ областей (Запорожья, Крыма, Ногайской и Очаковской земель), а во 2-хъ потому, что предѣлы территоріи Новороссійскаго края постоянно измѣнялись подъ вліяніемъ различныхъ административныхъ реформъ (то сокращались, то расширялись). Какъ бы то ни было, если мы даже примемъ во вниманіе указанное выше обстоятельство (увеличеніе числа жителей отъ присоединенія новыхъ областей), то и тогда должны будемъ сказать, что заселеніе края прошло особенно быстро въ XVIII в. Заботясь исключительно о количественномъ возрастаніи иностранныхъ колонистовъ и не обращая почти никакого вниманія на ихъ подготовку и способности къ дѣлу колонизаціи, правительство естественно должно было испытывать разочарованія и неудачи. Такъ вышло, какъ мы видѣли, со славянскимъ переселенческимъ движеніемъ; такъ было отчасти и съ другими иностранными выходцами екатерининскаго времени. Неудивительно поэтому, что правительство имп. Александра I-го рѣшилось оставить прежнюю систему (тѣмъ болѣе, что въ ней теперь не было уже никакой надобности) и принимать (а не вызывать) только такихъ иностранцевъ, въ которыхъ нуждался край, которые могли быть полезны ему въ культурномъ отношеніи. Конечно, и здѣсь ожиданія правительства не всегда исполнялись, но дѣло было все таки поставлено на вѣрный путь.

Въ слѣдующей, заключительной и послѣдней главѣ мы рассмотримъ, изъ какихъ стихій сложилась нынѣшняя культура Новороссійскаго края, что привнесъ въ нее каждый изъ тѣхъ этнографическихъ элементовъ, которые вошли въ составъ мѣстнаго населенія.

ГЛАВА 5-я.

Зачатки мѣстной культуры.

Историческія данныя о матеріальной культурѣ.—Земледѣліе.—Садоводство. Огородничество.—Скотоводство.—Рыболовство. Добыча соли и каменнаго угля.—Торговля.—Движеніе умственной культуры.—Роль русскаго населенія и иностранцевъ.—Роль правительства и характеристика его главнѣйшихъ дѣятелей.

Уже въ предшествующемъ изложеніи, посвященномъ исторіи заселенія края, мы касались и культурной дѣятельности колонистовъ. Теперь мы займемся этимъ вопросомъ нѣсколько болѣе подробно, чтобы составить себѣ понятіе какъ объ общемъ движеніи культуры, такъ и о роли въ ней различныхъ народностей, заселившихъ Новороссійскій край. Изъ своего обзрѣнія мы вовсе исключаемъ характеристику культурнаго состоянія турецко-татарскаго населенія, потому что оно представляетъ изъ себя не колонистовъ, а туземцевъ¹⁾. Приведемъ сначала цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ видамъ матеріальной культуры, скажемъ нѣсколько словъ объ умственномъ состояніи общества и тогда уже сдѣлаемъ общія заключенія.

Земледѣліе въ Новороссійскомъ краѣ въ началѣ XIX в. достигло громаднхъ размѣровъ и край этотъ изъ дикой пустыни превратился въ житницу Россіи, какою онъ остается и доселѣ. Конечно, это совершилось не вдругъ, а постепенно, не безъ борьбы и усилій. Кромѣ татаръ, нужно было вести упорную борьбу и съ мѣстной природой, характеръ которой въ общихъ чертахъ намъ уже извѣстенъ; въ такомъ именно положеніи были запорожцы; представляя изъ себя отрасль земледѣльческаго народа, они естественно не хотѣли бы чуждаться сельско-хозяйственныхъ занятій; но мѣстныя условія жизни должны были на время заглушить ихъ стремленіе къ мирнымъ занятіямъ пахаря или, какъ иронически выражались они, «гречкосіа». Впрочемъ, въ пол. XVIII в. въ самомъ Запорожьѣ замѣтенъ уже поворотъ къ новымъ формамъ и условіямъ жизни и быта; въ запорожскихъ паланкахъ, находившихся въ сѣверной части владѣній войска возлѣ рр.

¹⁾ Турецко-татарское населеніе г. Кибурна и др. мѣстъ, уступленныхъ Россіи, имѣло своеобразную культуру: занималось скотоводствомъ, земледѣліемъ, огородничествомъ, садоводствомъ, собирало соль и возило её на продажу въ Очаковъ, устраивало водопроводы; изъ фруктовыхъ деревьевъ оно разводило миндаль, яблоки, груши, вишни, шепталу, абрикосы, ерѣхи, шелковицу, розы, айву и виноградъ (см. „Топ. оп.“ въ Зап. Од. Общ., т. 7-й).

Самары и Орели (въ самарской, кодацкой, орельской и протовчанской) занимались уже земледѣліемъ: сѣяли преимущественно просо, овесъ, гречиху, ячмень и горохъ, а также озимую рожь и пшеницу; рожь, пшеница и ячмень родились у нихъ самъ десять, а просо самъ 30; держали запорожцы и небольшія бахчи и сѣяли тамъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, арбузы, дыни, рѣдьку, капусту, свеклу, горохъ, пшеничку и лукъ ¹⁾).

Болѣе позднимъ поселенцамъ Новороссійскаго края приходилось уже вести борьбу только съ одной природой; но эта борьба была не легкая. Любопытныя свѣдѣнія о затрудненіяхъ, которыя испытывали первые поселенцы отъ неблагоприятныхъ естественныхъ условій края, сообщаетъ современникъ кн. Потемкина свящ. Маркіановъ; важнѣйшія препятствія, заставлявшія иногда переселенцевъ возвращаться назадъ, были слѣдующіи: вредныя испаренія плавень, мошки и комары, овражки, или суслики; сюда нужно присоединить еще цѣлый рядъ другихъ не менѣе важныхъ неудобствъ: трудность вспахивать твердую степную цѣлину, частыя засухи и, какъ слѣдствіе ихъ, неурожай, недостаточное количество или недоброкачественность воды, вызывавшую у людей и животныхъ разныя болѣзни, зимнія вьюги, метели и холода, нерѣдко истреблявшіе растительность, а въ особенности скотъ, недостатокъ топлива, заразительныя болѣзни, въ родѣ знаменитой чумы 1812 г. и т. п. Нужна была привычка къ перенесенію всѣхъ этихъ невзгодъ, чтобы онѣ на первыхъ же порахъ не убили энергіи въ поселенцахъ и не заставили ихъ пожалѣть о покинутой родинѣ.

Конечно, большое значеніе имѣла здѣсь та поддержка, которую оказывало правительство новымъ поселенцамъ; быть можетъ, и колоніи менонитовъ не достигли бы такихъ блестящихъ результатовъ въ сферѣ своей сельско-хозяйственной дѣятельности, еслибы онѣ не получили такой щедрой помощи отъ казны, какую онѣ, какъ мы видѣли, получили. Земледѣльческое процвѣтаніе колоній зависѣло отъ трехъ главнѣйшихъ факторовъ: мѣстныхъ условій, матеріальнаго достатка для приобрѣтенія орудій производства и др. первоначальныхъ расходовъ и, наконецъ, опытности, искусства, энергіи и добросовѣстности самихъ колонистовъ. И при оцѣнкѣ достигнутыхъ результатовъ необходимо принимать во вниманіе всѣ эти обстоятельства.

¹⁾ Скальковскаго — *Исторія Новой Сѣви*, I, 179—180; *Зап. Од. Общ.*, т. 7-й стр. 185.

Менонниты, какъ мы видѣли, находились въ очень благопріятныхъ условіяхъ: сами имѣли средства, получили ссуду, вели хозяйство по рациональному способу, но и они изнемогали въ борьбѣ съ условіями мѣстной природы (климата, почвы и т. п.); колоніи другихъ нѣмецкихъ выходцевъ также потребовали энергической поддержки правительства и на первыхъ порахъ развивались довольно плохо. Но сильнѣе и рѣзче всего сказалось вліяніе мѣстныхъ неблагопріятныхъ условій на еврейскихъ колонистахъ: они явились, такъ сказать, совсѣмъ безоружными на борьбу съ природой Новороссійскаго края; вчерашніе торгоши и мелкіе ремесленники должны были обратиться въ земледѣльцевъ въ плодородномъ, но дикомъ, пустынномъ краѣ, подверженномъ лѣтнимъ засухамъ и зимнимъ мятелямъ, повальнымъ болѣзнямъ отъ недостатка и недоброкачественности воды и нашествію вредныхъ насѣкомыхъ. Не мѣшаетъ также вспомнить, какія испытанія должны были вынести сербскіе выходцы. Наиболѣе приспособились къ условіямъ мѣстной жизни малороссійскіе поселенцы, въ особенности тѣ, которые имѣли близкое отношеніе къ бывшимъ запорожцамъ. Неудивительно поэтому, что господствующимъ типомъ хозяйства являлся малороссійскій, а затѣмъ уже слѣдовали молдавскій, татарскій и рациональный. Характеристическими чертами малороссійскаго хозяйства были плугъ, волъ и возъ, обширное скотоводство безъ загоновъ и слабое развитіе огородничества; молдавское хозяйство стояло не выше малороссійскаго: у нихъ очень хорошо только шло овцеводство и коневодство; но хозяйство болгаръ и отчасти великоруссовъ — раскольниковъ должно быть поставлено выше того и другаго: здѣсь рядомъ съ земледѣліемъ процвѣтало садоводство, винодѣліе и огородничество; наконецъ, самую высшую степенъ занимаетъ хозяйство меноннитовъ и нѣмцевъ (въ особенности первыхъ); у нихъ не вола, а лошади; скоть улучшенныхъ породъ; земледѣльческія орудія заграничныя; почва обрабатывается отлично, иногда даже удобряется¹⁾. Къ сожалѣнію, ни практика рациональнаго хозяйства, существовавшая у нѣмцевъ, ни теоретическіе совѣты разныхъ администраторовъ, ни земледѣльческія школы, проектированныя Потемкинымъ близъ Николаева и въ Екатеринославѣ (при университетѣ), не могли замѣтно повліять на господствующую систему сельскаго хозяйства и ввести въ нее необходимыя улучшенія; университетъ въ Екатеринославѣ, какъ извѣстно, не осуществился, а менонниты представ-

¹⁾ А. А. Скальовскаго. Опытъ., II, 23, 14, 18—19, 21.

лили изъ себя замкнутую корпорацію, мало вліявшую на своихъ сосѣдѣй; слѣдовательно, надежды, возлагавшіяся на культурную миссію менонитовъ, далеко не оправдались. Тѣмъ не менѣе, вообще говоря, уже въ началѣ XIX ст. Новороссійскій край слѣдался житницей Россіи. Въ 1803 г. въ екатеринославской губ. было посѣяно 418,195 чет. озимаго и яроваго хлѣба, уродилось 1,565,856 ч., а осталось за посѣвомъ и продовольствіемъ на продажу 446,468 ч.; въ 1804 г. посѣяно 413,047 ч., собрано 2,387,708 ч., осталось 1,079,017 ч. Нельзя не поразиться здѣсь сильными колебаніями урожая; еще болѣе сильныя колебанія были въ херсонской губ. Тамъ земледѣліе шло особенно успѣшно въ мѣстахъ, прилегающихъ къ подольской, кiev. и екатер. губ., а въ нижнемъ теченіи Буга, Ингула, Днѣпра, а особенно по берегамъ Чернаго моря до Днѣстра было очень много сухихъ и песчаныхъ бесплодныхъ пространствъ. Урожай были въ высшей степени измѣнчивы: иногда бывали значительныя остатки, а иногда настоящей недородъ; такъ, въ 1803 г. посѣяно было всякаго хлѣба 261,425 ч., уродилось 554,318, на продовольствіе не доставало 265,031 ч., въ 1804 г. посѣяно 205,497, собрано 1,430,634 ч., осталось за посѣвомъ и продовольствіемъ 644,207 ч. ¹⁾

Едва ли не важнѣйшій недостатокъ Новороссійскаго края заключается въ скудости лѣсовъ. Такимъ образомъ, явилась необходимость съ одной стороны принять мѣры противъ истребленія существовавшихъ еще лѣсовъ, съ другой позаботиться объ искусственномъ насажденіи новыхъ; необходимо было также приложить старанія къ разведенію садовъ. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ запорожцамъ. «Въ архивѣ послѣднихъ годовъ запорожскаго быта, говоритъ г. Скальбовскій, находимъ множество благоразумныхъ распоряженій, а слѣдственно стараній, воша о сохраненіи лѣсовъ, байраковъ, плавень и садовъ, разведеніи деревьевъ плодовыхъ (*родючою дерева*) и огородовъ». И дѣйствительно, изъ приводимыхъ имъ документовъ видно, что на истребленіе лѣсовъ, садовъ, служившихъ къ общественной пользѣ, запорожцы смотрѣли, какъ на тяжкое преступленіе: *«не стра-*

¹⁾ Зябловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 305, 339—340. Вѣроятно, частные неурожаи привели А. Ст. Пшчевича къ странной мысли о необходимости приостановить колонизацію Новороссійскаго края въ нач. XIX ст., потому что въ немъ, по климатическимъ условіямъ, не можетъ процвѣтать земледѣліе, а только одно скотоводство; но это послѣднее требуетъ простора; „большое же число людей на сей степи только будетъ таготить народъ, а пользы никакой не принесетъ (Кіев Старина, 1884, январь, 123, 129).

шась истязанія Божія за искорененіе онаго дерева, съ пользу общюю ежегодно дающею плодъ, безразсудно вырубили»...., говорится въ ордерѣ писарю и есаулу кодацкой паланки ¹⁾. Два нынѣшнихъ екатеринославскихъ сада (Потемкинскій и городской) были первоначально разведены запорожцемъ Лазаремъ Глобою ²⁾. Со времени прочнаго заселенія края заботы о насажденіи лѣсовъ и садовъ, естественно, еще болѣе усилились.

Видную роль въ этомъ дѣлѣ играли Мельгуновъ (правитель Новосербіи), Потемкинъ, Ришелье, французскій ботаникъ Дескетъ и ген. Инзовъ. 1-й развелъ садъ въ кр. св. Елисаветы и въ другихъ мѣстностяхъ Новой Сербіи; объ этихъ садахъ говоритъ акад. Гюльденштедтъ; въ елисаветградскомъ саду, по его словамъ, были аллеи изъ вишневыхъ деревьевъ, много винограду, волошскіе орѣхи и т. п.; въ криковскомъ саду было 1000 вишневыхъ деревьевъ, виноградъ, сливы, яблони, грушевыя деревья и т. д. ³⁾. Потемкинъ устроилъ 2 сада въ Херсонѣ, купилъ 2 сада въ Екатеринославѣ у Глобы, причемъ въ одинъ изъ нихъ перевелъ свою великолѣпную оранжерею, и, наконецъ, поручилъ французскому садовнику Я. Фабру устроить дачу на Бугѣ при впаденіи въ него р. Ингула. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ садовъ, по смерти Потемкина, заглохли; такова была судьба одного изъ херсонскихъ садовъ; екатеринославскій его садъ также былъ заброшенъ, а оранжерея продана съ публичнаго торга ⁴⁾; многіе садки и лѣски, заведенныя въ качествѣ декорацій на «екатерининскомъ пути», исчезли очень скоро послѣ проѣзда императрицы. Печальна была судьба и николаевскаго сада, заведеннаго въ потемкинское время. «Въ саду, разведенномъ за 10 лѣтъ передъ симъ, говорить путешественникъ Измайловъ, гдѣ расточены были всѣ богатства природы, куда выписывали лучшія растенія изъ чужихъ краевъ, гдѣ труды и искусство насадили, можетъ быть, произведенія 4-хъ странъ свѣта, въ семъ саду не осталось нынѣ ни одного дерева: нѣкоторыя сожжены, другія порублены. Рука времени не такъ разрушительна, какъ рука человѣка» ⁵⁾. Дюкъ де Ришелье много сдѣ-

¹⁾ А. А. Стальевскаго. Ист. новой Сѣчи, I, 190—191.

²⁾ Устное повѣств. Н. Л. Коржа, 57.

³⁾ Reisen durch Russland, II, 178, 190.

⁴⁾ Екат. юб. листокъ, № 21, 204—206.

⁵⁾ Путеш. въ полуденную Россію, II, 107—108. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что книга Измайлова изобилуетъ риторикой и бѣдна фактами; вѣроятно, и здѣсь онъ нѣсколько преувеличиваетъ.

ладъ не только для одесскихъ, но и херсонскихъ и екатеринославскихъ садовъ. Десметъ устроилъ ботаническій садъ въ Одессѣ на голй стени. Ген. Инзовъ способствовалъ разведенію садовъ въ иностранныхъ колоніяхъ. Виноградники и туковыя плантаціи были разведены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края (мы не говоримъ, конечно, о Крымѣ), но дѣло это успѣшно не пошло; правительство употребляло различныя мѣры къ разведенію туковыхъ деревьевъ, затрачивало средства, но результаты были незначительныя. Кромѣ казенныхъ садовъ, были еще частныя; таковы, напр., были знаменитыя тираспольскіе сады, расположенныя въ плодороднѣйшей дѣлстровской долинѣ, и мн. др. Своими великолѣпными огородами славилась раскольница (въ Елисаветградѣ, Тирасполѣ, Дубоссарахъ и другихъ мѣстахъ херс. губ.)¹⁾. Табаководство также представляло изъ себя одинъ изъ древнихъ промысловъ (имъ занимались еще запорожцы).

Скотоводство было древнѣе земледѣлія въ Новороссіи, ибо какъ нельзя лучше было приспособлено къ условіямъ мѣстной природы; оно составляло главное занятіе туземныхъ татаръ и запорожцевъ; стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота и табунны лошадей составляли главное богатство Запорожья; лошади запорожскія славилась и за предѣлами Коша; въ особенности процвѣтало скотоводство въ зимовникахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ и авторъ «Топогр. опис.». Скотъ лѣто и зиму былъ у нихъ на подножномъ корму; пастухи же, или такъ называемыя чабаны (иначе табунщики, скотари) имѣли у себя, подобно погайцамъ, на случай холода и непогоды коши; такъ назывались палатки, обитыя войлокомъ и стоящія на 2-хъ колесахъ; въ кошѣ была кабыця, т. е. очагъ, гдѣ варилась пища для людей и собакъ и гдѣ можно было обогрѣться и обсушиться²⁾. О размѣрахъ скотоводства можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Во время нападенія татаръ въ 1769 г. у кошеваго атамана былъ отогнанъ табунъ въ 600 лошадей, у полковника Колпака—1,200 овецъ, 127 лошадей и 300 головъ рогатаго скота, у козака Ѡ. Рудя—5010 овецъ и 6 воловъ, у козака Ѡ. Горюхи—2,000 овецъ и 6 лошадей, у козака Обрама 200 лошадей и 50 воловъ, у писаря Глобы—4,000 овецъ, 10 лошадей и 130 воловъ и т. п.; всего было захвачено та-

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 103—119, 122—124, 154—160, 193—198, 305—306.

²⁾ Устное повѣствованіе Н. Л. Коржа, стр. 33.

тарами болѣе 100,000 овецъ и 10,000 лошадей ¹⁾). Съ появленіемъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ поселенцевъ, съ умиротвореніемъ края, размѣры скотоводства значительно увеличились. Въ нач. XIX ст. въ Новороссіи числилось 6. 2^{1/2} мил. головъ скота. Но страшнымъ тормазомъ для развитія этого промысла являлись суровыя зимы и чума. Въ страшную морозную зиму 1812 г. погибло 1,250,352 штуки скота, т. е. половина всего наличнаго числа (878,968 овецъ, 230,059 головъ рогатаго скота, 140,455 штукъ лошадей, 209 буйволовъ и 661 верблюды ²⁾). Мы повѣримъ этому извѣстію, если вспомнимъ, что скотъ въ Новороссійскомъ краѣ держали круглый годъ на подножномъ корму: только зимою загоняли его въ камыши, а весною выгоняли на степь ³⁾. Въ XIX в. начались довольно успѣшно опыты разведенія тонкорунныхъ овецъ, по иниціативѣ министра Кочубея; первые начали заниматься этимъ промысломъ въ широкихъ размѣрахъ иностранцы Рувье и Миллеръ, которымъ оказана была значительная помощь отъ казны. Въ 1823 году въ херсон. губ. было уже 199,280 мериносовъ, въ екатериносл.—114,980, въ таврич.—112,000; результатомъ этого было усиленіе торговли шерстью; въ разведеніи мериносовъ и вообще улучшенныхъ породъ скота принимали видное участіе менонниты ⁴⁾. Что касается охоты и звѣроловства, то онѣ особенно процвѣтали у запорожцевъ, которые охотились за лисицами, волками, зайцами, дикими конями, сукаками, дикими козами и выдрами, съ капканами, собаками и ружьями ⁵⁾. Рыболовство было также древне, какъ и звѣроловство. Рѣки Новороссійскаго края, какъ мы видѣли, изобиловали рыбою, и запорожцы ловили ее въ громадномъ количествѣ. Ежегодно войско бросало ласы (жребій) на всѣ свои рыбныя ловли; обитатели 4-хъ паланокъ (калміусской, бугогардовой, прогнойнской и ингульской) почти исключительно занимались рыбной ловлей ⁶⁾; пойманную рыбу они солили или вялили (а соль добывали въ кинбурнскихъ озерахъ) и развозили по городамъ и деревнямъ Малороссіи и Польши ⁷⁾. Рыбный промыселъ игралъ важную роль и въ болѣе позднюю пору жизни Новороссійскаго края и достигъ,

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Ист. Нов. Сѣчи, I, 184.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 340.

³⁾ Зябловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 341.

⁴⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 353—364.

⁵⁾ Зап. Ох. Об. VII, 186.

⁶⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 405.

⁷⁾ Зап. Ох. Общ., VII, 186.

КОЛОД. НОВОРОС. КРАЯ.

конечно, тогда еще большаго развитія, чѣмъ въ эпоху самостоятельности Запорожья.

Изъ промысловъ, относящихся къ міру ископаемыхъ, слѣдуетъ указать на добычу соли и каменнаго угля. Болѣе всего изобиловалъ солью Крымъ, и такимъ образомъ, съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ нашемъ распоряженіи очутился источникъ значительныхъ богатствъ; въ 1823 году, напримѣръ, крымской соли было продано на 5,000,000 рублей ас. Запорожцы, какъ мы видѣли, добывали соль въ прогняхъ. Сначала козаки изюмскаго полка, а потомъ казна и частныя лица эксплуатировали для той же цѣли Бахмутскіе соляныя промыслы, но добыча соли здѣсь была не особенно велика и обходилась довольно дорого. Собирали соль и въ Хаджибейскомъ лиманѣ. Въ концѣ XVIII в. было найдено столь необходимое при безлѣсіи края минеральное топливо. Каменный уголь былъ открытъ уже въ 1790 г. и Потемкинъ велѣлъ доставить въ Николаевъ 100,000 пуд. для казенныхъ кузницъ и на продажу частнымъ лицамъ ¹⁾; впоследствии уголь нашли въ многихъ мѣстностяхъ нын. екатер. губ. и земли войска донскаго. Минеральныя богатства Криваго Рога прозрѣвалъ уже акад. Зуевъ, проѣзжавшій по этимъ мѣстамъ въ 1782 г. ²⁾ Въ 1790 г. здѣсь добывали аспидъ, котораго адмиралтейскіе мастеровые и турки, посланные кн. Потемкинымъ, наломали за одинъ разъ и вывезли 130 возовъ, и разныя краски, которыхъ набрали 70 возовъ ³⁾. Потемкинъ принималъ уже мѣры къ устройству здѣсь чугунно-литейнаго завода ⁴⁾ Такой заводъ былъ основанъ въ 1795 г. въ Лугани ⁵⁾.

Такъ постепенно развивалась промышленность Новороссійскаго края, а въ связи съ нею расширялась и торговля. Первые зачатки ея мы видимъ въ Запорожьѣ. Кошъ велъ и внутреннюю, и заграничную, и сухопутную, и морскую торговлю. Въ Сѣчь, находившуюся на р. Подпольной, приходило ежегодно по 5—10 турецкихъ кораблей съ «бакалейю и виномъ» (кромѣ крымскихъ и очаковскихъ). По словамъ Пейсоннеля, украинскіе и запорожскіе козаки спускались по Днѣпру къ Очакову, гдѣ продавали баранье сало, кожи, табакъ, ве-

¹⁾ Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

²⁾ Путешественныя записки, 269.

³⁾ Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

⁴⁾ Екатеринославскій юбил. листокъ, № 6, стр. 51; къ сожалѣнію, мы не могли достать брошюры инженера Штриппельмана и не нашли въ „М. Сб.“ статьи инж. Сѣмечкина, на которую ссылается авторъ замѣтки г. Шрейдеръ.

⁵⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II 508—515.

ревки, русскія полотна, дрова, точильные камни, сушеную рыбу, рыбный клей, а вывозили отсюда вина, соль, сушеные фрукты, масло, ладонъ, персидскій ситець, сафьянъ и др. товары ¹⁾. Сухопутную заграничную торговлю запорожцы вели съ Крымомъ и Польшей, а внутреннюю съ Малороссіей, Слободской Украиной, и Новосербіей ²⁾. Важнымъ тормазомъ для торговли Запорожья съ Малороссіей являлись внутреннія таможи (въ Переволочной и Кременчугѣ), которыя, впрочемъ, въ 1755 г. были уничтожены. Въ это время, по приблизительному (вѣроятно уменьшенному) расчету самихъ запорожцевъ, ежегодно изъ Малороссіи въ Сѣчь привезлось 10,000 четвертей ржи, 1,000 ч. пшеницы, 5,000 ч. пшена, 500 бочекъ горѣлки, 200 бочекъ солоду, 1,000 ведеръ прѣснаго меду, 4,000 пудовъ нитокъ на рыболовныя снасти, 20,000 аршинъ полотна, 20,000 арш. хрящу, 4,000 штукекъ житайки на кафтаны, 4,000 арш. сукна, 2,000 арш. разныхъ матерій, не считая овецъ, шкуръ, пороку, свинцу, пуль; изъ Сѣчи же въ Малую Россію отвозилось 1,500 возовъ рыбы, 2,000 возовъ соли, 4000 возовъ мягкой рухляди волчьихъ и лисьихъ шкуръ, 1,000 лошадей, 1,000 головъ рогатаго скота и до 1,000 пудовъ свиного сала ³⁾.

Но понятное дѣло, что размѣры новороссійской торговли должны были значительно увеличиться съ приобрѣтеніемъ побережья Чернаго моря и постройкою новыхъ городовъ. Не имѣя возможности долго останавливаться на этомъ сложномъ вопросѣ, мы приведемъ только нѣсколько цифровыхъ данныхъ, которыя лучше всякихъ разсужденій охарактеризуютъ намъ степень развитія торговой дѣятельности въ Новороссіи. Въ теченіе одного 1782 г. изъ черноморскихъ портовъ моремъ и сухимъ путемъ было привезено въ Константинополь товаровъ на 337,398 р. 12 коп.,—главными предметами привоза были желѣзо, масло, пушной товаръ, паясная игра, табакъ, веревки, кожи. Вывезено изъ Константинополя въ южную Россію на 190,561 р. 22³/₄ коп., главными предметами вывоза были вина, изюмъ, бумажная пряжа, шелковые товары; слѣдовательно, отпущено было товаровъ изъ Россіи на 146,836 р. 89¹/₄ к. болѣе, чѣмъ получено ⁴⁾. Съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма (въ 1783 г.) черноморская торговля стала развиваться съ поразительною быстротою. Въ Таган-

¹⁾ *Traité sur le commerce de la mer Noire*, I, 297—298.

²⁾ Подробности см. у А. А. Скальковскаго. *Ист. Нов. Сѣчи*, I, 212—244.

³⁾ А. А. Андріевскаго. *Мат. для ист. южнор. края*, 310—312.

⁴⁾ Сборн. антр. и этногр. ст., изд. Дашковимъ, I, прим. II.

рогѣ цѣнность привозныхъ иностранныхъ товаровъ съ 1782 по 1805 г. возрасла съ 69,000 до 2,440,000 р., вывозныхъ съ 225,000 до 2,272,000; главными предметами вывоза были продукты мѣстной промышленности ¹⁾. Въ 1794 г. въ Очаковъ привезено было товаровъ на 244,340 р., вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—на 148,433 р., изъ Николаева на 106,532 р., привезено сухимъ путемъ изъ заграницы на 989,504 р., вывезено на 1,054,663 р. Одного хлѣба изъ портовъ очаковского, херсонскаго, николаевскаго и таганрогскаго отпущено было 244,099 четвертей и 211,548 п. Въ 1804 г. изъ одной Одессы, которая заняла первенствующее положеніе, было вывезено болѣе $\frac{1}{2}$ мил. четвертей пшеницы цѣною въ 3 мил. рублей. Въ 1805 г. торговые обороты Одессы возрасли до $5\frac{1}{2}$ мил. руб., за нею слѣдуетъ Таганрогъ съ оборотомъ также въ $5\frac{1}{2}$ мил., а за ними уже довольно низко должны быть поставлены Керчь, Ениколь, Херсонъ, Мариуполь и Николаевъ. Кульминаціоннаго пункта торговые обороты достигли въ 1817 году; въ Одессѣ они равнялись 60 мил., въ Таганрогѣ 17 мил.; послѣ этого они значительно сократились и въ 1822 г. въ 4-хъ важнѣйшихъ портахъ (съ Одессой влючительно) равнялись 31 мил. р. Главнымъ предметомъ торговли служилъ хлѣбъ, потомъ шерсть и вообще продукты мѣстной промышленности ²⁾.

Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи (хотя б. м. далеко неполномъ) съ матеріальною культурой развилось и просвѣщеніе въ Новороссійскомъ краѣ. Даже въ Запорожѣ мы находимъ уже нѣкоторое число «письменныхъ», т. е. грамотныхъ людей и школу. Послѣ наденія Сѣчи, въ разныхъ селеніяхъ екат. губ., заселенныхъ малороссіянами, существовали школы, подходящія къ обычному типу народныхъ школъ въ Малороссіи XVIII в. ³⁾ Потемкинъ, какъ извѣстно, проектировалъ устройство университета съ академіей художествъ въ Екатеринославѣ и медико-хирургическаго училища въ Симферополѣ; но эти проекты не осуществились и въ царствованіе Екатерины II-й были открыты въ Новороссіи только народныя училища. Гораздо успѣшнѣе пошло дѣло образованія въ царствованіе имп. Александра I-го. Въ Екатеринославѣ, Херсонѣ, Таганрогѣ, Симферополѣ были открыты гимназіи, въ Николаевѣ штурманское флотское и артиллерійское училища, въ Одессѣ

¹⁾ Забловскаго. Землеописаніе V, 324—325.

²⁾ Всѣ эти цифры мы заимствовали изъ 1-го и 2-го тома „Хронол. обзор.“ А. А. Скальковскаго.

³⁾ См. объ этомъ въ „Ист. Нов. Сѣчи“ А. А. Скальковскаго и въ „Мат.“ преосв. Θεοδοсія.

мужской институтъ, обращенный въ 1817 г. въ Ришельевскій лицей, женскій институтъ, коммерческое училище; въ другихъ городахъ и селеніяхъ были заведены уѣздныя и городскія училища, въ Екатеринославѣ духовная семинарія; значительныя библіотеки находимъ въ Одессѣ (при лицей), въ Николаевѣ (съ 1803 г., вѣдомства черноморскаго флота), въ Севастополѣ; типографіи—въ Николаевѣ (съ 1798 г.), въ Одессѣ (съ 1814 г.), собранія древностей въ Керчи и Николаевѣ (хранилось при черноморскомъ гидрографическомъ депо и было передано въ музей Одесскаго общества), первую газету въ Одессѣ (*Messenger de la Russie meridionale* ¹).

Даваѣ общую оцѣнку результатовъ культурной дѣятельности народностей, заселившихъ Новороссійскій край, мы должны будемъ помнить, что дѣятельность эта начала свободно развиваться только со времени полного умиротворенія края, т. е. съ покоренія Крыма; въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII в. надъ нею висѣла еще гроза татарскихъ набѣговъ, а въ 1-й половинѣ XVIII в. и въ особенности въ XVI—XVII ст., въ запорожскій періодъ исторіи степей, здѣсь почти вся энергія русскаго поселенца—козака должна была уходить на оборону края, а не на развитіе мѣстной культуры, но несмотря на крайне неблагоприятныя условія военнаго быта, и въ Запорожьѣ мы замѣтили зачатки земледѣльческой, промышленной, торговой и даже умственной дѣятельности, и эти зачатки, конечно, заслуживаютъ полнаго вниманія, несмотря на ихъ скромные размѣры. Такимъ образомъ, неправъ былъ въ своемъ отзывѣ о запорожцахъ А. Пишчевичъ, который говорилъ, что они никакой пользы государству не приносили; неправъ былъ и Ришелье, который заявлялъ, что цивилизація у запорожцевъ не сдѣлала никакихъ успѣховъ и что они сами старались уничтожить ее у сосѣдей своими набѣгами и разбойническими нападеніями ²); неправъ былъ и потомокъ молдавскаго выходца—боярина Стурдза, который въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго общества говорилъ: «мы ничего не наслѣдовали въ этой юной странѣ отъ своихъ предковъ, кромѣ затоптанной кочевьями степной земли, и на ней все должны создать: готова тѣнь, и плодъ, и воду, пріютъ для потомства» ³). Интересно, что всѣ эти 3 лица не русскіе, а иностранцы.

¹) Длинкова. Ист. и стат. взглядъ на успѣхи умств. образованія въ Новор. краѣ (Зап. Од. Общ. II, 330—356).

²) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., LIV, p. 307.

³) А. А. Скальбовскаго. Опытъ, II, 98—99.

Съ завоеваніемъ Крыма, открывается новая эра въ культурной жизни Новороссійскаго края; отселъ уже приходится вести борьбу не съ татаринѡмъ, а съ дѣвственной природой края; нужно было обратить пустыню въ пахатное поле, развести лѣса и сады, завести въ широкихъ размѣрахъ скотоводство, проникнуть въ нѣдра земли и извлекать оттуда богатства, воспользоваться вновь приобрѣтеннымъ побережьемъ Чернаго и Азовскаго морей и организовать на твердыхъ началахъ привозную и отпускную торговлю и, наконецъ, насадить здѣсь сѣмена просвѣщенія и образованія. И все это было достигнуто соединенными усиліями народа и государства, русскихъ людей и иностранныхъ поселенцевъ! Не мало было сдѣлано иностранными выходцами, изъ которыхъ многіе стояли на болѣе высокой степени культурнаго развитія, чѣмъ русскіе поселенцы. Нельзя умолчать о томъ, что они сдѣлали для развитія земледѣлія, скотоводства и въ особенности торговли; эта послѣдняя, можно сказать, всецѣло находилась въ рукахъ грековъ, армянъ, евреевъ; а торговля (въ особенности заграничная) создала силу, богатство и значеніе повороссійскихъ городовъ; слѣдовательно, никѡмъ образомъ нельзя отрицать вліянія иностранныхъ переселенцевъ на быстрый ростъ городскихъ торговыхъ центровъ. Гораздо менѣе замѣтно ихъ вліяніе на сельскій бытъ, хотя бы даже въ области того же земледѣлія и скотоводства. Сами они, безспорно, были лучшими сельскими хозяевами, чѣмъ окружающее ихъ русское населеніе, но, благодаря ихъ замкнутости, корпоративному устройству, степень культурнаго вліянія на остальную массу поселенцевъ не могла быть велика. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что уже въ пол. XIX ст. изъ 3½ мил. жителей Новороссіи только 102,300 чел. занимались земледѣліемъ по рациональному способу, а по малороссійскому 2,300,000 чел. Такимъ образомъ, иностранные поселенцы сдѣлали много и для заселенія Новороссійскаго края, и для развитія въ немъ культуры, но, какъ намъ кажется, меньше, чѣмъ русское населеніе. Это послѣднее было поставлено въ несравненно менѣе выгодныя условія, чѣмъ иноземцы: ему приходилось еще бороться съ татарами; оно получало гораздо меньше всякихъ льготъ, чѣмъ иностранные переселенцы; о немъ мало заботились, и нерѣдко оставляли его на произволъ судьбы въ борьбѣ со всевозможными препятствіями, оно, наконецъ, должно было становиться по большей части въ зависимость соціально-экономическія отношенія къ сравнительно небольшой группѣ владѣльцевъ—помѣщиковъ, которымъ покровительствовало правительство; а въ городахъ ему трудно было

конкурировать съ богатымъ, опытнымъ и поставленнымъ въ привилегированное положеніе нерусскимъ купечествомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, русскій элементъ, во 1-хъ, представлялъ изъ себя господствующую группу въ населеніи по своей численности, а во 2-хъ игралъ очень важную роль и въ созиданіи мѣстной культуры (какъ матеріальной, такъ и умственной). Мы уже могли убѣдиться въ этомъ на одномъ весьма важномъ примѣрѣ—преобладающимъ способомъ земледѣлія былъ не иностранный, а русскій; то же самое нужно сказать относительно скотоводства, игравшаго такую же видную роль въ экономической жизни, какъ и земледѣліе, и другихъ сельскихъ промысловъ; да и въ городскомъ быту нельзя игнорировать русской стихіи: мы видѣли, что раскольники принимали не менѣе видное участіе въ торговлѣ Елисаветграда, чѣмъ греки; да и вообще русскимъ (великорусскимъ и малорусскимъ) поселенцамъ не чужда была торговля 2-й руки и разныя ремесла; въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, Екатеринославѣ) иностранцевъ было очень мало. Говоря все это, мы нисколько не отрицаемъ громаднаго значенія иностранныхъ выходцевъ въ жизни края. Мы думаемъ даже, что необычайно быстрое развитіе мѣстной культуры объясняется, между прочимъ, разнообразіемъ этнографическаго состава населенія Новороссійскаго края; одна народность развивала одну сторону культуры, другая—другую. Такъ, по словамъ неизвѣстнаго автора «Опис. городовъ и уѣздовъ азов. губ.»¹⁾, великорусскіе однодворцы и крестьяне обнаруживали особенную склонность къ земледѣлію, малороссіяне, занимаясь земледѣліемъ, особенно любили скотоводство; армяне—промыслы и торговлю, греки—разныя мастерства, садоводство и хлѣбопашество и, прибавимъ отъ себя, въ городахъ торговлю. И опытъ показалъ, что съ этими свойствами и привычками представителей разныхъ народностей необходимо было считаться.

Всѣ заботы правительства о развитіи нѣмецкихъ земледѣльческихъ колоній, въ составъ которыхъ вошли бывшіе ремесленники, не привели ни къ чему; всѣ старанія властей обратить евреевъ-промышленниковъ въ хорошихъ земледѣльцевъ пропали даромъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу о роли государства въ дѣлѣ колонизаціи Новороссійскаго края. Она была очень велика, какъ это мы могли видѣть изъ всего предшествующаго изложенія. Оно прежде всего постаралось обезопасить этотъ край, возникшій на самыхъ та-

¹⁾ Зап. Од. Общ., III, 305.

тарскихъ кочевьяхъ и подвергавшійся постояннымъ нападеніямъ степняковъ. Съ этой цѣлью оно, какъ мы видѣли, устраивало крѣпости и цѣлыя укрѣпленныя линіи, поселяло въ нихъ военные контингенты, заводило военный флотъ, созидало дорого стоившіе порты и адмиралтейства, основывало съ торговыми и промышленными цѣлями города, присылало для ихъ постройки рабочихъ людей, ставило во главѣ дѣла, въ качествѣ руководителей колонизаціи, своихъ довѣренныхъ людей, вызывало иностранцевъ, затрачивало на ихъ устройство громадныя суммы, раздавало земли частнымъ владѣльцамъ-помѣщикамъ и отводило ихъ государственнымъ крестьянамъ и, наконецъ, принимало цѣлый рядъ мѣръ къ насажденію и развитію въ новомъ краѣ матеріальной и умственной культуры. И это понятно. Сами представители верховной власти въ лицѣ Екатерины II и Александра I-го смотрѣли на заселеніе Новороссіи, какъ на дѣло громадной государственной важности и не щадяли средствъ для его благополучнаго окончанія; мало того: сами лично интересовались имъ и направляли нерѣдко его ходъ въ ту или иную сторону; это ясно видно изъ переписки Екатерины II съ Потемкинымъ и имп. Александра I-го съ Рихелье. Лица, стоявшіе во главѣ колонизаціи, были очень близки къ трону, пользовались громадными полномочіями и облечены были полнымъ довѣріемъ власти. Мало того, это не были простые исполнители, а люди инициативы, примѣнявшіе на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ свои собственные проекты. Такимъ, несомнѣнно, дѣятелемъ былъ кн. Потемкинъ, такими отчасти были Зубовъ и Рихелье. Дѣятельность кн. Потемкина, какъ колонизатора Новороссіи, пытались оцѣнивать уже современники. Эта дѣятельность возбуждала слѣпое благоговѣніе у однихъ, сильную критику у другихъ (въ особенности у иностранцевъ). Кто зависѣлъ отъ него (а такихъ было громадное большинство), тотъ у него заискивалъ, льстилъ ему. Образцомъ подобной лести можетъ служить письмо къ нему его сотрудника Фалѣева, написанное по поводу пожалованія свѣтлѣйшему великогѣпнаго имѣнія у Святогорскаго монастыря (харьк. губ.): «думаю весь тотъ край, писалъ Фалѣевъ, благополучнымъ себя почтеть, что Святогорская дача пожалована вамъ, тѣмъ паче что всѣ тамошніе обыватели, между которыми и я, по милости вашей, въ ономъ помѣщикъ, подъ тѣнью вашего покровя и защиты блаженствовать будутъ. Сей край подлинно, который въ забвеніи и незнаніи по сію пору былъ... теперь воскреснетъ и лестнымъ учинится для всякаго»¹⁾. И Потемкинъ, какъ мы

¹⁾ Зап. Од. Общ., IX, 252.

видѣли въ дѣлѣ доктора Самойловича, не любилъ критики. Но такой критикѣ подвергали его дѣятельность иностранцы, не довольствовавшіеся осмотрѣть одной показной стороны, которую такъ любилъ щеголять свѣтлѣйшій, а обращавшіе вниманіе и на промахи, недостатки, слабыя стороны ея. Такъ поступали гвн. Іосифъ, де Линь и Сегюръ. Гвн. Іосифъ II-й говорилъ Сегюру, что всѣ тѣ сооруженія, которыя онъ видѣлъ въ Новороссійскомъ краѣ, могли быть исполнены только въ рабской странѣ, гдѣ ни во что ставится жизнь и труды человѣческіе, гдѣ въ болотахъ строятся дороги, гавани, крѣпости и дворцы, гдѣ въ пустыняхъ разводятъ лѣса безъ платы или за ничтожную плату полуголоднымъ рабочимъ. Если мы обратимся въ современныя изслѣдованія, то въ единъ увидимъ гл. образомъ панегирикъ, а въ другихъ и попытку равносроронней критической оцѣнки. Къ числу первыхъ мы причисляемъ статью Щербальскаго ¹⁾ и редакціи «Русской Старинѣ» ²⁾; къ числу вторыхъ монографію проф. Бригнера. Проф. Бригнеръ о Потемкинѣ говоритъ такъ: «результаты всей этой дѣятельности не соотвѣтствовали надеждамъ и намѣреніямъ Потемкина. Желая превратить южную Россію въ богатый край, покрытый садами, изобилующій городами, селами, отличающійся преведительностью, густымъ населеніемъ и пр., князь не могъ достигнуть этой цѣли. Изъ огромнаго числа дѣловыхъ бумагъ и писемъ канцелярій Потемкина видно, какъ многостороння и неуспѣшна была его дѣятельность по управленію южной Россіей; но вѣдетъ съ тѣмъ въ ней очевидна лѣхорадочность, поспѣшность, самообольщеніе, хвастовство и стремленіе къ чрезмѣрно высокимъ цѣлямъ. Приглашеніе колонистовъ, закладка городовъ, разведеніе лѣсовъ, виноградишковъ, шелководства, учрежденіе школъ, фабрикъ, типографій, корабельныхъ верфей — все это предпринималось чрезвычайно разнашесто, въ большихъ размѣрахъ, иричемъ Потемкинъ не щадилъ ни денегъ, ни труда, ни людей. Но, въ сожалѣнію, многое было начато и брошено; другое съ самаго начала оставалось на бумагѣ; осуществилась лишь самая ничтожная часть смѣлыхъ прочетовъ» ³⁾ Въ этухъ словахъ вѣрно изображены слабыя стороны дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Тавриды. Мы бы сюда присоединили еще одну черту, которая, впрочемъ, въ одинаковой степени относится и къ другимъ дѣятелямъ — Зубову и къ особенностямъ Ри-

¹⁾ Сборникъ антропол. и этногр. статей о Россіи, изд. Дашковимъ, I, 130—143.

²⁾ «Русская Старина» 1875 г., т. XII, XIII, XIV.

³⁾ Новь, 1887 г., № 4, стр. 207.

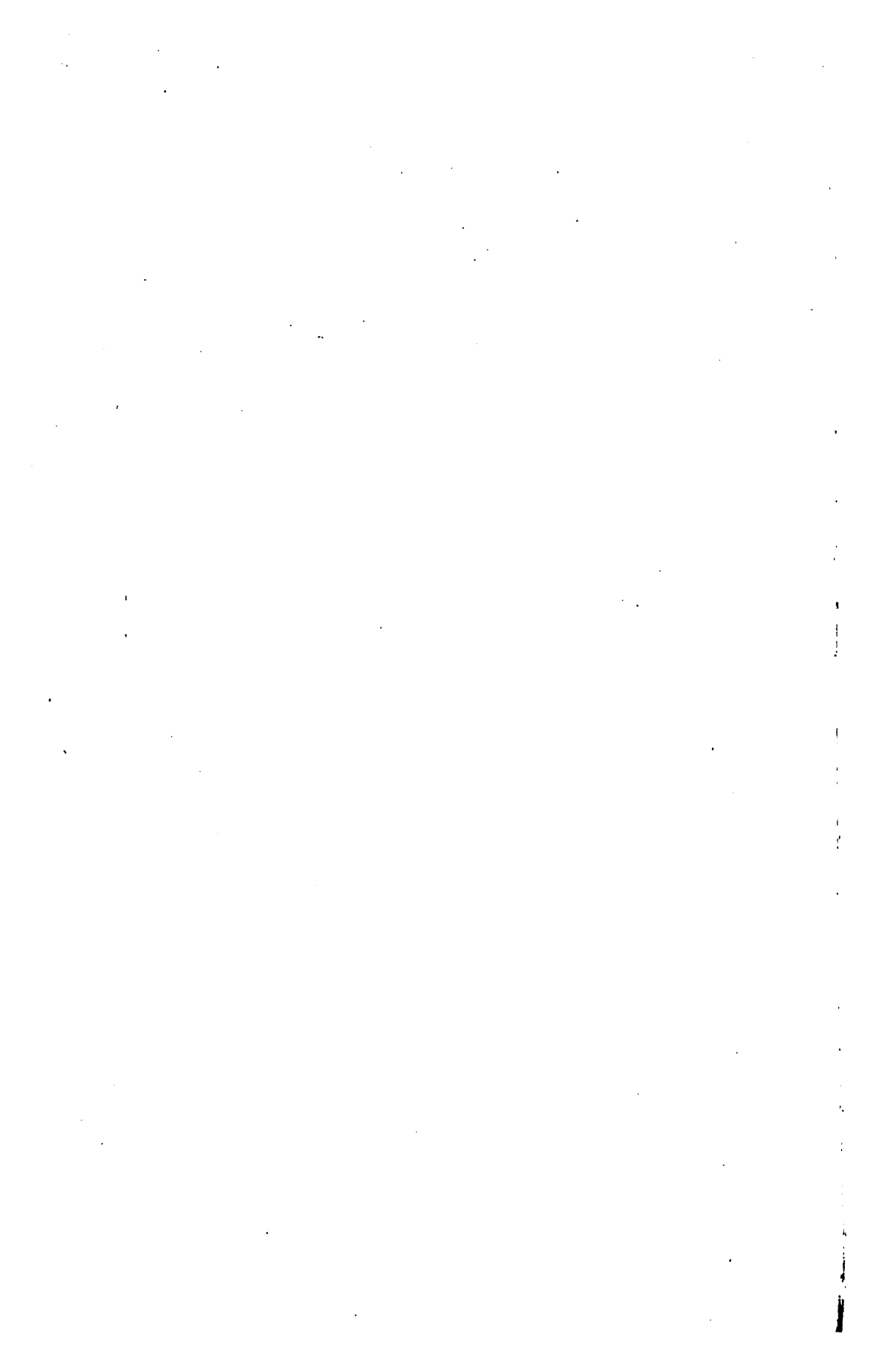
шелье; это — покровительство высшему слою, составившему привилегированное меньшинство, и принесение ему въ жертву интересовъ большинства. Такъ созидалось на новой почвѣ крѣпостное право, а между тѣмъ иностранные переселенцы, только потому что они были иностранцами, получили и сохранили за собою множество привилегій. Мы нисколько не считаемъ вредными этихъ привилегій; наоборотъ, мы думаемъ, что онѣ то главнымъ образомъ и создали матеріальное благосостояніе иностранныхъ колоній. Мы только думаемъ, что льготы должны были быть распредѣлены болѣе правильно и равномерно по степени полезности, приносимой той или другой народностью, тѣмъ или инымъ общественнымъ слоемъ. Но это была болѣзнь екатерининскаго вѣка, которая досталась въ наслѣдіе и александровской эпохѣ. Знаменитый, просвѣщенный дѣятель времени имп. Александра I-го, гражданинъ французской имперіи, дюкъ де-Ришелье также энергически отстаивалъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ — и относился въ высшей степени отрицательно къ низшему классу общества (б. запорожцамъ), хотя и пользовался для цѣлей колонизаціи безнаспорными и бродягами.

О заслугахъ свѣтлѣйшаго князя и другихъ дѣятелей намъ говорить не приходится: онѣ, во 1-хъ, всѣмъ извѣстны, а во 2-хъ, выяснены до вѣкоторой степени и въ настоящемъ этюдѣ. То, что мы сказали выше о роли государства, относится и къ Потемкину, ибо во всемъ этомъ: была его инициатива и дѣятельность. Его ошибки именно потому и многочисленны, что его дѣятельность была necessarily обширна, равнообразна и интенсивна. Мл. Зубовъ, по сравненію съ нимъ, но меньшей мѣрѣ неудачникъ: у него были потемкинскіе недостатки, но не было потемкинскихъ дарованій. На строеніе города Вознесенска онъ испросилъ у императрицы круглую сумму до 3,000,000 руб., и это только для того, чтобы построить «свой» городъ, который бы затмилъ Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ, основанные кн. Потемкинымъ. Дѣятельность Ришелье говоритъ сама за себя: ему исключительно Одесса обязана быстрымъ экономическимъ ростомъ и благоустройствомъ. Заслуживаютъ также добраго слова второстепенные и третьестепенные дѣятели — Каховскій, Синельниковъ, Фалѣевъ, Контениусъ, полк. Колпагъ и ми др. Не всѣ они оказали одинаковыя услуги: одни сдѣлали больше, другіе меньше; не будемъ слишкомъ строги къ тѣмъ, которые думали сдѣлать очень много, а въ результатъ вышло мало. Не мало было сдѣлано удачнаго, полезнаго, жизненнаго, много также неудачнаго, необдуманнаго, иногда вреднаго; одни

руководствовались идеей общественного блага, другіе просто исполнили свой долгъ, третьи стремились къ славѣ, четвертые не чужды были и корыстныхъ побужденій. Но результаты общихъ усилій были очень существенны: путемъ оружія и мирнаго наступательнаго колонизаціоннаго движенія пріобрѣтены и заселены были новороссійскія степи и въ нихъ насаждена значительная матеріальная и умственная культура.

Д. И. Багалъй.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе.	1
Глава 1-я. Природа страны.	5
Географическое положеніе степей.—Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами; Бугъ и Днѣстръ.—Флора.—Фауна.—Незгоды степной жизни: зимнія стужи, лѣтніе жары и засухи; саранча; соотдѣство съ татарами.	
Глава 2-я. Первые поселенцы.	20
Первые колонисты — запорожскіе козаки. — Вліаніе мѣстныхъ условій на внутреннюю организацію ихъ общины.—Боевое значеніе Запорожья.—Заселеніе ими степей: пространство, занятое Запорожьемъ въ XVIII в.; виды запорожскихъ поселковъ; статистика населенія.	
Глава 3-я. Русская государственная и народная колонизація въ XVIII и 1-й четверти XIX вѣка.	30
Постройка укрѣпленныхъ лѣній и крѣпостей.—Постройка городовъ: Херсона, Екатеринослава, Николаева, Одессы.—Основаніе селеній: малорусскія и великорусскія казенныя слободы; помѣщичьи села и деревни.	
Глава 4-я. Иностранная колонизація въ XVIII-иъ и 1-й четверти XIX в.	77
Сербская колонизація въ царствованіе Елизаветы Петровны; ея ходъ, дѣятели и общая оцѣнка.—Вызовъ иностранныхъ колонистовъ въ царствованіе Екатерины II-й.—Манифестъ Императора Александра I-го.—Славянская колонизація въ царствованіе Екатерины II-й, Павла и Александра I-го.—Нѣмецкая колонизація въ тѣ же царствованія,— менонитовъ и другихъ нѣмецкихъ выходцевъ; судьба шведской колоніи.—Появленіе нѣкоторыхъ представителей романскаго племени.—Переселеніе грековъ.—Выходъ армянъ.—Переходъ молдаванъ.—Переселеніе евреевъ и основаніе еврейскихъ земледѣльческихъ колоній.—Цыгане.—Общія соображенія.	
Глава 5-я. Зачатки мѣстной культуры.	99
Историческія данныя о матеріальной культурѣ.—Земледѣліе.—Садоводство.—Огородничество.—Скотоводство.—Рыболовство.—Добыча соли и каменнаго угля.—Торговля.—Движеніе умственной культуры.—Роль русскаго населенія и иностранцевъ.—Роль правительства и характеристика его главнѣйшихъ дѣятелей.	

Важнѣйшія опечатки.

		Напечатано.	Нужно читать:
27	стран. 17 стр.	сверху никогда не утраत्याхъ своего значенія	доселѣ не утратившихъ своего значенія
30	" 3 "	сверху колонизаціонный вопросъ	колонизаціонный процессъ.
31	" 4 "	сверху постараемся	мы постараемся
"	" 15 "	сверху Глава I-я.	Глава 1-я. Природа страны.
34	" 8 "	сверху Онѣ состоятъ	„Онѣ состоятъ
50	" 32 "	сверху Орши	Орели.